

ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Философия. Психология. Педагогика

2020

Том 20

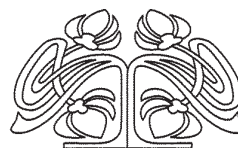
Выпуск 3

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ

САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
Новая серия

Научный журнал
2020 Том 20
ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)
Издается с 2005 года

Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

- Артамонов Д. С., Тихонова С. В.** От мифов о прошлом к мифологизации времени в цифровой медиасреде 234
- Гаспарян Д. Э.** Рождение и смерть субъекта в философии А. Кожева 240
- Даренская В. Н.** Ментальные основания культурной специфики восточно-христианской цивилизации 247
- Дуплинская Ю. М.** Онтология и язык в контексте лингвистического поворота 253
- Еремин Д. П.** Томас Рид о деятельной способности как причине изменений в мире 259
- Ерохин В. С.** Эволюционность развития социальных норм: от аскриптивности к дескриптивности 265
- Каменщиков Д. А.** Применение риторических топов в евангельском тексте 270
- Лузина И. И.** Проблемы биоэтики в современной науке: философский аспект 274
- Маховиков А. Е.** Рациональная деятельность современной личности и смысл ее «разумности» 279
- Сидоренко В. А.** Трансляционные механизмы культурной коммуникации 284
- Фалёв Е. В.** Хайдеггер как «христианский теолог»? 289

Психология

- Аксеновская Л. Н.** Методика диагностики отраслевых типов организационной культуры 294
- Григорьева А. А.** Социально-психологическая специфика семей подростков с различными видами аутоагрессивного поведения 302
- Забелина Е. В., Честюнина Ю. В.** Результаты разработки методики для исследования экономической активности 307
- Рягузова Е. В., Чинчевич Е. В.** Ценностные профили современных студентов и преподавателей: согласованность или разрыв? 315
- Ушакова В. Р.** Ценность семьи и родительства у молодежи с разными моделями репродуктивного поведения 322

Педагогика

- Александрова Е. А., Аття М. Р., Ахметов С. И.** Классификация стратегий электронного взаимодействия в web-обучении 329
- Белаш В. Ю.** Экспериментальная проверка методики формирования готовности учителя к проектированию и реализации элективных курсов экономико-математической направленности 334
- Качанова Л. А.** Формирование духовно-нравственных основ личности младшего школьника на уроках русского языка и литературного чтения 340
- Павлова Н. И., Прокофьева Л. П.** Пропедевтический курс деонтологии в преподавании русского языка как иностранного в медицинском вузе: перспективы разработки 346

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76648 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 09.00.01; 09.00.03; 09.00.05; 09.00.07; 09.00.08; 09.00.11; 09.00.13; 09.00.14; 13.00.01; 13.00.02; 13.00.05; 13.00.08; 19.00.01; 19.00.04; 19.00.05; 19.00.07)

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36014, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Батищева Татьяна Федоровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Батищева Татьяна Федоровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Подписано в печать 25.09.2020
Подписано в свет 30.09.2020
Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 13,95 (15,0).
Тираж 500 экз. Заказ 75-Т.
Цена свободная

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2020

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;

- на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегиям серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

- аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;

- в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: http://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: arogia@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS**Scientific Part****Philosophy**

- Artamonov D. S., Tikhonova S. V.** From Myths about the Past to the Mythologization of Time in the Digital Media Environment 234
- Gasparyan D. E.** Birth and Death of the Subject in A. Kozhev's Philosophy 240
- Darenskaya V. N.** Mental Foundations of the Cultural Specificity of Eastern Christian Civilization 247
- Duplinskaya Yu. M.** Ontology and Language in the Context of the Linguistic Turn 253
- Yeremin D. P.** Thomas Reid about the Active Power as the Cause of Changes in the World 259
- Erokhin V. S.** Evolutionary Development of Social Norms: from Ascriptiveness to Descriptiveness 265
- Kamenschikov D. A.** The Use of Rhetorical Topics in the Text of the Gospel 270
- Luzina I. I.** The Problems of Bioethics in Modern Science: Philosophical Aspect 274
- Makhovikov A. E.** The Rational Activity of a Modern Personality and the Meaning of Its "Rationality" 279
- Sidorenko V. A.** Translational Mechanisms of Cultural Communication 284
- Falev E. V.** Heidegger as a "Christian theologian"? 289

Psychology

- Aksenovskaya L. N.** Diagnostics of Branch Types of Organizational Culture 294
- Grigorieva A. A.** Socio-Psychological Specificity of Families of Adolescents with Various Types of Autoaggressive Behavior 302
- Zabelina E. V., Chestyunina Yu. V.** Results of the Development of the Economic Activity Inventory 307
- Ryaguzova E. V., Chinchevich E. V.** Value Profiles of Modern Students and Teachers at Universities: Consensus or Gap? 315
- Ushakova V. R.** Family Value in Young People with Different Reproductive Behaviors 322

Pedagogy

- Alexandrova E. A., Attia M. R., Akhmetov S. I.** Classification of Electronic Interaction Strategies in Web-learning 329
- Belash V. Yu.** Experimental Verification of the Formation Method of Teacher's Readiness for Design and Implementing Elective Courses of Economic and Mathematical Content 334
- Kachanova L. A.** Formation of Spiritual and Moral Foundations of the Junior Pupil Personality at Lessons of the Russian Language and Literary Reading 340
- Pavlova N. I., Prokofyeva L. P.** Propaedeutic Course of Deontology in Teaching Russian as a Foreign Language in Medical University: Perspective of Study Manual 346

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ
СЕРИЯ. СЕРИЯ: Философия. Психология. Педагогика»**

Главный редактор

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Данилов Сергей Александрович, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Демидов Александр Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Боско Джеймс, Ed.D, профессор (Мичиган, США)
Варламов Дмитрий Иванович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Гобозов Иван Аршакович, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Гриценко Валентина Васильевна, доктор психол. наук, профессор (Москва, Россия)
Железовская Галина Ивановна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Жуковский Владимир Петрович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Мартынович Сергей Федорович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рахимбаева Инга Эрленовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рязанов Александр Владимирович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Стеклова Ирина Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Стризое Александр Леонидович, доктор филос. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Филимонова Ольга Федоровна, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Чумаков Александр Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY»**

Editor-in-Chief – Vladimir B. Ustiantsev (Saratov, Russia)

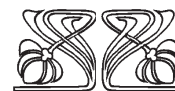
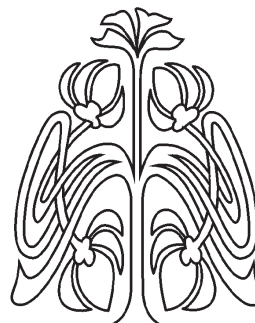
Deputy Editor-in-Chief – Evgeniya V. Listvina (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Sergey A. Danilov (Saratov, Russia)

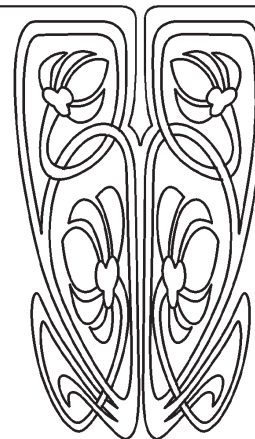
Members of the Editorial Board:

Liudmila N. Aksenovskaya (Saratov, Russia)
Ekaterina A. Aleksandrova (Saratov, Russia)
Alexander I. Demidov (Saratov, Russia)
Ekaterina I. Balakireva (Saratov, Russia)
James Bosco G. (Michigan, USA)
Dmitry I. Varlamov (Saratov, Russia)
Ivan A. Gobozov (Moscow, Russia)
Valentina V. Gritsenko (Moscow, Russia)
Galina I. Zhelezovskaya (Saratov, Russia)
Vladimir P. Zhukovsky (Saratov, Russia)
Igor I. Kalnoy (Simferopol, Russia)
Sergei F. Martynovich (Saratov, Russia)

Mikhail O. Orlov (Saratov, Russia)
Inga E. Rakhimbaeva (Saratov, Russia)
Elena V. Ryaguzova (Saratov, Russia)
Alexander V. Ryazanov (Saratov, Russia)
Irina V. Steklova (Saratov, Russia)
Alexander L. Strizoe (Volgograd, Russia)
Olga F. Filimonova (Saratov, Russia)
Svetlana V. Frolova (Saratov, Russia)
Igor A. Furmanov (Minsk, Belarus)
Alexander N. Chumakov (Moscow, Russia)
Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ФИЛОСОФИЯ

УДК 115.4+316.6

От мифов о прошлом к мифологизации времени в цифровой медиасреде

Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова

Артамонов Денис Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, artamonovds@mail.ru

Тихонова Софья Владимировна, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, segedasv@yandex.ru

Статья посвящена проблемам трансформации темпоральных структур мифологии в цифровой медиасреде. Показана роль времени в функционировании мифов о прошлом, рассмотрены механизмы сопряжения сакрального прошлого истоков, героического времени борьбы, стабильного «преднастоящего», настоящего и будущего. Мифологическая «линейка времени» зависит от опыта художественного осмысления времени и коммуникационного уклада. Если для модерна характерен синтез мифологического циклического времени с линейным временем исторической науки, постмодерн открывает возможности для эстетических экспериментов с временной последовательностью прошлого, настоящего и будущего. Утверждается готовность цифровых масс к применению эстетических приемов постмодерна в низовом создании образов Прошлого. Новая мифологизация Прошлого не является внутренним делом субъекта. Она не сводится к согласию с тиражируемыми образами или отказу от них. Интернет-среда впервые в истории сделала возможным коммуникативное освобождение масс, позволив им активно транслировать собственную версию Прошлого, создавая цифровой контент, востребованный в массовом же потреблении. На примере феномена советской ностальгии демонстрируется переход к цифровой мифологизации времени, свободно перекраивающей образы Прошлого и Будущего и произвольно устанавливающей отношения между ними.

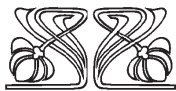
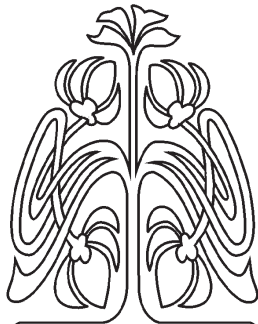
Ключевые слова: социальная философия, теория мифа, образы прошлого, мифологизация времени.

Поступила в редакцию: 15.04.2020 / Принята: 20.05.2020 / Опубликовано: 30.09.2020

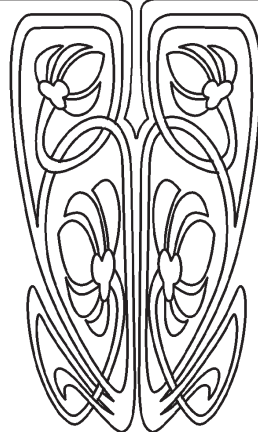
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-234-239>

Классической областью исследований времени в теории мифов являются мифы о прошлом. С. Ю. Неклюдов определяет представления о пространстве и времени как «мифологический хронотоп», где время объединяет три пласта – вчерашнее время как личное прошлое рассказчика в пределах одного поколения, историческое прошлое в пределах пяти поколений и мифологизированное (сакральное) время «начала начал» творения космоса [1]. Мифы о прошлом играют роль опорных структур мифопространства, формируя его пространственно-временной континуум. В современной социальной мифологии они задают хронографию мифа, обеспечивая взаимодействие и синхронизацию циклического времени сакрального мифа и линейного времени научной картины мира, характерного для

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

технологической рациональности современного капитализма. Совмещение разных планов времени – важное условие воспроизводства социальной мифологии, актуализирующее те или иные мифокомплексы в контексте наличной повестки дня. Весь массив последовательности исторических событий, установленных и зафиксированных профессиональными историками под контролем государства, является строительным материалом образа Прошлого.

Логика совмещения социальных модусов времени исторически подвижна. В период Модерна она работает следующим образом. Линейная схема истории делится на отрезки относительно «сакрального» времени истоков, обладающего повышенной мифогенной плотностью. Эти отрезки наделяются полярной аксиологической окрашенностью, необходимой для эмоциональной конфликтности между «темными» временами, героической борьбой за возвращение света и относительно непротиворечивым настоящим. Конструирование коммеморативных практик позволяет поддерживать связь с периодом «истоков», реактуализируя его через символические практики – ритуалы, церемонии, мемориалы. Отметим, что практики структурирования прошлого в Новейшее время вынуждены опираться на однозначно зафиксированные ключевые даты (архаичные мифологии такой роскоши (обременения) не знали, поскольку реальное прошлое ограничивалось памятью трех – максимум пяти поколений), считаясь с мощной традицией исторических исследований. Однако они легко наделяют границы отрезков подвижностью, динамично выстраивая исторические дистанции и сближения, заставляя линейную периодизацию пульсировать, придавая ей ритмичный рисунок проявленности подлинного Смысла истории.

Дрейф «линейки Прошлого» детерминирован конфигурацией коммуникационного пространства, определяющей механику ее сборки. Например, для советской мифологии точкой «альфа» была Великая Октябрьская социалистическая революция, сменившая «темную эру» царизма. Время истоков, связанное с революционным движением и его победой, по мере линейного продвижения вперед постепенно поглощало время героической борьбы, расширяясь и включая историю Гражданской войны, индустриализацию, а затем и Великую Отечественную войну, когда «наши отцы и деды кровь проливали», чтобы здесь и сейчас современники жили хорошо. «Хорошо» настоящего в обозримой перспективе сменится еще более прекрасным светлым будущим. Эту связку «позавчера, сегодня, завтра» мы легко обнаружим дрейфующей, если обра-

тимся к историческим источникам: в газетах, стенограммах, протоколах заседаний текущий момент (за исключением страшных лет Великой Отечественной войны) никогда не оценивается как более тяжелый (или хотя бы равный по степени тяжести), чем время истоков, а наступление эры коммунизма сдвигается на все более поздние сроки.

В периоды господства тотальных государственных идеологий историческая мифология культивировалась по государственному заказу. Советское государство создало мощнейшую идеологическую машину, в рамках которой были сформированы, во-первых, через тщательную селекцию привилегированный слой «творческой интеллигенции» – писателей, поэтов, актеров, режиссеров и сопутствующих профессий, во-вторых, система цензуры, позволяющая государству включаться в производство культурного продукта, выстраивая его в нужном идеологическом ключе, делая пригодным для решения вполне конкретных прагматических задач мировоззренческого и педагогического характера; в-третьих, вертикальная система массовой информации, позволяющая управлять низовым культурным потреблением.

Тиражируемый в советское время мифологический образ Прошлого отнюдь не канул в Лету с началом перестройки и распадом СССР. Борьба за гласность, рассекречивание архивов, деидеологизация не смогли его уничтожить, хотя и вызвали к жизни мощнейшие процессы по его пересмотру. Понижение в мифологическом статусе Октябрьской революции, смягчение негативных оценок имперского периода, нейтрализация оценок роли Коммунистической партии и коммунистической идеологии, культивирование памяти о Великой Отечественной войне привели к появлению нового советского мифа о Прошлом, который по-прежнему воспроизводится на правах мифологического макронарратива, отражаясь не только в государственной политике памяти, но и в массовом бытовании так называемой «но-стальгии по СССР». В этом мифе максимально сглажены канонические отрезки линейки Прошлого, «сбита» политико-правовая калибровка их маркирования, точка «альфа» смещена от революционных событий 1917 г. к периоду Великой Отечественной войны. Подвиг народа стал основой памяти народа, объединяющей в консолидационной риторике многонациональное и многоконфессиональное население Российской Федерации в единое целое.

С точки зрения старых объяснительных схем создалась парадоксальная ситуация: при отсутствии идеологической преемственности

с советским политическим режимом и пропагандистской монополии государство готово насаждать советский миф старыми средствами, а общество само его успешно воспроизводит, опираясь на новые коммуникативные возможности цифрового общества потребления. Со второй половины нулевых годов нынешнего столетия началось возрождение моды на советскую атрибутику, сначала активно эксплуатировавшуюся маркетингом в квазиаутентичных «советских» брендах. Потребительская мода быстро перешла во все сферы культуры, снижая негативные оценки тоталитаризма, репрессий, культ личности. Научная рефлексия на первых порах отреагировала на нее с позиций примата централизованного идеологического влияния, видя в советском ренессансе результат стремления руководства страны реструктуризировать советскую систему [2, с. 18]. Тем не менее советская ностальгия набирала обороты настолько быстро и масштабно, захватывая когорты молодежи, родившейся после распада СССР, что государственными усилиями объяснить ее было уже нельзя. В последние годы феномен советской ностальгии пытаются интерпретировать на основе теории гибридной постпамяти Марианны Хирш, согласно которой возможна передача травматического опыта, заданного конкретным событием, последующим поколениям [3, с. 129]. Социологические исследования показывают не только перманентные сожаления россиян о распаде СССР, устойчивость памяти о Великой Отечественной войне, но и рост ностальгических эмоций к позднему советскому периоду – брежневской эпохе застоя [4]. При этом материалы, демонстрирующие противоречия и темную сторону советской истории, по-прежнему находятся в открытом доступе. Россияне прекрасно знают об их существовании, как минимум, благодаря системе образования, но не используют для собственных мемориальных практик. На сегодняшний день очевидно, что государственная политика памяти использует социальное настроение россиян, но она его не формирует и не обгоняет.

Большинство концепций *memory studies* рассматривают работу коллективной памяти в ключе лассуэлловской парадигмы прямого влияния – политика памяти насаждает мифы, которые легко приживаются в том случае, если не вступают в конфликт с личным опытом и семейной историей. Конфликт служит барьером, за которым формируется пространство альтернативного образа Прошлого. Феномен советской ностальгии демонстрирует границы применимости такого подхода – если устойчивость памяти о Великой Отечественной войне можно попытаться объяс-

нить работой постпамяти, то симпатии к эпохе застоя, не включающей массового травматического опыта, не позволяют ни верифицировать эту модель, ни показать ее пригодность для конкретного периода (почему популярен именно брежневский застой, а не хрущевская оттепель с расцветом культуры и полетом Гагарина в космос?).

На наш взгляд, обоснованное социально-философское объяснение возможно при учете революционного сдвига коммуникационного уклада. Архитектоника возрожденной советской мифологии задана принципиально новой конфигурацией коммуникационного пространства, сделавшей возможным раскрепощение исторического воображения масс. Сетевое общество (М. Кастельс) позволяет индивиду не просто развивать горизонтальные сети социальных связей, оно смягчает давление вертикальных ансамблей массовой информации и открывает двери в массовую коммуникацию для ее восходящих потоков. Личная и семейная история долго были «заперты» на территории приватности, откуда в публичную сферу их могли извлечь лишь усилия профессиональных историков и журналистов. Миф о советском прошлом задан личным опытом: наиболее активным носителем «советской ностальгии» выступает последнее советское поколение 1976–1982 гг. рождения и этот субъективный опыт становится основой пересборки прошлого. Важно, что новая мифологизация Прошлого не является внутренним делом субъекта. Она не сводится к согласию с тиражируемыми образами или отказу от них. Интернет-среда впервые в истории сделала возможным коммуникативное освобождение масс, позволив им активно транслировать собственную версию Прошлого, создавая цифровой контент, востребованный в массовом же потреблении.

Важным обстоятельством является осевая структура пересборки: ее фундаментом служит не классическая современная мифологизация прошлого, а цифровая мифологизация времени. Отметим, что время долго оставалось слабо доступным для мифологизации объектом. Экзистенциальный опыт трансформации последовательности «прошлое – настоящее – будущее» жестко детерминирован фундаментальностью онтологического характера времени. Ментальные, «воображаемые» возможности такой трансформации, связанные с художественным осмыслением реальности, опираются на социальный опыт, включающий данные о качественной различной исторической динамике. Сюжет о волшебном сне, позволяющем заглянуть в будущее, встречается, например, у Диогена Лаэртского, описывающего «любимца богов»

критянина Эпименида, проспавшего 57 лет [5, с. 99–100]. Однако широкого хождения этот сюжет не имел. Стартом мифологизации времени можно считать новеллу «Рип ван Винкль» В. Ирвинга о человеке, в энигматическом сне проспавшем время своего поколения и проснувшемся в разгар Войны за независимость. С появлением Рип ван Винкля начинается длительная разработка идеи путешествий во времени в литературе, в первую очередь в научной фантастике. В настоящее время она представляет собой богатую традицию общеизвестных литературных и кинематографических сюжетов.

Отметим, что фантастические путешествия во времени не меняют саму концепцию линейности истории, в евклидовой геометрии проектирующей устремленность в Будущее. Ее радикально перекраивает постмодерн. Как показывает В. Г. Косыхин, постмодерн формирует новое представление об истории, понимая ее «нелинейно, смешивая разные исторические пласты, допуская обратимость исторической герменевтики, возможность начинать историю с любого места в рамках преодоления модернистского мифа об абсолютности начала и необходимости возвращения к этому началу» [6, с. 394]. Работа со временем была начата уже режиссерами Новой французской волны в авторском кино 60-х гг. XX в., перемешивавшими периоды повествования в «неправильном» порядке. Широкую известность и влияние в массовой культуре этот прием получил благодаря фильмам К. Тарантино в конце минувшего столетия.

Эстетические и идеологические эксперименты массового искусства наложились на новый коммуникативный цифровой опыт. Во-первых, рост индустрии компьютерных игр привел к тотальному включению в их практики молодых поколений. Предоставляя геймеру неограниченное число попыток прохождения сюжета с разными точками входа, game-пространство сформировало новое восприятие времени, в котором оно трансформировано в управляемую субстанцию, локализуемую в различных циклических комбинациях. Компьютерные игры активно эксплуатируют как исторические, так и научно-фантастические сюжеты, в которых Прошлое может быть не только возвращено, но обжито, перекроено, модернизировано и декорировано по вкусу игрока. Современные игры все больше зависят от вкусов геймеров как через опосредованные каналы маркетинговых исследований, так и через прямое участие конечных потребителей в разработке игр (инди-проекты) и их модификаций (моды).

Во-вторых, получила распространение цифровая мобилография, благодаря которой фото-

графия перестала быть элитарной техникой и превратилась в массовый способ «захвата Настоящего». Феномены селфи и инстаграм-фото демонстрируют новые способы фиксации текущего момента, семиотизации контекста (заднего плана), превращение фотографии в сообщение о времени, себе, мире и людях. Цифровая фотография, выгруженная в социальные сети, становится важным элементом практики самопрезентации и самопознания, выстраивания пространства личности и ее наличного самоощущения. Момент, однажды пережитый, растягивается через демонстрацию, разглядывание и комментариев, расширяя Настоящее.

В-третьих, происходит активное включение огромного числа людей в производство цифрового контента с текстовыми элементами, имеющего отношение к образам Прошлого. Это и развитие сетературы, включающей развитие нового жанра альтернативно-исторической фантастики, появившегося в 90-е гг. минувшего века; создание фанфиков по мотивам историко-фантастических произведений, тематических исторических пабликов и фейковых профилей исторических личностей в социальных сетях. Наглядно эволюцию исторического цифрового контента демонстрирует жанр интернет-мемов, ставший неотъемлемой чертой современного общества [7, с. 2864]. В социальных сетях изображения с ироничной подписью стали базовой лаконичной формой выражения субъективного отношения к сложным или негативным явлениям [8]. Интернет-пользователи, вынужденные в условиях информационной перегрузки и дефицита времени быстро реагировать на изменения повестки дня, используют мемы для метафорического выражения своего эмоционального отношения к значимым для них сведениям, связанным с удовлетворением когнитивных, семантических и аксиологических потребностей. Авторы мемов активно используют исторические события, персонажей, цитаты. С темпоральной точки зрения характерна когерентностная функция мема, сопрягающая разные временные пласты, прошлое, настоящее или будущее, для передачи конкретной идеи. Иногда эстетическая техника мемов заимствует кинематографические приемы постмодернистской работы со временем, но возможны и чисто цифровые рекурсии. Примером может быть история мема с котиками «Наташ, ты спишь? Уже 6 часов утра. Вставай, мы там все уронили. Мы уронили вообще все, Наташ, честно». Мем появился в феврале 2020 г. Он отражал утренние особенности быта типичного котовладельца. Яркость его эмоционального сообщения стала основой «наложения» мема на повестку дня.

На протяжении марта 2020 г. в модификациях мема котика принимали конституцию, «роняли» цены на нефть, обнуляли президентские сроки, закрывали хозяйку на самоизоляцию, продлевали карантин по COVID-19, доедали гречку, дичали до состояния львиного прайда, переходили на онлайн-обучение, надевали маски, пытались вернуться в Россию на самолете, сражались с печенегам. В апреле 2020 г. котика окончательно превратились в «котов-летописцев», подборку эволюции базовых мемов (более 30 вариантов), набрав за сутки 1734 репоста и продолжив победное шествие по русскоязычному Фейсбуку. Таким образом, интернет-мем, отражающий повестку дня, превратился в живую летопись, коллекционирующую собственные модификации.

Психологически обыватель давно готов к путешествиям во времени и явно расстроен из-за отсутствия их технической возможности. Цифровая среда создала условия для небывалой визуализации Прошлого, возможности погружения в ушедшие эпохи и совместного действия в их цифровых симулякрах. Массы не просто активно осваивают эту призрачную территорию, но и непрерывно генерируют цифровые следы своего восприятия, объективируют и транслируют их. Образы Прошлого благодаря цифре обрели невероятную плотность присутствия в Настоящем и открыли шлюзы для мифологической экспансии во Время.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-011-00297

«Мифологизация времени в современной медийной среде: риски трансформации, стратегии конструирования, дискурсивные практики»).

Список литературы

1. Неклюдов С. Ю. Структура и функции мифа // Современная российская мифология : сб. статей / сост. М. В. Ахметова. М. : Рос. гос. гум. ун-т, 2005. С. 9–27.
2. Гудков Л. Время и история в сознании россиян. Ч. II // Вестник общественного мнения. 2010. № 2 (104). С. 13–61.
3. Бараиш Р. Э. О некоторых причинах «советской» ностальгии и особенностях исторической памяти россиян о советском периоде // Социологическая наука и социальная практика. 2017. Т. 5, № 4 (20). С. 124–151. DOI: 10.19181/snsp.2017.5.4.5523
4. Абрамов Р. Н. Отношение к позднему советскому прошлому как объект социологического исследования // Общественные науки и современность. 2019. № 5. С. 108–120. DOI: 10.31857/S086904990006566-4
5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / под общ. ред. А. Ф. Лосева. М. : Мысль, 1979. 620 с.
6. Косыхин В. Г. Хайдеггер, нигилизм и завершение онто-исторического проекта модерна // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 393–397. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-393-397
7. Seiffert-Brockmann J., Diehl T., Dobusch L. Memes as games : The evolution of a digital discourse online // New Media & Society. 2018. Vol. 20, iss. 8. P. 2862–2879. DOI: 10.1177/1461444817735334
8. Nissenbaum A., Shifman L. Meme Templates as Expressive Repertoires in a Globalizing World: A Cross-Linguistic Study // Journal of Computer-Mediated Communication. 2018. Vol. 23. P. 294–310.

Образец для цитирования:

Артамонов Д. С., Тихонова С. В. От мифов о прошлом к мифологизации времени в цифровой медиасреде // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 234–239. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-234-239>

From Myths about the Past to the Mythologization of Time in the Digital Media Environment

D. S. Artamonov, S. V. Tikhonova

Denis S. Artamonov, <https://orcid.org/0000-0001-8689-1948>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410002, Russia, artamonovds@mail.ru

Sofiya V. Tikhonova, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410002, Russia, segedav@yandex.ru

The article deals with the transformation of temporal structures of mythology in the digital media environment. The authors show the role of time in the functioning of myths about the Past, consider the

mechanisms of coupling the sacred past of the origins, the heroic time of struggle, the stable “pre-present”, the present and the future. The mythological “ruler of time” depends on the experience of artistic understanding of time and the way of communication. While modernity synthesizes mythological cyclical time with the linear time of historical science, postmodernity opens up opportunities for aesthetic experiments with the temporal sequence of the past, present and future. The authors show the readiness of digital masses to apply postmodern aesthetic techniques in the grassroots creation of images of the Past. The new mythologization of the Past is not an internal matter of the subject, his or her consent or protest against replicated images. The Internet environment for the first time in history freed the masses in communication, allowed them to broadcast their own version of the Past actively, and create digital content for mass consumption. Using the phenomenon of Soviet nostalgia as an example, the authors demonstrate the transition to

digital mythologization of time, which freely reshapes images of the Past and Future, and arbitrarily establishes relations between them.

Keywords: social philosophy, theory of myth, images of the Past, mythologizing of Time.

Received: 15.04.2020 / Accepted: 20.05.2020 / Published: 30.09. 2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Acknowledgements: *This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-011-00297 “Time mythologization in the modern media environment: the risks of transformation, construction strategies, discursive practices”).*

References

1. Neklyudov S. Yu. Structure and functions of the myth. In: *Sovremennaya rossijskaya mifologiya: sbornik statej; sost. M. V. Axmetova* [Modern Russian mythology: collection of articles. Compiler ed. M. V. Axmetova]. Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2005, pp. 9–27 (in Russian).
2. Gudkov L. Time and history in the minds of Russians. Part II. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [The Russian Public Opinion Herald], 2010, no. 2 (104), pp. 13–61 (in Russian).
3. Barash R. E. About some reasons for “Soviet” nostalgia and features of historical memory of Russians about the Soviet period. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice], 2017, vol. 5, no. 4 (20), pp. 124–151 (in Russian). DOI: 10.19181/snsp.2017.5.4.5523
4. Abramov R. N. Attitude to the late Soviet past as an object of sociological research. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2019, vol. 5, pp. 108–120 (in Russian). DOI: 10.31857/S086904990006566-4
5. Diogenes Laërtius. *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filozofov* [Lives and Opinions of Eminent Philosophers]. By total ed. A. F. Losev. Moscow, Mysl' Publ., 1979. 620 p. (in Russian).
6. Kosykhin V. G. Heidegger, Nihilism and Completion of the Onto-Historical Project of Modernity. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 393–397 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-393-397
7. Seiffert-Brockmann J., Diehl T., Dobusch L. Memes as games: The evolution of a digital discourse online. *New Media & Society*, 2018, vol. 20, iss. 8, pp. 2862–2879. DOI: 10.1177/1461444817735334
8. Nissenbaum A., Shifman L. Meme Templates as Expressive Repertoires in a Globalizing World: A Cross-Linguistic Study. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2018, vol. 23, pp. 294–310.

Cite this article as:

Artamonov D. S., Tikhonova S. V. From Myths about the Past to the Mythologization of Time in the Digital Media Environment. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 234–239 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-234-239>

УДК 141.3

Рождение и смерть субъекта в философии А. Кожева

Д. Э. Гаспарян

Гаспарян Диана Эдиковна, кандидат философских наук, PhD, доцент кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, apaid6@yandex.ru

В статье показано, каким образом, сохраняя основу философского подхода Гегеля, Кожев многократно усиливает роль антропологического фактора в бытии, приписывая попутно эту интенцию и самому Гегелю. Поскольку Кожев определяет человека как изолированную сущность, но конституирующим образом интегрированную в реальность, единственным ответственным за диалектическое, т.е. историческое измерение в бытии становится человечество. Напротив, Гегель приписывает логику историчности и диалектического развития всему тождеству, в том числе природе в целом. Кожев настаивает на разделении сфер влияния, утверждая, что тождество действительно является диалектичным, но только потому, что его таким «делает» субъект – человекоразмерная часть тождества или антропологическая ипостась Абсолюта. Предпринята попытка детальнее рассмотреть логику данного проекта и вытекающие из него следствия.

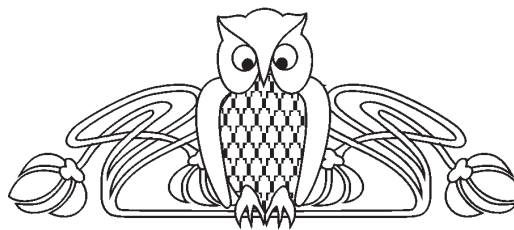
Ключевые слова: А. Кожев, Г. Гегель, негативность, человек, история, философия XX века, субъект.

Поступила в редакцию: 21.04.2020 / Принята: 20.05.2020 / Опубликовано: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-240-246>

В процессе научной деятельности А. Кожев четко следует за мыслью Гегеля. В частности, в знаменитом цикле лекций «Введение в чтение Гегеля», принесшем ему мировую славу, он отталкивается от ключевых тезисов всей гегелевской системы. Согласно Кожеву самой известной программной работой Гегеля является его «Феноменология Духа», в частности предисловие к нему. Там мы можем прочитать: «На мой взгляд, который должен быть оправдан только изложением самой системы, все дело в том, чтобы понять и выразить истинное не как *субстанцию* только, но равным образом и как *субъект*» [1, с.15]. Как известно, у Гегеля Абсолютный Дух, не зная о себе, пребывает в инобытии, но в ходе истории формирует знание, осуществляя диалектическое восхождение к абсолютному знанию. Кожев принимает этот начальный посыл, но в рамках собственной *антропологической интерпретации* предлагает

разделение мира на две противоположные сферы: царство негативности, где существует человек, и царство тождества, где господствует природа. На первый взгляд, онтология у Кожева дуалистична по своей сути: «Идентичность и Негативность суть две универсальные примордиальные онтологические категории» [2, с. 46]. Но говорить о дуалистичности такой онтологии, скорее всего, было бы поспешно. Оба измерения существуют неслиянно и нераздельно, но составляют части целокупного единства – Абсолютного Духа. Такое единство Кожев называет Тотальностью и приписывает ему фундаментальную диалектичность. «Бытие, вновь утверждающее себя в качестве идентичного себе Бытия, прежде чем в таком качестве подвергнуться отрицанию, не является ни Идентичностью, ни Негативностью, но представляет собой Тотальность. Именно в качестве Тотальности Бытие на деле и полностью является диалектическим. Таким образом, оно есть не тавтологическая Идентичность, а диалектическая Тотальность, поскольку оно также является Негативностью. Тотальность представляет собой унифицирующее единство Идентичности и Негативности: она есть утверждение через отрицание» [2, с. 51]. В этой Тотальности каждой части отведена своя роль. Природа занята воспроизводством самой себя, а человек – производством чего-то нового: фактически производством истории. Однако способ, каким производится история, является не просто динамичным, но и рефлексивным, в противном случае «производилась» бы не история, а циклический процесс. Производство истории непременно должно включать в себя сознание и самосознание. Это не что иное, как процесс мышления, позволяющий переходить от несуществующего (но удерживаемого памятью или воображением) к существующему. Для того чтобы творить историю, требуется мыслить, но из одного только истинного мышления история не получится. Человек должен ошибаться в своем познании, а именно не просто мыслить истину, а систематически переходить от заблуждения к истине. А для этого ему необходимо быть субъектом, тем, кто может ошибаться и упорствовать в своих ошибках, т.е. собственно субъектом познания.

Таким образом, несмотря на наличие двух измерений, подобная онтология не вполне дуалистична, поскольку природа и история – это две стороны одного бытия, которое определяется как *историческая природа*. Однако историчность в данном случае означает не простую подвижность и смену состояний, а возрастание самосознания. И эту услугу по самосознанию Абсолюту оказывает человек. Независимо от того, как мы описываем онтологию Кожева, ее результатом является возвышение человека над всей природой, поскольку именно люди и только люди, будучи «дырой в бытии», как выразился бы Сартр, способны к отрицанию. Отрицание «налично-данного» отождествляется у Кожева со свободой. Свобода определяется как негация того, что есть, во имя того, чего пока нет. Сходное отождествление негативности и свободы можно обнаружить и у Сартра: свободными мы становимся благодаря способности довести отрицание до предела [3, с. 208]. Доведенное до предела в данном случае означает в том числе способность к самоотрицанию, например, как пишет Кожев, самоубийству, или радикальной трансформации своей сущности – смене ценностных установок, мировоззренческих опор, вероисповедания, жизненных позиций и т.д. Негативность предполагает «бытие-иным», бытие через самоотрицание. Но именно так и существует человек. Поэтому историческое время порождается человеком, который «ничтожит в бытии», созидая тем самым рефлексию Абсолютного Духа. Этот путь означает, что постижение истины всегда дано через ошибку. Декомб характеризует этот механизм следующим образом: «Сегодняшнее заблуждение обернется завтрашней истиной: “диалектическим подвигом”, который осуществит действие» [4, с. 22].

В самом начале своих знаменитых лекций Кожев берет на себя смелость утверждать, что Гегель занимает двусмысленную позицию относительно негативности и ее непосредственной связи с субъектом. Он указывает на то, что Гегель очень определенно объединяет негативность с человеком лишь в «Феноменологии Духа». В этой работе человеческая деятельность в бытии является подлинным источником диалектических процессов, определяющих историческую направленность развития духа. Напротив, природа не содержит в себе потенциал негативности и, скорее, соответствует Спинозистскому представлению о природе как *conatus* – простому усилию по самосохранению и самовоспроизводству, создающему лишь иллюзию непосредственно диалектического развития.

В других своих работах Гегель объявляет негативность универсальной формой, в которой только и может существовать реальность; о привилегированной роли человека в диалектическом устройстве мира речи не идет. Согласно этой позиции реальность протекает во времени, она целокупно темпоральна, а значит, диалектична не потому, что в нее включен человек, а потому, что время реально, а реальность временится. Кожев утверждает, что у Гегеля присутствует некоторое разночтение по вопросу источника негативности, однако в условиях данной двусмысленности следует исходить из приоритета «Феноменологии Духа». По крайней мере сам Кожев придерживается только версии гуманистического происхождения негативности. Напротив, позицию Гегеля он полагает натурфилософской, указывая на сохранение в ней остаточного влияния метафизики. Кожев называет свой взгляд антропологическим, а точку зрения Гегеля – натурфилософской.

Главное отличие антропологической версии от натурфилософской заключается в определении источника порождения негативности. Если сама природа порождает негативность, отрицает саму себя, развиваясь и длясь во времени, то человек в ней подвержен действию отрицания постольку, поскольку принадлежит бытию в целом. Такую позицию Кожев называет натурфилософской, упирая на то, что природа в ней диалектична, что, по его мнению, неверно. Напротив, антропологическая версия строится на признании исключительно человеческого вклада в производство негативности в виде активной деятельности, порождающей труд, с одной стороны, и борьбу – с другой. Согласно кожевьянской (антропологической) позиции природа не может отменять себя диалектически, поскольку, несмотря на мнимую длительность, неизменно воспроизводится в тех же самых формах. Ни один природный объект не может по своему собственному произволу трансформировать свою «природу», в то время как человек и вовсе не имеет никакой иной природы, кроме как способности к самопорождению себя в любой произвольно выбранной форме. Только человек может диалектически отменить себя (изменить свое окружение, ценности, взгляды, сознание, наконец, в принципе, принять решение не существовать), порождая тем самым историю. История бытия – это не история эволюции Вселенной, а именно смена ее природных форм, а привнесение в мир радикально новых событий, которых в мире ни в каком смысле не было. Только последний вид развития можно назвать собственно историческим, поскольку он «получает

свое рождение из Негативности, реализующей себя и раскрывающей себя в качестве свободного эффективного Действия» [2, с. 80].

Вслед за Гегелем Кожев утверждает, что истина тождественна результату завершеного действия, а ее поиск не является теоретическим, напротив, это буквальная реализация истины через уничтожение всех препятствий на пути к ней. Полное признание, полагает Кожев, возможно только в конце истории, которая является продуктом отрицающей деятельности – войны и труда, приводящих в движение механизм истории. Руководствуясь этой логикой, Кожев объединяет гегельянский атеизм с его антропологией, заменяя абсолютный дух, творящий историю посредством человеческой деятельности, самодостаточным человеческим духом. Поэтому Кожев фокусируется на осмыслении человеческой деятельности и бытия. «Субстанция», т.е. природа для Кожева – это пассивная, статичная сущность. Только для человека характерна неизбежная негативность, проявляющаяся в присвоении и преобразовании действительности. Таким образом, антропогенез – это история формирования Абсолюта силами формирующейся субъективности. Субъективность есть модус Абсолюта и через ее историческое преобразование Абсолют раскрывает свою историчность. Кожев указывает, что прописанное в «Феноменологии Духа» положение о том, что переход от сознания к самосознанию выполняется на человеческом материале, служит ключом ко всей гегелевской философии.

Центральным для Кожева становится интерпретация гегелевского понятия желания (*Begierde*), а именно «желание признания». Это та сама движущая сила, которая способствует формированию человека, человеческого общества и диалектического снятия противоречия между ними. Поскольку каждый человек стремится к признанию своего Я Другими, то фактически он и получает свое Я в пользование, только после коллективного удостоверения его таковым. В противном случае Я не получится, но на месте будущего Я останется только смутная группа перцепций, которые воспринимают все вокруг, но не воспринимают свое Я. Поскольку со времени классической философии известно, что есть проблемы с субстантивацией и самоуверением Я, то в рамках философии Гегеля вводится тема формирования Я извне – только Другой может определить мои границы и, отделив от мира, вернуть мне мою самость. Беря за отправную точку этот сюжет, Кожев развивает идею признания как базовый инструмент формирования Я. Я появляется в ответ на внешнее

признание меня таковым. Я не просто приходит в мир самостоятельно и затем ищет признания, а, напротив, заполучает свое Я только в момент признания, поэтому признание жизненно важно для Я. Однако после того как Я сформировано, возникает противоречие – Я желает реализации своих эгоистических целей и не склонно заботиться об общественном благе, по крайней мере, в первую очередь. Тут на помощь приходит диалектический механизм признания Других во имя признания себя – Я всегда уже должен ценить Других, чтобы их оценка меня продолжала быть ценной. Я признаю их значимость, чтобы их оценка, в свою очередь, стала значимой. Таким образом Я считаюсь с социумом, чтобы иметь возможность культивировать свое эго, и чистый эгоизм невозможен, равно как альтруизм, который фактически есть способ реализации эгоизма.

Человеческая реальность, будучи по существу желанием признания и действием во имя реализации этого желания, может родиться и сохраниться только в символической жизни. Эта символичность формируется в момент, когда тот или иной объект становится значимым для других людей, притом во всей их всеобщей полноте. Некоторые объекты обретают символическую значимость только потому, что дифференцируют доступ одних людей перед другими. Ценность социальных знаков отличия по большому счету только в этом и состоит. Желаемый объект обладает некоторой ценностью и передается владельцу только потому, что заставляет других признать его обладателем ценного объекта. Несмотря на конституирующие характеристики признания для формирования Я, стремление к признанию обретается не сразу. Оно предполагает длительный процесс стяжания этого признания, который фактически и формирует историю Духа. Этот процесс, который Кожев определяет как борьбу за признание, служит локомотивом истории, запускает ее и определяет логику всего движения.

Проводя сравнение кожевьянской версии субъекта с собственно гегелевской, можно сказать, что если для Гегеля движущей силой истории является самопознание и именно оно формирует субъективность, то для Кожева радикальным началом человека выступает желание (точнее, желание желания, т.е. в конечном итоге своего рода «воля к власти»), которое, формируя человека, автоматически запускает ход истории. Таким образом, по Кожеву история фактически становится поиском признания и власти. Борьба за признание объясняет знаменитый гегелевский принцип диалектики господина/раба. Раб – это тот, кто не смог преодолеть инстинкт самосохра-

нения и витальное влечение к жизни как высшей ценности и признал ценность Другого в обмен на спасение. Сохраняя собственную жизнь в обмен на свободу, раб удостоверяет свою животную, а не субъектную природу. Субъектен по Кожеву тот, готов отрицать свое биологическое существование (т.е. совершить суицид, позволяя себя убить) во имя свободы самоопределения. Победитель в этой борьбе тот, кто сохраняет свободу ценой смертельного риска.

Согласно Гегелю роли господина и раба не являются субстанциально закрепленными. Диспозиция вскоре меняется благодаря тому, что господин использует результаты рабского труда и впадает в бездеятельность духа, стремительно утрачивая свою силу и человечность, поскольку последние зиждутся исключительно на производящей активности – будь то труд или борьба. Сражаться с рабом после его порабощения нет смысла – он уже не оказывает сопротивления. Но и бороться с природой, творя в созидательном труде продукты потребления, господин не готов. Он перекладывает эту функцию на плечи раба, впадая от него в зависимость. Теперь именно раб трансформирует окружающую действительность, обретая тем самым человеческую субъективность. Это в свою очередь означает, что отныне роль движущей силы истории переходит к нему. После обретения роли производителя благ, ставящего в зависимость их потребителя, раб получает эстафету локомотива истории, поскольку отныне именно он транслирует негатию в бытие, преобразовывая природу в продукты труда. Раб производит то, что еще не *наличествует* в природе, а значит способен создавать новое – вещи, которые не существуют нигде вне мира, порожденного его трудом: многочисленные артефакты, которые не создает природа. Это значит, что он готов противопоставить тому, что есть, то, чего нет, и проявить волю к внедрению несуществующего в качестве существующего. Отныне раб творит историю и тем наследует божественные полномочия творца. «Чтобы иметь возможность удерживаться в реальности этого измененного (= гуманизированного) Мира, Раб должен изменить самого себя. <...> ... Он создает себя другим, отличным от себе данного. Поэтому Труд может поднять его от Рабства к Свободе...» [2, с. 86–87].

Как видно из процитированного пассажа, человек, который обладает мощью менять мир, изменяется сам, поскольку не противостоит этому миру, но включается в него. Мир, в котором раб покорялся господину, стал другим под влиянием трудовой активности раба, но теперь и сам изменившийся мир по-другому включает в себя раба – он уже не раб, а со-творец истории.

В общем и целом способность человека отрицать проявляется в двух формах – в виде отрицания материи (природы) и в виде отрицания идей (альтернативных версий истории). Таким образом, человек осуществляет свою отрицающую деятельность в труде и в борьбе. Труд есть отрицание материальной природы, а борьба – отрицание чужих идей и противопоставление им своей собственной версии развития событий. Именно способность к труду и борьбе (во имя идей) определяет отличие человека от животного. В совокупности обе эти способности и составляют основу Действия или, иными словами, человеческое Действие только и может существовать как в этих двух формах. Действие, в свою очередь, определяется как воплощенная негативность.

Способность к Действию фундируется Логосом, а именно удержанием несуществующего в слове, речи, т.е. фактически в языке. Именно потому, что человек способен к речевой практике и через владение языком обретает способность к символически-абстрактной деятельности, он может запускать в мир качественно новые события, сотворяя историю мира. История человечества – это не только история труда и борьбы, но и «реальность,-о которой-говорят». Реально то, что конкретно, а конкретно то, что всегда уже схвачено в языке. Поэтому нас окружают вещи-понятия и события-суждения (или даже умозаключения). Когда я вижу в окно восход солнца, это не то событие, которое еще только надо описать речью и уложить в понятия. «Солнце встает» – уже есть предложение, которое позволяет сложиться событию и быть воспринятым как определенное событие.

Кожев выскажет идею, которую потом подхватят многие французские интеллектуалы, в частности М. Бланшо и Ж. Лакан. Язык является воплощенной негативностью, потому что словарное понятие умерщвляет единичную конкретику вещи, вырывает его из здесь и сейчас, из пространства и времени. Чтобы пользоваться понятиями вещей, нужно ежесекундно отрицать реальные вещи. Например, чтобы перейти от созерцания реальной собаки к понятию «собака», нам надо мысленно устранить собаку из плоти и крови, отвергнуть ее, так как ее индивидуальные, единичные и неповторимые черты теперь не важны. Отныне собака уже не *эта* собака, а «млекопитающее с четырьмя лапами, покрытое шерстью и т.д.». Однако для того чтобы абстракция могла родиться, конкретный живой объект должен умереть. Абстрактное мышление рождается благодаря смерти всего живого. Помыслить сохранение объекта в абстракции можно только если действительно наблюдать его исчезновение в качестве единичного.

Животное, находясь в природе, представляет собой налично-данное существование, вся сущность которого воплощена. Если в сущности его животной природы наметятся какие-то ошибки, например, будет нарушена целостность тела или клетки будут атакованы опасным вирусом, то чем большей окажется «ошибка», тем больше вероятность того, что тело будет уничтожено. Если сущность тела в результате «ошибочности» будет всерьез искажена, то его форма распадется и животное умрет. Это касается любого животного, в том числе человека, если только речь идет о телесном, природном в человеке. Однако в отличие от человека у животного есть только одна особенность – это его несводимость к природной части. Человек обладает также внеприродной способностью – собственно духовной, а именно мыслящей и деятельной. Согласно этой ипостаси человек не сводится к своей телесной природе, а наоборот, человеческое в человеке есть именно духовное (историческое), в то время как тело имеет отношение не к человеческому, а природному – субстанциально-тождественному уровню бытия. Благодаря своей духовно-исторической природе человек может совершать ошибки, накапливать их и при этом не разрушаться. Более того, он может проводить эти ошибки в жизнь так, что они перестают со временем быть ошибками, а становятся истинами. Например, теория, которая сегодня признана ложной, уже завтра может оказаться истинной. Или человек может вообразить нечто безумное – что человек обучился летать или визуализироваться на огромном расстоянии, но вскоре технологии позволят создать самолет или программы удаленной видеосвязи и «ошибочные» гипотезы станут тривиальными истинами. Ясно, что в этой смене истин и состоит ход человеческой истории, в которой возможны научные открытия, развитие технологий и культурный рост. Напротив, природе в таком историческом развитии отказано. Если там и происходят изменения, в том числе радикальные (зарождение жизни, исчезновение динозавров или рождение человека прямоходячего), то это не более как естественный цикл, детерминистичный и замкнутый по своей сути. Ничего нового, неожиданного и спонтанного в природе произойти не может.

Согласно Кожеву только революции и войны могут двигать вперед историю. Философ высказывает провокативные идеи, в которых утверждает, что если во время каких-то социальных потрясений и катаклизмов не проливается человеческая кровь, то для истории ровным счетом ничего не происходит. Поэтому Кожев всегда

добавляет: простой борьбы недостаточно, нужна «кровавая борьба», чтобы история сдвинулась с мертвой точки. Когда же человечество достигает удовлетворения, а это происходит тогда, когда борьба идей заканчивается в пользу одной, добровольно и охотно разделяемой всеми, то заканчивается и история. Такое удовлетворение наступает, когда человеку больше не за что бороться, а это, в свою очередь, происходит в момент, когда его уникальная и особая единичность, индивидуальность, получила всеобщее признание. Гегель, который фактически разработал данную идею, полагал, что борьба за признание заканчивается во вполне конкретной исторической эпохе, притом современной ему самому. По его мнению, это происходит в Наполеоновской империи, являющей собой воплощение того общества, в котором каждый человек получает всеобщее признание своей индивидуальности и теряет потребность отстаивать ее в дальнейшем. Кожев называет такое общество универсальным и однородным. По-видимому, такое впечатление у Гегеля, а вслед за ним и у Кожева складывается потому, что при Наполеоне впервые было признано юридическое равенство граждан. Любопытно, что Кожев, который наблюдал некоторое «развитие» истории¹ уже после расцвета Наполеоновской империи и наполеоновских войн, фактически повторяет мысль Гегеля о завершении истории в эпоху наполеоновского триумфа.

Надо сказать, что финальный акт истории весьма противоречив (как и все в системе Гегеля). С одной стороны, все получают признание, гибнуть в кровавых войнах больше нет необходимости и удовлетворение, о котором грезили все люди прошлого, становится явью. Но одними мажорными тонами в данной ситуации обойтись не получится. Дело в том, люди, граждане общества благоденствия, должны пожертвовать собой ради установления такого государства. Все дело в том, что в таком обществе человеку больше нечего делать, если оно более не борется, то утрачивает свой собственный антропологический ресурс – способность отрицать налично-данное. Та великая цель, во имя которой он это делал раньше, желание получить всеобщее признание, реализована вполне. Человек более не угнетен и не умален – он виден и слышен, вполне значим и важен. И поэтому теперь, как это ни парадоксально звучит, он по-настоящему унижен – в его человечности больше не нуждаются.

¹ Речь идет о завершении истории идей (идеологий) и смыслового противостояния. После того как побеждает определенный тип знания, рациональности и ценностей, он может еще очень долго претворяться в жизнь, но это уже не борьба идей, а значит и не история.

Итоговая форма государства и само завершение истории предстают воплощением самой диалектики. Для того чтобы общество признало индивида человеком, он должен расстаться со своей человечностью, пожертвовать собой во имя всеобщности, но в конечном итоге ради самого себя. Признание меня мной требует моей же собственной жертвы. Стать, наконец, собой можно только посмертно, только ценой собственной жизни. Чтобы стать собой, я должен перестать быть собой. Думается, сам Кожев, равно как и Гегель, не вполне замечает это глубокое и парадоксальное противоречие, в действительности только подтверждающее их начальный тезис: человек – это воплощенная негация, это агент и представитель негативности в бытии. Если суть антропологического в отрицании, то признание человека может происходить только через признание. Его сущность, которая суть отрицание, нельзя признать через утверждение, это порождает противоречие.

Адекватным признанием негативной природы человека может быть только отрицание. Этот мотив, мимо которого, как кажется, проходит не только Кожев, но и Гегель, проливает более чем яркий свет на различные концепты «конца истории и последнего человека» у Ф. Фукуямы, «смерти человека» у М. Фуко, «одномерного человека» у Г. Маркузе и т.д. В ряде подобных тем и понятий выводится человек постистории, современный человек эпохи потребления, которые ознаменовывают диалектическое противоречие окончательного признания. Он признан (имеет разнообразные права, которые всесторонне детализированы и продолжают детализироваться), но в той мере, в которой у него более нет нужды за них бороться, он фактически редуцирован. Доведение кожевьянской мысли до логического завершения позволяет утверждать, что все права человека могут быть реализованы только в отсутствие самого человека. Кожев делает несколько иной акцент: «...Действие, совершаемое Государством и в интересах Государства, достигает своей кульминации в момент риска для жизни; гражданин, отказывающийся рисковать своей жизнью в интересах Государства, теряет свое гражданство, то есть свое универсальное признание» [5, с. 182].

Однако воцарение Абсолюта во всей своей полноте знаменует закат человеческой субъективности. История, которая привела к установлению Абсолюта, к обретению им самим себя, исчерпана. Удовлетворив жажду признания, человек растрачивает без остатка негативность и лишается своей собственной идентичности. Он больше не действует, а значит, его больше нет. Из мира уходит Действие, что означает «исчезновение войн и кровавых революций» [2, с. 538], тяжелого труда

и вечного противодействия. Отныне все понятно (достигнуто идеальное знание), и нет нужды в истории – истории продвигающегося понимания, движения от незнания к знанию. Мир застыл вместе с потерянным в нем человеком.

Гражданин идеального государства утрачивает свою субъектность и фактически деантропологизируется. По итогам финализации борьбы и противостояния все ее участники становятся просто «счастливыми животными». Они удовлетворены, но дегуманизированы. Этот период Кожев называет постисторией.

Таким образом, именно человек в понимании Кожева служит источником производства негативности и ответствен за историческое устройство Абсолюта. Только через человека Абсолют приходит к самому себе, а значит его роль для судьбы Абсолюта является решающей. Привилегированный статус человека у Кожева позволяет говорить о своего рода субъектно-центрированном акценте его философского подхода. Однако именно этот привилегированный статус субъекта даст возможность в дальнейшем вывести из кожевьянского подхода две противоположные философские стратегии – экзистенциализм, всячески возвеличивающий субъекта, и структурализм, методически его умаляющий.

Итак, мы рассмотрели философский проект, предложенный Кожевным, который дал, пожалуй, наиболее связную и систематически продуманную интерпретацию гегелевской философии человека и принципа тождества субъекта и субстанции. Подход, предложенный Кожевным, непосредственно запустил колоссальный по своей значимости и влиянию интеллектуальный процесс, который можно было бы назвать *антропологизацией негативности*. Кожев значительно антропологизировал гегелевское учение, а именно подчеркнул, что только человек реализует негативность в мире и, будучи ее проводником, действует. Его теория не только последовательно утверждает негативную природу человеческого духа, но и идет в этом утверждении до конца. В самом конце своего движения, придающего смысл и цель всей истории развития человечества и возрастания Абсолюта к самосознанию, человек удостоверяет и увековечивает себя ценой собственной утраты. Однако даже в финале своего пути он не изменяет своей негативной и глубоко диалектической природе, ибо утвердить себя он может только через отрицание.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-011-00610 «Трансцендентность и нарратив в становлении моделей историзма»).

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Феноменология Духа. СПб. : Наука, 1992. 495 с.
2. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб. : Наука, 2003. 792 с.
3. Сартр Ж.-П. Проблемы метода. Статьи. М. : Академический проект, 2008. 222 с.
4. Декомб В. Современная французская философия. М. : Весь Мир, 2000. 319 с.
5. Кожев А. Идея смерти в философии Гегеля. М. : Логос ; Прогресс-Традиция, 1998. 208 с.

Образец для цитирования:

Гаспарян Д. Э. Рождение и смерть субъекта в философии А. Кожева // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 240–246. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-240-246>

Birth and Death of the Subject in A. Kozhev's Philosophy

D. E. Gasparyan

Diana E. Gasparyan, <https://orcid.org/0000-0002-5541-074X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, anaid6@yandex.ru

The article explores how Kozhev repeatedly strengthens the role of the anthropological factor in being, preserving the basis of Hegel's philosophical approach and at the same time attributing this intention to Hegel himself. Since Kozhev defines a person as an entity taken in isolation, but understood as a component element of the reality, humanity becomes the only one responsible for the dialectical, i.e. historical dimension in being. On the contrary, Hegel attributes the logic of historicity and dialectical development to all identity, including nature, as a whole. But Kozhev insists on the division of spheres of influence, showing that identity is indeed dialectical, but precisely and only because it is "made" so by the subject – a human-sized part of identity. Only the human being is characterized by inevitable negativity, manifested in the appropriation and transformation of reality. Thus, anthropogenesis is the history of the formation of the Absolute by the forces of emerging subjectivity.

Keywords: A. Kojève, G. Hegel, negativity, human being, history, philosophy of the 20th century, subject.

Received: 21.04.2020 / Accepted: 20.05.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Cite this article as:

Gasparyan D. E. Birth and Death of the Subject in A. Kozhev's Philosophy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 240–246 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-240-246>

Acknowledgements: *This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-011-00610 "Transcendence and narrative in the formation of models of historicism").*

References

1. Hegel G. W. F. *System der Wissenschaft*. Erster Teil. Die Phanomenologie des Geistes, Bamberg und Würzburg 1807 (Russ. ed.: Gegel' G. V. F. *Fenomenologiya Duha*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992. 495 p.).
2. Kojève A. *Introduction to the Reading of Hegel*. New York, Basic Books, 1969 (Russ. ed.: Kozhev A. *Vvedenie v chtenie Gegelya*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. 792 p.).
3. Sartre J.-P. *Question de method*. Paris, Gallimard, 1967 (Russ. ed.: Sarrt Zh.-P. *Problemy metoda. Stat'i*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2008. 222 p.).
4. Dekombes V. *Quarante-conq ans de philosophie francaise*. Paris, Gallimard, NRF – Essais, 1989 (Russ. ed.: Decomb V. *Sovremennaya frantsuzskaya filosofiya*. Moscow, Ves' mir Publ., 2000. 319 p.).
5. Kojève A. *Ideya smerti v filosofii Gegelya* [The idea of death in Hegel' philosophy]. Moscow, Logos Publ., Progress-Tradicija Publ., 1998. 208 p. (in Russian).

УДК 130.2

Ментальные основания культурной специфики восточно-христианской цивилизации

В. Н. Даренская

Даренская Вера Николаевна, кандидат философских наук, доцент Луганского национального университета имени Т. Шевченко, vera_darenskaya@mail.ru

В статье рассмотрены ментальные основания культурной специфики восточно-христианской цивилизации на основе культурно-исторического метода. Цель статьи состоит в уточнении исторической модели, которая сформировала ментальные отличия западноевропейской и русской культур. Показано, что корни цивилизационного раздела Европы на Западную и Восточную во многом определяются тем особым способом, которым «варварские» этносы приобщались к христианской и античной традициям. Поэтому в Западной Европе культурный стереотип активно-завоевательного отношения к миру привел к формированию антитрадиционалистических, инновационных тенденций развития, антропоцентризму и индивидуализму. У восточноевропейцев, которые подвергались принудительной вестернизации, формировался комплекс неполноценности и презрения к родной культурной среде – то деструктивное явление, которое широко распространено в наше время и служит мощным тормозом собственного оригинального культурного развития. Однако принцип индивидуализма в конечном счете обернулся дегуманизацией всех сфер жизни. Без преодоления деструктивной культурной «самоколонизации» самостоятельное развитие восточно-христианской цивилизации невозможно. Концептуальная новизна статьи состоит в формулировке принципа «культурной Родины», а также в уточнении исторического истока ментальных отличий.

Ключевые слова: ментальность, восточно-христианская цивилизация, традиция, самоколонизация, Родина, традиционализм.

Поступила в редакцию: 07.04.2020 / Принята: 20.05.2020 / Опубликовано: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-247-252>

Отличия восточно-христианской цивилизации (в первую очередь от русской как ее наиболее характерного выразителя) от западной давно стали предметом историософских исследований, начиная с наследия П. Я. Чаадаева, славянофилов, Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева. В наше время русская цивилизация является предметом многочисленных культурологических и историософских исследований. Однако при всем разнообразии концепций и подходов, сформировавшихся в последнее время, остается не вполне проясненной исходная модель культу-

ротворчества восточно-христианской цивилизации, которая остается инвариантной, но может приобретать самые разнообразные внешние формы в разные исторические периоды. Кроме того, недостаточно внимания уделяется феномену культурной «самоколонизации», которая в Новое время стала характерной для этого цивилизационного пространства. Цель данной статьи – анализ аспектов данной проблемы, которым ранее не уделялось должного внимания. Речь идет об исторических предпосылках – в первую очередь модели восприятия культурного наследия, которая отличает восточно-христианскую цивилизацию. Актуальность анализа этих предпосылок определяется необходимостью формирования и защиты цивилизационного суверенитета России в современном мире как основы развития народа и государства в условиях глобальной конкуренции.

Расхождение цивилизационных моделей западно-христианской и восточно-христианской частей Европы было заложено уже в различии способов рецепции ими античной культурной традиции. Новые варварские этносы на западе Европы завоевывали территорию бывшей Римской империи силой – и этот стереотип завоевательного отношения к культурной традиции затем закрепился в их типе культуры. На востоке Римская империя продолжала существовать еще тысячу лет со столицей в Новом Риме – Константинополе и славянские народы приобщались к ее культурной традиции не как завоеватели, а как ученики. Это ученический тип восприятия культурной традиции затем стал моделью их культуры и культурной ментальности. После исчезновения Империи и здесь (термин «Византия» введен в оборот уже в Новое время и является искусственным) такое же ученическое отношение, ставшее стереотипом, было перенесено народами Восточной Европы теперь уже на их отношения с Западной Европой. Это и породило комплекс «самоколонизации». Уникальность же Московской Руси состояла в том, что в допетровскую эпоху культурные заимствования с Запада были чисто техническими (например, западными мастерами построен Московский Кремль и почти все храмы в нем) и не приводили к комплексу неполноценности. Это объяснялось мессианским сознанием русских людей, которые осознавали

себя носителями истинной веры в отличие от «бурсманской» Европы и ценили это превыше всего.

Историк древнерусской философии В. С. Горский сформулировал главное отличие восточно-христианского мироощущения, которое и определило пути нашей культуры, на примере различия архитектурных стилей следующим образом: «Если готические соборы, своими стрельчатыми башнями невероятно высоко вздымаясь, порывались проткнуть небо, словно желали достигнуть “горнего мира”, то православные церкви своей архитектурой, местом своего расположения не столько стремились подняться как можно выше, сколько подчеркивали бесконечность небесного свода над головой... Если западноевропейской культуре присуще ярко выраженное пространственное влечение к Абсолюту, “возвышение до...”, то древнерусская традиция основывалась на другой прочной мифологеме – “возвращения внутрь”, “восхождение в...”» [1, с. 11]. Позже это отличие в базовом мироощущении привело к развитию впоследствии различных типов цивилизации в западной Европе и в России и многовековой конкуренции между ними.

В Западной Европе культурный стереотип активно-завоевательного отношения к миру привел к формированию антитрадиционалистических, инновационных тенденций развития на основе антропоцентризма и индивидуализма. Все три названных проявления этого стереотипа логически связаны между собой: инновационный тип культуротворчества смещает мировоззренческую доминанту на земную жизнь человека как самоценность (даже при сохранении религиозности), т. е. формирует антропоцентрический тип мировосприятия. Это, в свою очередь, вступая во взаимодействие с христианским пониманием человека как образа Божьего, который имеет абсолютную ценность (т. е. не сводится лишь к части родового или даже космического целого), приводит к индивидуализму как специфическому типу самоощущения. Последний сразу же вступает в конфликт со своими христианскими корнями и затем становится главной предпосылкой секуляризации. Впрочем, речь идет не столько о ценности личности как духовного феномена («образа и подобия Божия» согласно библейскому Откровению), сколько о ценности земной индивидуальности каждого человека. Этот признак и является главным критерием, отличающим западноевропейскую цивилизацию от всех остальных, которые принято называть «традиционными» и в которых понятие личности иное, основанное на религиозном восприятии человека. Как писал известный исследователь

культуры эпохи Возрождения Л. М. Баткин, «на переломе к Новому времени... когда, собственно, впервые возникли “Запад” и “Восток” – до тех пор отдельность Я или оценивалась отрицательно, или, по крайней мере, Я никак не воспринималось само по себе, но лишь в контексте некой причастности. Альфой любого индивида и его омегой была социальная и метафизическая общность... Всемирно-историческая переориентация, которая может быть сопоставлена по значимости лишь с “осевым временем” возникновения древних цивилизаций, охватила Западную Европу XV–XVIII ст. и требовала всех творческих сил и метаморфоз Возрождения, Барокко, Просвещения» [2, с. 5; 11]. Впоследствии такое секулярное понимание человека и личности стало распространяться в форме культурной колонизации и на восточную Европу, затем в Россию и по всему миру. Однако в исходной культурной модели восточно-христианской цивилизации, в том числе и в русской культуре, остается традиционное понимание личности как бессмертной души, а не как земной и смертной «индивидуальности». И даже в формах секулярной культуры – например советской – оно тоже сохранялось, хотя и в превращенной форме принципов «коллективизма» и «гармонической личности», которые служили главным отличием от «западного человека».

В то же время Восточная Европа, особенно ее православный ареал, к которому принадлежала и Россия, оставалась в рамках традиционализма, который играл роль мощного фактора исторического выживания в борьбе против внешних врагов как с Востока, так и с европейского Запада. Последний обычно воспринимал Восточную, православную Европу исключительно как «варварскую», которую надо лишь подчинить и «цивилизовать». Лишь в эпоху Просвещения, как отмечают исследователи, появляются первые попытки более объективного восприятия Восточной Европы [3]. Примером последнего может служить известное высказывание И. Г. Гердера об Украине XVIII в., которую он видел собственными глазами, как о «будущей Элладе». Высокомерие западных европейцев, позволявшее им считать восточных европейцев «варварами», основывалось лишь на «активно-завоевательном» отношении к окружающему миру и на том агрессивном-индивидуалистическом мироощущении и поведении, которые из него непосредственно вытекают. Директивная вестернизация народов Восточной Европы привела к формированию негативного отношения к собственной культуре. Это препятствует самобытному культурному развитию и в настоящее время.

Это направление цивилизационных трансформаций, заданное доминантой индивидуализма, оказалось кризисным и глубоко противоречивым по своей сути. Однако принцип индивидуализма в конечном счете обернулся дегуманизацией всех сфер жизни. Этот парадокс обусловлен той сущностной диалектикой развития культуры в Новое время, о которой писал Р. Гвардини: «Человек получает простор для движения, но становится бездомным... В эту эпоху человек не ходит больше под взглядом Бога... С неведомой силой просыпаются первобытные аффекты: страх, насилие, восстание против порядка» [4, с. 539, 547–548]. Крайне деструктивные формы кризис европейского индивидуализма приобретает при его интервенции в традиционалистскую Восточную Европу, поскольку здесь отсутствуют «компенсаторные механизмы» культуры, которые успели сформироваться в Западной Европе, где новая цивилизация возникала постепенно, а не путем насильственного вторжения в традиционный уклад жизни. Поэтому, как это ни парадоксально, именно здесь индивидуалистическая парадигма гораздо в большей степени, чем на Западе, оборачивается своими негативными последствиями – разрушением морали, семьи, религии, правосознания и культурной традиции как таковой. В связи с этим попытки простого подражания западным традициям и институтам также не срабатывают. Это означает, что восточноевропейская (в том числе и российская) культурная парадигма должна исходить именно из этого реального деструктивного опыта и создавать способы его преодоления. В первую очередь Россия и все православные страны, в ходе глобализации «вытолкнутые» в число стран «третьего мира», по объективным условиям самой жизни вынуждены ориентироваться не на модель западного «потребительского общества», реализация которой за пределами стран так называемого «золотого миллиарда» является принципиально невозможной.

Однако невысокий уровень материального потребления, с культурной точки зрения, является не недостатком, а, наоборот, преимуществом, поскольку акцентирует духовно-ценностные измерения жизни, смещает центр интересов человека с гедонистических стремлений на интерес к самовоспитанию и воспитанию детей, к межличностному общению и религиозной жизни. Это, безусловно, более содержательный тип жизни, чем тот, который навязывает всем западное «потребительское общество». Понятно, что и в других странах определенная категория людей может достигать высокого уровня материального потребления и делать это основной целью своей

жизни, но важно, чтобы этот «идеал» искусственно и утопично не навязывался всему обществу как якобы единственно возможный и достойный. А это, в свою очередь, означает преодоление монологизма вестернизации, воссоздание подлинной европейской культурной традиции, включающей в себя непрагматические смыслы и измерения жизни, обусловленные христианскими устоями этой традиции. Новейшим вариантом внутреннего диалогизма культурной общности является диалог современного индивидуализма и «потребительского общества» как его цивилизационной формы с христианской традицией как главный путь преодоления смысложизненного и культурного кризиса современной цивилизации. Поскольку в России развитие «потребительского общества» является принципиально ограниченным, то именно она уже начала олицетворять цивилизационную альтернативу этим деструктивным тенденциям.

В этом контексте обнаруживает свою большую прогностическую ценность и эвристичность концепция В. Шубарта о новом «иоанновском» типе человека, возникающем в русском культурном пространстве, приходящем на смену западному «прометеевскому» типу, уже более ста лет находящемуся в состоянии саморазрушения. Как пишет этот немецкий автор, «в России зарождается новый человеческий тип, который будет... новым человеком с восточной душой, но с такой, которая была пропущена через горнило западной культуры» [5, с. 304]. «Иоанновский» тип (названный В. Шубартом по ассоциации с апостолом Иоанном) не является просто «восточной» или же «русской» реакцией на вестернизацию, но становится законным наследником европейской культурной традиции после того, как она приходит к кризису в самой Европе. «Диагноз» этого кризиса удачно сформулирован Г. Померанцем: «Чем больше разрастается вещественная реальность... тем больше твердых и ясных инструкций и тем теснее для духа» [6, с. 153]. Поэтому, по мнению данного автора, «в техногенной реальности нет места для Бога и для человека, созданного по Его образу и подобию» [6, с. 155]. Такова общая тенденция секулярной цивилизации, однако принципиальное значение имеет место, где происходит это. Если для Запада тенденция секуляризации необратима, поскольку является внутренним порождением его культуры, то в другие культуры процесс секуляризации, «обезбоживания» приходит извне как чужеродный элемент. В результате представитель незападной культуры, в том числе и русской, всегда может четко отделить деструктивный процесс как «чужой» от традиции сохранения сакрального

«ядра» культуры как своей и «родной». Поэтому в рамках такого разделения можно воспринимать технологический прогресс извне, но при этом сохранять смысловые основания собственной культуры. Именно такой путь является оптимальным, и в настоящее время в России он стихийно формируется как основная тенденция развития. Параллельно с нею имеет место и чистая «самоколонизация» (вестернизация), а также сохранение элементов специфически советской культуры. Тем самым в данный момент в России конкурируют три культурные модели – радикальная вестернизация, традиционализм (с ориентацией на классику XIX в. и Православие) и советская традиция, еще сохраняющая своих живых носителей. Последняя в свое время представляла собой синтез вестернизации (секулярность и прогрессизм) и традиционализма (непрагматический стиль жизни и коллективизм). Естественный уход представителей советской модели сопровождается новым синтезом русской культурной традиции как ответа на вызовы западного Постмодерна как «пост-культуры».

К XX в. разрушение основ христианской цивилизации стало уже необратимым и в ней стали господствовать антихристианские устремления. Как афористически выразился Ж. Эллюль в 1960-е, «Запада (L'Occident) больше не существует. Победила логика структур, игра механических сил, диктат систем» [7, р. 95]. В результате этого, как писал В. Краус, «разочарование и горькая неприязнь к истории, к прошлым иллюзиям и современной реальности, которые обещают не больше, чем на самом деле могут дать, становится причиной того нигилизма, который овладевает нами все больше. Нигилизм – это обратная сторона надежд на земной рай, и этой обратной стороны мы уже достигли. Стремление человека сравнивать себя с Богом разрушает в ней ощущение возможного» [8, с. 108]. Именно этот дух вседозволенности правит и в современной культуре, и в политике. Например, Г. Киссинджер однажды откровенно признался: «То, что обычно называют глобализацией, на самом деле просто другое название господствующей роли Соединенных Штатов» [цит. по: 9, с. 80]. Таким образом, современная глобальная диктатура США является самым открытым выражением западного нигилизма, не признающего никаких иных субъектов истории, кроме самого себя.

В свою очередь, стратегия «самоколонизации», т.е. ориентации на Запад, делает культуру всех других стран вторичной и обреченной на зависимость. Деструктивный феномен культурной «самоколонизации» характерен не только для России, он является общемировым. Так, например, современный польский философ и поэт Стефан

Крул афористически писал: «Cudze chwalimy. / Swego nie znamy. / Nie szanujemy. / Sami nie wiemy, / Co posiadamy. / Wszystko co obce, / To maľrujemy» («Чужое хвалим, своего не знаем, не уважаем; сами не знаем, что имеем, а всё чужое перенимаем (обезьянничаем)») [10, р. 359]. Феномен культурной «самоколонизации» возникает не только и даже не столько как «капитуляция» перед иностранным, а в первую очередь как отказ от самостоятельного усилия культуротворчества. В качестве «противовеса» этой разрушительной установке сознания действует императив: диалог должен «рассматриваться не только как форма толерантности, но и как форма столкновения индивидуальностей, в которой и происходит реальная встреча двух культурных традиций, которые определяют пределы своей индивидуальности» [11, с. 185]. В противном случае создается своеобразный парадокс «нетерпимой гипертолерантности», при которой под предлогом необходимости «уважения к другим» подавляются всякие попытки отстоять свою культурную самобытность. Тем самым толерантность автоматически превращается в свою противоположность – в подавление всего того, что не является общим для всех. Такая «гипертолерантность» оказывается разрушительной вследствие важной закономерности, о которой писал академик В. С. Стёпин: «Попытка отделить общее от особенного в культуре наталкивается на сопротивление, поскольку люди идентифицируют себя... именно в связи с особенностями, отличающими их от людей другой культурной традиции» [12, с. 26]. Эта закономерность обычно эмпирически очевидна как некая изначальная данность, которую невозможно просто отбросить призывом к диалогу культур. Люди и общности вступают в культурный диалог только тогда, когда испытывают в этом внутреннюю потребность, ощущая ограниченность своей родной локальной традиции. В тех же случаях, когда их принуждают к диалогу, в котором они не испытывают внутренней потребности, это дает как раз обратный эффект – приводит к конфликту культур. Таким образом, необходимо сохранять определенную степень замкнутости, герметичности «культурных миров» и традиций – они стремятся к диалогу, только ощущая себя защищенными от внешнего разрушения. Категория «локальный» прежде всего означает «экзистенциально-особый» феномен для каждого носителя культурной традиции. Так, например, любая мировая религия, будучи универсальной, вместе с тем всегда приобретает для определенного жизненного мира экзистенциальный смысл сохранения «своей родной веры», что часто порождает долговременные конфликты, в том числе и вооруженные.

Для предотвращения таких конфликтов защита самобытности «культурных миров» должна стать частью глобальной политики.

Эти определения чрезвычайно важны для понимания *специфической категории культурной Родины как воплощения культурных смыслов*. Действительно, защита Родины, в том числе и культурной Родины как средоточия жизненных смыслов, это защита самого смысла жизни от его возможного уничтожения как того «жизненного мира», в котором этот смысл воплощен для человека. И для России такую смертельную опасность представляет бездумная вестернизация как «самоколонизация». Для эффективного противостояния этой опасности гибели родного «жизненного мира» нужно глубоко понимать его главные специфические особенности и его ценность, сформировавшуюся на протяжении тысячи лет борьбы с внешней агрессией и внутренними изменами. В свою очередь требует специальной теоретической разработки понятие «культурная Родина» как основа создания суверенного жизненного мира личности. «Культурная Родина» носит характер «стереоскопии», т. е. способность воплощать и вмещать в себе универсалии общечеловеческой культуры в их конкретном национальном выражении и уникальной форме. В настоящее время Россия находится в особенной ситуации: она может стать главным носителем классических традиций христианской культуры, которые целенаправленно разрушаются в условиях «постмодерна». Об этой будущей роли России в европейской культуре говорил П. Я. Чаадаев. Похоже, его пророчество начинает сбываться в наше время.

Список литературы

1. Горський В. С. Святі Київської Русі. Київ : Абрис, 1994. 173 с.
2. Баткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М. : Наука, 1989. 236 с.
3. Wolff L. Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization in the Mind of the Enlightenment. Stanford, Stanford Univ. Press, 1994. 512 p.
4. Гвардини Р. Конец Нового времени // Культурология : учеб. пособие. Ростов н/Д : Феникс, 1998. С. 537–551.
5. Шубарт В. Европа и душа Востока. М. : Русская идея, 2000. 446 с.
6. Померанц Г. Диалог пророческих монологов // Дружба народов. 1997. № 3. С. 151–157.
7. Ellul J. Trahision de L'Occident. P. : Plon, 1965. 199 p.
8. Краус В. Нігілізм сьогодні, або Терплячість світової історії. Київ : Основи, 1994. 122 с.
9. Макбрайд У. Глобализация и межкультурный диалог // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 79–88.
10. Król St. Slovo w obronie kultury słowiańskiej // ΣΟΦΙΑ. Журнал філософів слов'янських країн. Rzeszów: Univ. Rzeszowski, 2006. № 6. P. 357–361.
11. Морозов С. Б. Диалогическое основание культуры // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия : материалы Третьего Российского философского конгресса : в 3 т. Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. Т. I. С. 184–185.
12. Стёпин В. С. Современные цивилизационные изменения и диалог культур // Наследие Л. Н. Гумилева и судьбы народов Евразии : история, современность, перспективы : сб. ст. СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. С. 13–27.

Образец для цитирования:

Даренская В. Н. Ментальные основания культурной специфики восточно-христианской цивилизации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 247–252. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-247-252>

Mental Foundations of the Cultural Specificity of Eastern Christian Civilization

V. N. Darenskaya

Vera N. Darenskaya, <https://orcid.org/0000-0003-4839-4734>, Lugansk National University named after T. Shevchenko, 2 Oboron-naya St., Lugansk 910011, vera_darenskaya@mail.ru

The article considers the mental foundations of the cultural specificity of the Eastern Christian civilization based on the cultural-historical method. The purpose of the article is to clarify the historical model which formed the mental differences between Western European and Russian cultures. It is shown that the roots of the civilizational division of Europe into Western and Eastern ones are largely determined by the special way in which “barbarian” ethnic groups were attached to the Christian and ancient traditions. Therefore, in Western Europe, the cultural stereotype of an active and aggressive attitude to the world then led to the formation of

anti-traditionalist, innovative development trends, anthropocentrism and individualism. Those Eastern Europeans who were subjected to coercive Westernization then got an inferiority complex and the contempt for their native cultural environment – a destructive phenomenon which is widespread in our time, and is a powerful brake on their own original cultural development. However, the principle of individualism eventually turned into a dehumanization of all spheres of life. Without overcoming the destructive cultural “self-colonization”, the independent development of Eastern Christian civilization is impossible. The conceptual novelty of the article consists in the formulation of the principle of “cultural homeland”, as well as in clarifying the historical source of mental differences. **Keywords:** mentality, Eastern Christian civilization, tradition, self-colonization, homeland, traditionalism.

Received: 07.04.2020 / Accepted: 20.05.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Gorsky V. S. *Svyati Kiïvs'koï Rusi* [The Saints of Kievan Rus]. Kiev, Abris Publ., 1994. 173 p. (in Ukrainian).
2. Batkin L. M. *Italyanskoe Vozrozhdenie v poiskah individualnosti* [Italian Renaissance in search of identity]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 236 p. (in Russian).
3. Wolff L. *Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization in the Mind of the Enlightenment*. Stanford, Stanford University Press, 1994. 512 p.
4. Guardini R. The end of the New time. In: *Kul'turologiya: uchebnoe posobie* [Cultural Studies: Textbook], Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1998, pp. 537–551 (in Russian).
5. Shubart V. *Evropa i dusha Vostoka* [Europe and the soul of the East]. Moscow, Russian idea Publ., 2000. 446 p. (in Russian).
6. Pomerants G. Dialog of prophetic monologues. *Druzhiba Narodov* [Friendship between the Peoples], 1997, no. 3, pp. 151–157 (in Russian).
7. Ellul J. *Trahision de L'Occident*. Paris, Plon, 1965. 199 p.
8. Kraus V. *Nigilizm s'ogodni, abo Terpljachist' svitovoï istorii* [Nihilism today, or Tolerance of the world history]. Kiev, Osnovi, 1994. 122 p. (in Ukrainian).
9. McBride W. Globalization and intercultural dialogue. *Voprosy Filosofii*, 2003, no. 1, pp. 79–88 (in Russian).
10. Król St. *Slovo w obronie kultury słowiańskiej* [A word in defense of Slavic culture]. *Sofiya. Zhurnal filozofov slavyanskikh stran. Zheshuvskiy universtitet* [ΣΟΦΙΑ. Journal of philosophers of Slavic countries]. Rzeszow, Rzeszow University, 2006, no. 6, pp. 357–361.
11. Morozov S. B. Dialogicheskoe osnovanie kul'tury [Dialogic basis of culture]. *Ratsionalizm i kul'tura na poroge tret'ego tysyacheletiya: Materialy Tret'ego Rossiyskogo filozofskogo kongressa: v 3 t.* [Rationalism and culture on the threshold of the third Millennium: Materials of the Third Russian philosophical Congress: in 3 vols.]. Rostov-on-Don, Izd-vo SKNTs VSh, 2002, vol. I, pp. 184–185 (in Russian).
12. Stepin V. S. Sovremennye civilizatsionnye izmeneniya i dialog kul'tur [Modern civilizational changes and the dialogue of cultures]. In: *Nasledie L. N. Gumileva i sud'by narodov Evrazii: istoriya, sovremennost', perspektivy: sbornik statey* [Heritage of L. N. Gumilev and the fate of the peoples of Eurasia: history, modernity, prospects. Collection of articles]. St. Petersburg, Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, 2012, pp. 13–27 (in Russian).

Cite this article as:

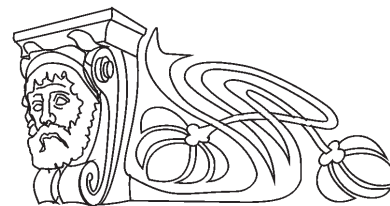
Darenskaya V. N. Mental Foundations of the Cultural Specificity of Eastern Christian Civilization. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 247–252 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-247-252>

УДК 111+1(091)

Онтология и язык в контексте лингвистического поворота

Ю. М. Дуплинская

Дуплинская Юлия Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., duplinskaya@yandex.ru

В статье анализируется корреляция между лингвистическим поворотом и поворотом к онтологии. Идеалу «чистого разума» в классической философии соответствовали *гносеологическая* и *методологическая* ориентированность философской мысли, а поворот к языку в философии XX–XXI вв. сопровождается поворотом к онтологии. Доказывается, что при всех расхождениях русская и западная философия языка имеют точки сходимости в сфере онтологии. Как русская, так и западная философия языка, усматривают предельные основания онтологии в слове, звучащем или написанном, энергии звуков или комбинаторике знаков. Констатируется, что интеллектуальные традиции такого рода криптомифологичны и имеют корни в единой традиции авраамических религий. Слово, которое было «в Начале», может интерпретироваться как написанное (иудаизм и ислам). И Слово, которое было «в Начале», может интерпретироваться как сказанное, звучащее слово, несущее в себе энергии творения (православие). Предпринимается «деконструкция» концепции Ж. Деррида. Показано, как онтология постметафизического письма может быть трансформирована в онтологию энергий русского имяславия. Анализируется связь между двумя поворотами: лингвистическим поворотом в современной философии и поворотом «от механизма к организму» в современном общенаучном мировоззрении.

Ключевые слова: лингвистический поворот, поворот к онтологии, поворот от механизма к организму, философия языка, имяславие.

Поступила в редакцию: 10.04.2020 / Принята: 20.05.2020 /
Опубликована: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-253-258>

Классическая философия исходила из примата *понятия* по отношению к *слову*; *мышления* по отношению к *языку*. Идеал «чистого разума» предъявлял к языку требование, которое предъявляется к зеркалу или оконному стеклу: быть прозрачным, «чистым зеркалом внесловесного познания» [1, с. 321]. В философии XX–XXI вв. совершается поворот, получивший название «лингвистический поворот». Произшедшая «переоценка ценностей» изменила приоритеты в пользу языкового мышления. Мысль, «одетая» в языковые оболочки, теперь получает преимущество перед «чистым разумом».

О лингвистическом повороте написано много. Однако поворот к языку имеет весьма интересный аспект, который будет предметом нашего анализа. Отметим любопытную корреляцию. Идеалу «чистого разума» в классической философии соответствовали *гносеологическая* и *методологическая ориентированность* философской мысли. А вот «лингвистический поворот» в XX–XXI вв. сопровождается поворотом к онтологии. Именно «непрозрачные», «плотные» аспекты языкового мышления открывают пути к онтологии, забытые в эпоху господства «чистого разума».

Отдаем ли мы себе отчет в том, что очищенное от качеств постижение бытия «чистой мыслью» есть только «отрицательное», но не «положительное» знание? В самом деле, всякое определение по своей сути есть *ограничение* (т. е. отрицательное знание), а всякий закон – от нравственного до естественнонаучного – имеет смысл *запрета* (чего *не* может быть, чего *нельзя* делать), даже если он формулируется в «позитивных» терминах. А вот *Слово*, в отличие от «бестелесного» концепта, само является неким сгустком бытия и способно схватить онтологические реалии *позитивным* образом. Здесь мысль обретает «вкус», «запах», «цвет» и онтологическую плотность. Иные слова, по замечанию П. Флоренского, могут быть весом как многопудовые камни. Слову, а не отвлеченному понятию даны полномочия представительства онтологии.

Конкурентом слову естественного языка, на первый взгляд, здесь мог бы быть язык математики. Но известному утверждению Галилея, согласно которому книга природы написана на языке математики, можно противопоставить следующее рассуждение С. Хокинга. Построение математических моделей Вселенной описывает лишь возможные миры, но не дает ответа на главный вопрос: «Что же вдыхает огонь в эти формулы», почему мир *есть*, почему он вообще *существует*? «Почему должна существовать Вселенная, описываемая моделью. Зачем Вселенная готова влачить бремя существования?» [2, с. 164]. Характерно, что эти рассуждения известного физика созвучны идеям М. Хайдеггера, который считал язык науки вообще непригодным для размышления о подобных вопросах («наука не мыслит»). Бытию соразмерен и не всякий из

естественных языков, ибо слова современных европейских языков уже утрачивают онтологическую плотность. «Зов бытия» Хайдеггер пытался расслышать в языке древних греков, слова которого еще хранили тяжесть «многопудового камня».

Итак, слово в отличие от «бесплотного» понятия имеет онтологическую плотность. Онтологические характеристики слова раскрываются философией русского имяславия. П. Флоренский рассматривает два аспекта онтологии слова: 1) слово *мистично* и 2) слово *магично*. Слово *мистично* в той мере, в которой оно является не просто произвольным «маркером» вещи, а само и «*есть знаменуемая им реальность*». И слово *магично* в той мере, в которой оно способно напрямую воздействовать на реальность [3, с. 245].

Мистический характер слова П. Флоренский иллюстрирует феноменом великого мистика Якоба Беме, который не знал ни одного иностранного языка. Тем не менее Беме без перевода понимал многое, что говорилось на незнакомых ему языках, «и понимал именно потому, что ему хорошо известен был язык природы». Желая открыть аутентичную суть вещи, Беме спрашивал, как данная вещь называется на иврите, на греческом и на латыни, ибо именно эти языки являются ближайшими к первоначальному *адамическому языку*. Когда же «ему нарочно сказывали не настоящее имя вещи, то Беме по наружным признакам угадывал, что имя вещи не таково» [3, с. 205].

Магические характеристики слова связаны с возможностью прямого воздействия слова на вещь. Это убеждение, на котором всегда основывалась магия, П. Флоренский обосновывает в русле концепции *изотропы* и концепции *синергии*. В слове открываются *онтологические изотропы* – кратчайшие пути бытия [3, с. 284]. Все пути в нашем «падшем» мире являются окольными. И только слово может открыть прямой, наикратчайший путь к бытию. Возможность энергетического воздействия слов на вещи П. Флоренский рассматривает в русле исихастского учения об *энергиях* и *синергии*. Звучащее слово несет в себе энергии творения и тем самым способно магическим способом, т. е. напрямую и непосредственно, воздействовать на реальность. В аспекте *количества* энергия слова, разумеется, ничтожно мала. Однако необходимо учитывать не только количественный, но и *качественный* аспект этой энергии. Энергия звучащего слова тонко дифференцирована и высоко упорядочена. Поэтому слово воздействует *избирательно*, по принципу *резонанса*. Магическое действие слова основано, таким образом, на принципе *синергии* – резонанса двух энергетических потоков.

В рассуждениях П. Флоренского явственно звучат отголоски мифа о первом – *адамическом языке*, сообщенном Богом Адаму и забытом после Вавилонского смешения. Адамический язык отличался от всех возникших впоследствии тем, что слова его еще сохраняли в себе энергии творения, которыми Бог воззвал из бездны Ничто все созданные Им вещи. Слова этого языка не были пустыми знаками, произвольно прикрепляемыми маркерами вещей, а имели симпатическую связь с именуемыми вещами.

Современная западная философия языка являет очевидную противоположность положениям имяславия. Две версии языка – русская и западная – в такой явной оппозиции, что, минуя разрыв в историческом времени, их стоит поместить в общее пространство полемического диалога. Жаку Деррида, дабы легитимизировать универсальные притязания собственной концепции, главным объектом деконструкции следовало бы избрать Павла Флоренского.

Артикулируем основные пункты оппозиционного противостояния. Постоянное ускользание означаемого и фатальное несовпадение означаемого и означающего в западной философии языка *versus* слово само и «*есть знаменуемая им реальность*» в русской философии. *Differance* как генерирующий *источник различий* в западной философии языка *versus* синергия – *соединение энергий* в слове в русской философии. Диссеминация, игра смещений, рассеивание текста треками расходящихся следов в западной философии языка, *versus* слово как «конденсатор всей душевной жизни» в русской философии [3, с. 255]. Знак как способ *отсрочки* и откладывания актуального соприкосновения с вещью в западной философии языка, *versus* слово как *кратчайший путь* по изотропе в русской философии. Примат письма (грамматология) в западной философии языка, *versus* энергии звучащего слова в русской философии.

Однако, как ни парадоксально, эти противоположные версии языка коррелируют в плане онтологии. Оппозиция в русле лингвистического поворота оборачивается точками сходимости при повороте к онтологии. Наметим несколько возможных траекторий такого соединения.

1. «В Начале было Слово»

Слово, которое «само и есть знаменуемая им реальность» в русском имяславии, и «мир как текст» в философии постструктурализма ... Как русская, так и западная философия языка, так или иначе возводят предельные основания онтологии к слову, звучащему или написанному, энергии звуков или комбинаторике знаков. Но все интеллектуальные традиции такого рода крипто-

мифологичны и имеют корни в общей сакральной традиции. Это библейская версия творения, согласно которой «в начале» онтологии «было Слово» – слово первотворения. Но есть разночтения в рамках религий, которые принято относить к общему классу авраамических религий.

Слово, которое было «в Начале», может интерпретироваться как *написанное* или *начертанное* слово. Такого толкования придерживаются иудаизм и ислам. В исламской версии мир создавался как Текст, который был написан Божественным Пером, а затем Божественным дыханием перенесен на нижние уровни существования. Человек должен стараться быть Пером в руке Творца. Онтологическим смыслом здесь наделяется даже форма начертания букв (например, в поэзии суфиев отдельные черты лица возлюбленного сравниваются с красиво написанными буквами арабского алфавита). В иудаизме акцент делается на перестановках букв изначального Текста. Это онтология Слова, трактуемого как *слово-код*, или *слово-матрица*. Многообразии сущего объясняется по логике *комбинаторики* – *анаграммы*, или серии мутаций текста изначальной аутентичной Торы.

Слово, которое было «в Начале», может интерпретироваться как *сказанное, звучащее* слово. Звучащее слово в отличие от написанного несет в себе *энергии творения*. На онтологии *энергий* делается акцент в учении восточных отцов христианского богословия. Такое толкование оказалось ближе православию, вероятно, благодаря традиции исихазма – практике православного монашества. *Онтология энергий*, которые несет в себе звучащее слово, не имеет аналогов в западной философии, равно как и практика исихазма не имеет аналогов в католицизме и протестантизме. Отсюда еще одна любопытная параллель между сакральными традициями и философской мыслью. Запрет произносить имя Божие в иудаизме коррелирует с отсутствием «трансцендентального означаемого» в концепциях западной философии языка (Имя, Которое Бог открыл Моисею в пустыне, пишется как «четырёхбуквие», но никогда не произносится). Повторение Имени Божьего в практиках Иисусовой молитвы исихазма коррелирует с учением о прямой связи между «означающим» словом и «означаемым» предметом в философии русского имяславия.

2. «Красное смещение» в эволюции текста

Впрочем, не будем далее поминать Имя Божие всуе. Попробуем обнаружить точки соединения онтологий, совершив деконструкцию философии самого Ж. Деррида. Предпримем, если можно так выразиться, «деконструкцию деконструкции».

Предшествующая традиция, именуемая Деррида *метафизикой присутствия*, имела основанием презумпцию пребывания во времени *актуального настоящего*. Поэтому метафизика присутствия подвергается деконструкции, прежде всего, через «лишение настоящего его привилегированного статуса» [4, с. 133]. Как резонно замечает Деррида, отношение между означающим и означаемым предполагает неизбежный разрыв во времени. Ведь знак ставит себя на место вещи, замещая ее и тем самым создавая отсрочку актуального соприкосновения с ней, «когда мы могли бы встретить саму вещь, ... ее коснуться, увидеть ее, иметь ее наличную интуицию» [5, с. 178]. Более того, в универсуме постметафизического письма знак отсылает не к вещи, а только к другому знаку, а значит, совершает отсылку в такое «прошлое, которое никогда не было присутствующим» [5, с. 195] и не было настоящим.

Как продолжение деконструкции напрашивается дальнейший ход рассуждений. А прошлое? А будущее? А, наконец, само *время* как таковое? Что стоит за этими привычными словами после произведенной деконструкции настоящего? Как справедливо заметил О. Шпенглер, в отличие от пространства, которое является научным понятием, *время – это только слово для обозначения чего-то непонятного*. Далее. Примечательно, что слово «время» Деррида вводит в *классической связке* с другими словами, также предназначенными для обозначения «чего-то непонятного». Это «*сила*» и «*энергия*». Солидаризируясь с Ф. Ницше, Ж. Деррида противопоставляет метафизической грамматике игру «различных сил и силовых различий» [5, с. 191]. Но игра «силовых различий» есть *энергия*, работа, совершаемая силой.

Время и энергия... Эти слова могут быть примерами того, как привычные шаблоны языка создают *иллюзию* понимания, ничего не проясняя по сути. Тем не менее констатируем, что «энергия» и «время» (случайно ли?) оказываются в связке в различных языковых системах, как в языке философии (Ж. Деррида), так и языке фундаментальной науки (как канонически сопряженные переменные). В этом плане отслеживается также любопытная корреляция между русским имяславием и западной философией языка. Самотождественность значений преодолевается как в русской, так и в западной философии, но в противоположных направлениях. В западной философии – через «темпорализацию» языка и онтологии, а в русской – через «энергетизацию» языка и онтологии. Этому соответствуют полюса *симулякра* (западная философия) и *символа* (русское имяславие). Первый замещает онтологию

отсутствия, являющего себя в сериях непрерывных смещений во времени; второй через соединение энергий открывает выход к онтологии, где бытие *больше* самого себя.

Разумеется, и «время», и «энергия» открыты для деконструкции. Но все же язык науки ускользает от деконструкции, поскольку не ставит задачи ответа не вопрос: «*что*» есть время и «*что*» есть энергия. Понятия точного естествознания отвечают не на вопрос «*что*», а на вопрос «*как*»: как изменяются значения одной переменной в зависимости от изменения значений другой переменной. Конечно, и это не исключает возможности деконструкции языка науки, но только в случае, если такая деконструкция позволит перестроить математический аппарат фундаментальных теорий. Зато соотношение между такими «канонически сопряженными переменными», как энергия и время, позволяет совершить деконструкцию философии самого Ж. Деррида, стоит лишь от философского вопроса «*что*» перейти к сциентистскому вопросу «*сколько*». Пусть между «означающим» и «означаемым» всегда есть отсрочка, зазор во времени. Но ведь *время* этой отсрочки может быть *как больше, так и меньше!* И надо полагать, соотношение переменных энергии и времени в любых осцилляциях, будь то квантовые флуктуации или «игра силовых различий» текста, о которой ведет речь Ж. Деррида, подчиняется одному закону. Время и энергия взаимно «конвертируемы». Увеличение времени проброса соответствует уменьшению энергии осцилляций, а уменьшение времени проброса соответствует увеличению их энергии. Тем самым можно очертить «верхний» и «нижний» пороги, в пределах которых может существовать постструктуралистский текст.

I. Онтология следа еще указывает на *вход энергий творения*. Здесь время отсрочки между означаемым и означающим *минимально*, а энергия различия максимальна, что соответствует *максимальной интенсивности различий*.

II. «Красное смещение», аналогичное тому, которое наблюдается в эволюции Вселенной. Время отсрочки между означаемым и означающим *увеличивается*, что соответствует *уменьшению интенсивности различий*. По мере того, как энергия различия иссякает, различия становятся *безразличными*. Различия, лишённые интенсивного измерения, не интересны в той же мере, как не интересны различия между камешками гальки, равномерно покрывающими морской берег.

III. В процессе «красного смещения» – увеличения времени отсрочки между означающим и означаемым – исчезает *след* означаемого, превращаясь в «след стирания следа» [5, с. 200]. «Трёхмерное пространство языка» (семантика, синтаксис,

прагматика) коллапсирует к двумерной плоскости отношений между означающими. Остается только игра означающих, напоминая осцилляции текста. Как замечает С. Малкина, «есть только ритм, их пульсация, индивидуализирующая стиль письма в данном локусе» [6, с. 41]. Но коль скоро речь зашла о «пульсациях» письма, между ними могут быть отношения как синхронизации, так и диссинхронизации, и, наконец, *синергии* – резонанса пульсаций. Таким образом, «на выходе» мы снова получаем синергию – то, в чем русское имяславие усматривало возможность совпадения между словом и его означаемым. Но все же постструктуралистская синергия «на выходе» является пародией синергии «на входе». Синергия «на входе» актуализирует память о забытом адамическом языке, а синергия «на выходе» обусловлена «забвением забвения», в котором теряется даже след трансцендентального означаемого.

3. Слово как живой организм

Еще одна траектория соединения онтологий выявляется на стыке между: а) поворотом *от «чистого разума» к языку*, изменившим интеллектуальный «ландшафт» современной философии; б) поворотом *от механизма к организму*, меняющим интеллектуальный «ландшафт» современного общенаучного мировоззрения. В предыдущей парадигме фундамент представлений о реальности закладывала физика. Концепции физики служили базовой моделью, а язык физики был источником метафор для всех остальных наук. Сегодня эта роль переходит к наукам о жизни. Происходит переориентация от «физикалистских» моделей и метафор, господствовавших в науке до недавнего времени, к «организмическим» и экологическим моделям и метафорам. По мнению Ф. Капры, этот поворот по своим масштабам может быть сопоставлен с поворотом от геоцентрической системы Птолемея к гелиоцентрической системе Коперника [7, с. 28].

Отвлеченные понятия «чистого разума» коррелировали с онтологией «фундаментальных частиц» и отношений между ними. *Единицей реальности* здесь была *частица* (точка, физическая частица, вещь, индивидуальное тело). Эта первичная «естественная» интуиция реальности – не столь уж «первична» и не столь уж «естественна», так как по сути произрастает на почве панфизикализма. А вот в «организмической» модели *единицей реальности* является не частица, а *складка*. Панорганизмический универсум в отличие от панфизического – это онтология, состоящая из *оболочек и складок, вложенных в другие складки*. Такой онтологии более соразмерен универсум слов естественного языка, нежели отвлеченных понятий.

Параллель между словом, складкой и организмом проводится как в русской, так и западной философии. По П. Флоренскому слово есть некая «звуковая индивидуальность», замкнутый в себе звуковой, или «воздушный организм, сотканный звуковыми волнами» [3, с. 251]. Заметим, что некоторые интуитивные прозрения П. Флоренского в этом плане выглядят прямо-таки предвосхищением современной синергетики. Он проводит параллель между произнесенным словом и устойчивыми вихрями самоорганизации, «вихревыми кольцами», формирующими в тонких средах (жидкостях, газах) что-то наподобие тел неких живых организмов. Такая параллель (удивительно созвучная современным концепциям теории самоорганизации) дает основание русскому философу увидеть в слове организм, некое «живое существо, отделяющееся от наших голосовых органов». Поэтому иной раз сказать слово – это в некотором роде посадить *семя*: «Слово есть уже живой организм, имеющий свою структуру и свои энергии» [3, с. 265].

Параллель между словом и организмом позволяет по-новому взглянуть на некоторые утверждения западной философии языка. Вспомним знаменитое сравнение мысли с артишоком в лингвистической философии. Л. Витгенштейн сравнивает языковые оболочки с «одеждой» мысли, которая не только «одевает», но и «переодевает» мысль. Но если, – продолжает сравнение Л. Витгенштейн, – мы пожелаем увидеть «настоящую» мысль и начнем «раздевать» ее, снимая одну за другой языковые оболочки, будет то же самое, как при попытке найти под оболочками листьев «настоящий» артишок. В мысли, как и в артишоке, кроме оболочек, ничего нет [8, с. 146]. В свете аналогии между словом и организмом данное сравнение вопреки шаблонной оценке концепции Витгенштейна может расцениваться не как нигилистическое, а как конструктивное в высшей степени. Примем во внимание, что способность организмов к восприятию формируется отнюдь не через срывание оболочек, а наоборот, через формирование оболочек – покровов. Только имея оболочки, организм способен отражать свет, а значит, видеть. Мы видим благодаря оболочкам и теряем способность видеть при их отсутствии (не случайно на иврите «видеть» и «покров» обозначаются одним словом). В онтогенезе, как свидетельствует эмбриология, кора головного мозга формируется из эктодермы, т. е. из покровных оболочек. Потому формирование языковых обо-

лочек может рассматриваться как продолжение того же самого процесса: формирования и совершенствования органов восприятия. Изощрение воспринимающей способности совершается в процессе наращивания оболочек и покровов (как приспособлений для отражения света), а отнюдь не через их устранение. Все это может получить обобщение в радикально новой модели реальности. Базовой онтологической единицей в этой модели является не вещь, частица или точка, а *складка*. Такова онтология Ж. Делеза [9].

Аналогия между диссеминацией текста и размножением организмов проводится и в концепции Ж. Деррида. Как заметил В. Косыхин, в термине *dissemination* обыгрывается «грамматологическое родство между семьей (семантическим смыслом) и семенем» [4, с. 140]. Но это размножение более напоминает *шизогонию*. Термин «шизогония» в биологии обозначает способ ускоренного размножения одноклеточных, приводящий к лавинообразному росту их количества. Можно сказать, эволюция лингвистических организмов направлена вспять по отношению к биоэволюции. От Слова-организма – к шизогонии, а от шизогонии – к «вирусам» информационных матриц симулякров третьего порядка.

Список литературы

1. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб. : А-сад, 1994. 404 с.
2. Хокинг С., Млодинов Л. Кратчайшая история времени. СПб. : Амфора, 2011. 180 с.
3. Флоренский П. У водоразделов мысли // Флоренский П. Имена. М. : ЭКСМО-Пресс, 1998. С. 15–340.
4. Косыхин В. Г. Онтология и нигилизм. От Хайдеггера к постмодерну. Саратов : Изд-во Саратовской государственной академии права, 2008. 196 с.
5. Деррида Ж. Голос и феномен. СПб. : Алетейя, 1999. 208 с.
6. Малкина С. М. Бытие человека как становление письмом // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 37–42. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-1-37-42>
7. Капра Ф. Паутина жизни. М. : ИД «Гелиос», 2002. 336 с.
8. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М. : Гнозис, 1994. С. 75–319.
9. Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М. : Логос, 1998. 264 с.

Образец для цитирования:

Дуплинская Ю. М. Онтология и язык в контексте лингвистического поворота // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 253–258. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-253-258>

Ontology and Language in the Context of the Linguistic Turn

Yu. M. Duplinskaya

Yuliya M. Duplinskaya, <https://orcid.org/0000-0002-1990-6828>, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia, duplinskayay@mail.ru

The correlation between the linguistic turn and the turn to ontology is analyzed. The ideal of “pure mind” in classical philosophy is corresponded to epistemological and *methodological* orientation of philosophical thought, and the turn to language in the philosophy of the XX–XXI centuries is followed by the turn to *ontology*. It is proved that, despite the contrast, Russian and western philosophy of language have convergence points in the sphere of ontology. Both Russian and western philosophy of language reveal the bases of ontology in the Word, sounding or written, and in the energy of sounds or combination of signs. It is shown that such intellectual traditions are kriptomythological and have roots in the common tradition of Abrahamic religions. The word which was “at the beginning” can be interpreted as *written* (Judaism and Islam). And the Word which was “at the beginning” can be interpreted as *told*, – the *sounding* word bearing in itself the *energy of creation* (Orthodoxy). “The deconstruction of deconstruction” of the concept of J. Derrida is undertaken. It is shown how the ontology of the post-metaphysical writing can be transformed into the ontology of the energies of Russian imiaslavie. Also the relationship between two turns is analyzed: the linguistic turn in modern philosophy and the turn “from the mechanism to an organism” in modern scientific outlook.

Keywords: linguistic turn, turn to ontology, turn from the mechanism to an organism, philosophy of language, imiaslavie.

Received: 10.04.2020/Accepted: 20.05.2020/Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Foucault M. *Les Mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines*, Paris, Gallimard, coll. “Bibliothèque des sciences humaines”, 1966. 405 p. (Russ. ed.: Foucault M. *Slova i veschi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk*. St. Petersburg, A-cad Publ., 1994. 404 p.).
2. Hawking S., Mlodinow L. *A Briefer History of Time*. New York, A Bantam Book. A division of random house, 2005. 176 p. (Russ. ed.: Hawking S., Mlodinow L. *Kratchayshaya istoriya vremeni*. St. Petersburg, Amfora Publ., 2011. 180 p.).
3. Florenskiy P. U vodorazdelov mysli [At thought watersheds]. In: Florenskiy P. *Imena*. Moscow, Aksmo-Press, 1998, pp. 15–340 (in Russian).
4. Kosykhin V. G. *Ontologiya I nihilizm: ot Haydeggera k postmodernu* [Ontology and nihilism: from Heidegger to Postmodernism]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskoi gosudarstvennoi akademii prava, 2008. 196 p. (in Russian).
5. Derrida J. *La Voix et le Phénomène*, Paris, Presses universitaires de France, 1967. 120 p. (Russ. ed.: Derrida J. *Golos i fenomen*. St. Petersburg, Aletya Publ., 1999. 208 p.).
6. Malkina S. M. Human Existence as Writing. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 37–42 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-1-37-42>
7. Capra F. *The web of life*. New York, Anchor Books. A division of random house, 1996. 368 p. (Russ. ed.: Capra F. *Pautina zhizni*. Moscow, ID Gelios Publ., 2002. 336 p.).
8. Wittgenstein L. *Philosophische Untersuchungen*. Oxford, Blackwell, 1953. 232 p. (Russ. ed.: Wittgenstein L. *Filosofskiye issledovaniya*. Wittgenstein L. *Filosofskiye raboty*. Moscow, Gelios Publ., 1994, pp. 75–319).
9. Deleuze G. *Le Pli - Leibniz et le baroque*. Paris, Les Éditions de Minuit, coll. “Critique”, 1988. 191 p. (Russ. ed.: Deleuze G. *Skladka. Leibnits I barokko*. Moscow, Logos Publ., 1998. 264 p.).

Cite this article as:

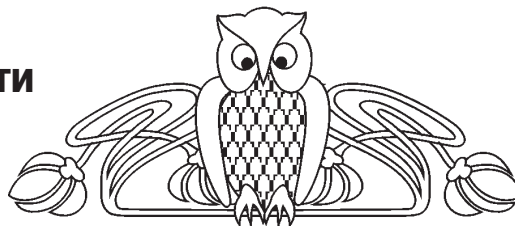
Duplinskaya Yu. M. Ontology and Language in the Context of the Linguistic Turn. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 253–258 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-253-258>

УДК 17.024

Томас Рид о деятельной способности как причине изменений в мире

Д. П. Еремин

Еремин Дмитрий Павлович, аспирант кафедры истории зарубежной философии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, yadmitriy@yale.edu

Тема статьи – разбор понятия Томаса Рида о «деятельной способности» и попытка дать ей определение, что до сих пор не предпринималось в отечественной философии. Цель – поэтапно рассмотреть специфику каждого из значений данной способности, отрывочно очерченных в его философских работах, объединить их и раскрыть суть его представлений об этой способности. Исследование проводилось методом изучения трудов Рида, сравнения их со взглядами европейских мыслителей Нового времени, занимавшихся той же проблемой «деятельной способности», а также в свете современной критики его философии. Изучены аргументы Рида против детерминистских и «мотивационных» понятий о деятельности человека, суждения об отличиях поступков людей от действий остальных животных, отражении этой способности в языке, ее божественном происхождении и, наконец, доводы в пользу свободы человека. Сформулирован вывод о деятельной способности как причине изменений в мироздании, создаваемых личностью при помощи свободных волевых поступков.

Ключевые слова: деятельная способность, агентная причинность, действенная причина, этика человеческого поступка, свобода воли, либертарианство, философия языка.

Поступила в редакцию: 04.04.2020 / Принята: 20.05.2020 / Опубликовано: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-259-264>

Томас Рид, основатель Шотландской школы философии здравого смысла, критикуя идеи Д. Юма, Дж. Беркли, Дж. Локка, Р. Декарта, Дж. Пристли и других философов Нового времени, разработал собственную философскую теорию, основанную на применении метода «здравого смысла». Его этика основана на понятии «деятельная способность» (active power) [1], из которого Рид выводит принципы морали, связывает теорию морали с ее применением, а также с естественным правом. Ученый делит способности человека на умственные и деятельные [2]. Первые требуют только работы ума, вторые – сознательных поступков, а также познания мира с помощью чувств и деятельности.

Разъяснение указанного понятия вплетено в концепцию здравого смысла. В работе «An In-

quiry into the Human Mind», содержащей раннюю философию Рида, не описывается деятельная способность, но она упоминается среди важнейших человеческих способностей [3]. В серии очерков «Essays on the Active Powers of Man», посвященной исследованию этой способности, Рид не дает ее понятию точного определения, так как считает, что ее смысл нельзя выделить логически – это слово из обиходного языка и поэтому должно быть очевидно из самого себя (самоочевидно), а выступает в роли «наблюдателя» явлений природы, предлагающего читателю «данные наблюдения, которые могут привести нас к постижению того, что уже есть у нас в уме» [1, с. 8].

Следовательно, он подразумевает, что ради истолкования понятия «деятельная способность» читателю нужно изучить эти данные. Их можно объединить, сгруппировав по значениям:

1. *Рид против представлений Локка и Юма о деятельности.* Он ссылается на то, что Дж. Локк, отвергнув учение Р. Декарта о врожденных идеях, считал, что все простые идеи возникают либо через эмпирическое восприятие, либо с помощью рефлексии [4]. Применяв это определение к своему понятию о «способности», Рид заявляет, что теория Локка противоречит фактам: человек осознает, что у него есть идея способности, но не осознает, что у него есть сама эта способность. Поэтому мы можем понять, что такое способность, когда наблюдаем ее применение. Локк же считал, что мы узнаем о способности с помощью рефлексии.

Рид выступает против деления Локком способностей на деятельные и бездеятельные, так как очевидно, что бездеятельная способность – это вообще не способность, а ее отсутствие; поэтому термин «бездеятельная способность» самопротиворечив.

Д. Юм пишет, что у нас нет и не было идеи о «способности». И так как термины «действенность», «деятельность», «способность», «сила», «мощь» и т. д. «почти равнозначны», то нелепо пользоваться одним из них для определения остальных [5, с. 208–225]. Рид отвечает: нет никаких причин говорить, что использование одного слова для объяснения близких по значению слов нелепо.

Юм противопоставляет учению Локка о способности два принципа: разум не может сам породить никаких идей; для этого нужно его соединение с чувствами; только с помощью разума, без опыта, нельзя сделать вывод о том, что у всего есть причина. Ответы Рида таковы: 1) идея о мышлении порождается самой способностью мыслить, как и идеи доказательства, силлогизма и т.п., так что первый принцип Юма несостоятелен; 2) твердая вера в то, что у всего есть причина, необходима для совершения обычных дел, а тот, кто не верит в причинную связь, был бы безумцем, и это очевидно каждому взрослому человеку. Эта вера появляется вслед за обретением разума. Опыт же не мог бы показывать нам причины изменений в природе, если бы у нас не было представления о причине, полученного до него.

Кроме того, Рид полагает, что у одного поступка может быть множество разных причин, и делит эти «принципы поступков» на следующие классы: механические, животные и рациональные. Т. Кунео рассматривает эту, по его словам, «мотивационную сверхдетерминированность» как основную проблему исследования Ридом деятельных способностей [6, с. 243, 256]. На мой взгляд, он преувеличивает: несмотря на объем «Очерка о принципах поступков», в 3-м разделе «Очерков о деятельных способностях...» Рид не только описывает частные случаи таких принципов, но и определяет понятие о них в первой главе раздела, подчиняя их воле и деятельной способности [1].

2. *Деятельная способность – это не только возможность действовать, но и способность управлять своими поступками.* Рид говорит, что человек является не только созерцающим существом – иначе он мог бы только мыслить, но и совершающим поступки. Однако чем же деятельная способность человека отличается от способностей животных к совершению действий? Рид отвечает на этот вопрос так: действия животных управляются инстинктом, привычками, влечениями и страстями. Деятельная способность позволяет совершать все действия, осуществляемые человеком, с помощью своей воли.

Разумное существо, по мнению Рида, может действовать и без применения воли: посредством инстинкта и привычки. Другой тип действий направляется волей, но совершается без предварительного размышления; эти поступки отчасти управляются волей, а отчасти – влечениями, страстями и другими естественными дарованиями. В таких случаях мы деятельны только частично, а в остальном плывем по течению страсти. Действия

из-за непреодолимых страстей нужно приписывать не человеку, так как он не способен повлиять на них своей волей, а самой страсти.

Т. Кунео обращает внимание на то обстоятельство, что Рид делит «принципы поступков» на механические, животные и разумные ради утверждения о полной свободе человека, будучи несогласным с точкой зрения «нонкогнитивиста» Юма, утверждающего, что единственной причиной поступков являются мотивы. Кроме того, Кунео пишет: мотивы, по мнению Рида, хоть и сильно воздействуют на волю, но человек решает сам, следовать ли мотиву или наоборот [6, с. 254].

Однако Г. Яффе уверенно заявляет: термины Рида «принципы поступков» и «мотив» взаимозаменяемы, так как мотивы есть только у разумных существ [7, с. 98–113]. Так что между исследователями философии Рида нет согласия в том, какое место в ней занимают мотивы. Полагаю, он достаточно ясно описывает их во 2-й главе «Очерка о воле»: мотивы наряду с причинами могут быть принципами поступков и воздействуют на волю, но эти воздействия не детерминируют ее, а лишь влияют на отношение человека к его поступкам и к тому, следует ли совершать тот или иной поступок [1].

Чтобы опровергнуть мысль детерминистов о том, что свобода сделала бы нас неуправляемыми, Рид выделяет два вида управления: а) механическое (управление существами, не имеющими деятельной способности); б) моральное (управление разумными деятельными существами). При механическом управлении можно только метафорически говорить, что управляемый объект не повинуется управляющему им субъекту (Рид приводит пример: «корабль не повинуется рулю» [1, с. 222]); объект будет невиновен в неподчинении, так как оно не зависит от него. Истинное повиновение проявляется только при нравственном управлении. Когда законы беспристрастные, а не тиранические, они порождают в управляемых личностях моральные обязательства и неподчинение таким законам заслуживает справедливого наказания. При тиранических законах личности не способны исполнять эти законы, поэтому в неповиновении им нет преступления.

3. *Свобода человека. Онтологический аргумент.* Рид считает важным то, что мы можем не пользоваться деятельной способностью, называя ее «возможной», так как она зависит от воли субъекта. Например, законы природы нельзя назвать способностями, потому что они необходимы (в одинаковых обстоятельствах

они всегда действуют одинаково, и люди не могут их изменить) и не действуют самостоятельно.

С этим связано «онтологическое» наблюдение Рида: если бы у человека не было деятельной способности и осознания ее проявления в его волевых поступках, то он не имел бы представления об этой способности. Личность приписывает себе свободные решения своей воли и верит, что ее способности создают события, зависящие от ее воли. Таким образом, возможность действовать по-разному – это свидетельство наличия у нас и свободы, и деятельной способности.

У. Л. Роуи описывает эту теорию как особый вид либертарианства (учения о полной свободе воли), противопоставляя свое мнение «стандартному представлению» о ней [6, с. 225, 227, 240]. Критика «стандартного представления»: а) его сторонники считают, что Рид понимал свободу как «способность волевым решением совершать поступок А» и еще одну «способность волевым решением не совершать поступок А», однако Роуи ссылается на отрывок, где Рид понимает свободу как единственную «способность воли решаться на поступок или воздерживаться от такого решения»; б) Роуи настаивает, что в отличие от «стандартного представления» Рид основывает теорию свободы не на взглядах Локка; мнения Локка и Рида часто смешивают, так как они используют похожие термины, но выводы у них разные. Роуи приходит к выводу, согласно которому доказать истинность теории Рида вряд ли возможно, но ею можно пользоваться в философской практике, так как не доказана ее ложность. Он считает, что возражения Рида против критики либертарианства и наличия свободы у человека были успешными и их можно использовать в защите теорий о полной свободе личности.

4. *Существа без воли и разума не способны к деятельности.* Рид объясняет, почему делит способности человека на умозрительные и деятельные: первый тип способностей включен в понятие «понимание» (разум), второй – в понятие «воля». Существа, у которых нет ни воли, ни понимания, не обладают деятельной способностью [1, с. 33].

Рид формулирует свой вывод, опираясь на мнение Локка о деятельной способности: согласно Локку, мы обнаруживаем ясное понятие о ней в самих себе, когда придаем определенные движения нашим телам или определенное направление нашим мыслям. Эту способность можно привести в действие только волеизъявлением, свободно и добровольно. Отсюда следует, что если бы мы не имели воли и уровня понимания, необходимого для разумного существа, то не

смогли бы воспользоваться деятельной способностью, и поэтому не могли бы ее иметь, так как способность, которой нельзя пользоваться, это не способность.

5. *Деятельная способность как божий дар. Ее развитие. Зависимость ее величины от Бога и человека. Цель ее возникновения.* Рид пишет, что такая способность дана человечеству Богом и создана им по подобию его собственной совершенной способности. Поэтому она, как и сам человек, несовершенна и, следовательно, ее можно направлять не только на благие дела, но и злоупотреблять ею; также она может привести к заблуждениям. Чтобы совершенствовать деятельную способность, мы должны управлять ею, планируя наилучшие результаты, изыскивая подходящие средства управления этой способностью, постигая истинную цель появления ее у нас, осмысливая и исполняя ее указания. Только тогда мы сможем поступать так, как нужно по замыслу Бога.

С возрастом задатки этой способности развиваются. Ее сила увеличивается с накоплением знаний у человека, поэтому она слабее всего проявляется у детей (оттого они часто подобно животным действуют инстинктивно или из-за страстей), а сильнее всего у ученых. Но ее изначальная величина зависит исключительно от Бога, так как она возникает в человеке с рождения. Благодаря ей мы можем действовать из высоких нравственных побуждений. Рид уверен, что Бог дал нам ее ради того, чтобы мы с помощью добровольного труда могли усовершенствовать (окультурить) окружающий нас мир и самих себя, приспособившись к нему. Эта способность соразмерна нуждам людей и при правильном применении может усиливать свое воздействие на предметы в мире и умы людей; и наоборот, человек, злоупотребляющий ею, падет ниже животного состояния, так как существование животных зависит только от инстинктов, привычек и страстей, а для нормальной жизни человека нужны развитие и самосовершенствование.

6. *Синонимический разбор понятия деятельной способности.* Смысл данного понятия, как считает Рид, самоочевиден из обыденного языка, однако многие философы ненамеренно затемнили его, так как это не искусственный термин, а лишь словосочетание из обыденного языка, не поддающееся логическому объяснению из-за своей элементарности. Поэтому можно попытаться объяснить его либо синонимами, либо лингвистически (исходя из этимологии и строения языка). При обоих объяснениях есть опасность переусложнить это простое понятие,

придать ему двусмысленность, а также попасть в логический круг. Поэтому Рид отказывается от попыток прямого определения деятельной способности и стремится дать о ней «общее представление» в нескольких пунктах [1, с. 7–20]: а) она не подчиняется нашим внешним чувствам и сознанию, поскольку ее нельзя воспринять эмпирически, и не нуждается в подтверждении. Наши поступки – проявления этой способности, но не она сама; также это свидетельства, подтверждающие ее существование; б) у нас есть только «относительное представление» (подобное «вторичным качествам» Локка) об этой способности: мы не знаем о ее сущности, но знаем, что она относится к свойствам деятеля, зависит от его воли и у нее есть некие признаки или отношения с другими способностями; в) она – качество и ее существование невозможно без деятеля, которому она принадлежит.

7. *Лингвистический разбор.* Рид подробно объясняет, как можно через понятия о действительных и страдательных глаголах и причастиях доказать подспудное наличие в языке понятия о деятельной способности и рассказать о ее применении. Строение и употребление действительных глаголов указывают на то, что их употребляют для указания на действующий субъект (active); а страдательные – для указания на объект, подверженный воздействию (acted). Главный пример, показывающий особенности их использования: «Рафаэль нарисовал эскизы; эскизы нарисованы Рафаэлем» [1, с. 14].

Рид замечает, что можно найти исключения из этого правила: о некоторых неодушевленных предметах мы говорим, что они действуют. Но там же он и объясняет эти исключения. Причина одушевления вещей – древние предрассудки: видя изменяющуюся вещь, но не понимая причину ее изменения, мы воображаем, что она живая и сама совершила это изменение. Поэтому дикарям и детям – людям, у которых мало знаний, – все в мире кажется живым. Это остается в языке, потому что он сохраняет в себе архаичные особенности, которые уже не нужны и даже вредны. Кроме того, Рид рассуждает о том, все ли операции ума можно считать волевыми или же некоторыми из них управляет только умственная способность. Он предлагает считать все операции ума волевыми, поскольку это деятельность. Данная мысль подтверждается тем, что в суждениях об операциях ума мы пользуемся глаголами действительного залога.

8. *Деятель как действенная причина.* Рид считает, что нельзя рассуждать о деятельности, не используя термины «действенная причина»

и «последствие», «деятельная способность» и «поступок», поэтому он проясняет их значение. Действенной причиной называют то, что дает существование чему-либо или изменяет объект. У всякой вещи и у любого изменения есть причина. Все, что изменяется, должно быть либо действенной причиной чего-нибудь другого, либо изменяться под действием определенной причины. В первом случае объект можно назвать «обладающим деятельной способностью» и «действующим» (acting), во втором – «бездеятельным» или «подверженным воздействию» (acted upon). Мы – действенная причина наших волевых преднамеренных поступков.

«Деятелем» (agent) можно назвать только то существо, которое с помощью своей деятельной способности изменяет другое существо. Это изменение считают «следствием». «Деятельная способность» – качество действенной причины, позволяющее порождать следствие. Усилие деятельной способности – «поступок» или «деятельность».

Показывая, что у нас подспудно присутствует убежденность в наличии внутри нас этой способности, Рид ссылается на слова Пристли (тот говорит об убежденности во «взаимосвязях, отсылающих наши поступки к нам самим» [8, с. 297–298]) и добавляет, что представление о причинной связи выведено из осознания волевых усилий, которые мы осуществляем; и даже понятие о всемогуществе Бога выведено из возведенного в абсолюте представления о способности человека совершать поступки.

Говоря о причинной связи, Рид критикует понятие «причина», описанное Юмом (причина как лишь что-либо предшествующее последствию; причинность как последовательность причин [9, с. 53–70]) и Пристли (достаточная причина как предшествующие обстоятельства, неразрывно связанные с определенным последствием [10, с. 11]). Он пишет, что ни первенство одной вещи перед другой, ни их связь, ни обе вещи в виде последовательности не означают деятельность, а без деятельности нет и действенной причины.

Источник двусмысленности и неясности понятия «причины деятельности» Рид видит в том, что в древности все предметы природы представлялись людям одушевленными. В современных сказках и поэзии тоже присутствуют одушевленные предметы, но в них они играют роль метафор. И понятия Юма и Пристли о причине соответствуют дикарским представлениям о ней: ведь если причина – это нечто предшествующее, то день будет причиной ночи, а ночь – дня (как и считали древние люди). Их определение

причины больше похоже на описание машины, в которой действительно есть последовательность действий, детерминированная законами природы. По Риду «законы природы – это правила, согласно которым создаются следствия; но должна быть причина, которая работает согласно этим правилам» [1, с. 38]. И философы не открыли ни одной из причин этих законов, что неудивительно, поскольку они находятся за пределами нашего понимания, ибо мы осознаем, что этой причиной должен быть деятель, способности которого больше наших: а именно Бог или скрытые деятели, подчиненные ему.

Р. Д. Гэлли приходит к выводу о том, что строгое определение действенной причины Ридом таково: название «причина» можно дать только той сущности, которая может производить изменения в себе или в другой сущности [11, с. 13–15]. Он считает важнейшим смыслом действенной причины во взглядах Рида то, что она должна быть возможной (т.е. может и не порождать никаких изменений), а не необходимой, иначе она будет не способностью, а законом природы. Но и для таких законов Рид сохраняет «обыденный смысл» причинности, называя их «физической причинностью». Об изменениях в мире, не связанных с физическими законами, говорит также Дж. ван Клиф [12, с. 395]: подобные изменения – это проявления деятельной способности, которая, соединившись с волей, становится причиной.

Вывод. Объединив значения, выделенные из трудов Рида в предпринятом разборе, можно предположить, каким могло быть определение термина «деятельная способность»: это вторая из двух основных способностей человека, умственной и деятельной (значение 1), ее смысл состоит в способности разумных существ совершать волевые поступки и управлять ими с помощью морали (значение 2), будучи полностью свободными и ответственными за свои поступки (значение 3). Существа, не обладающие волей и разумом, не имеют такой способности, поэтому деятельность для них невозможна, и они не могут постичь ее наличие в других существах (значения 3–4). Поступки – это проявления деятельной способности (значение 6). Бог как абсолютная действенная причина, обладающая идеальной деятельной способностью, даровал ее разумным

существам, чтобы они совершенствовали мир и себя, развивали и приспособляли все ради своего блага и блага в мире; эта способность несовершенна, но ее можно развить, совершая плодотворные поступки из нравственных побуждений (значения 5, 8). Деятельная способность не может существовать без деятеля, которому принадлежит, так как является его неотъемлемым свойством (значение 6). Представления об этой способности укоренены в языке: на поступки деятеля указывают действительные глаголы, а на объект его деятельности – страдательные. Однако в некоторых случаях это не так из-за того, что в древности человек считал неодушевленные предметы деятелями (значение 7). Следовательно, личность (деятель), используя деятельную способность с помощью своей воли, становится причиной изменений в мироздании и появления новых сущностей (значения 2, 5, 6, 8).

Список литературы

1. Reid T. *Essays on the Active Powers of Man* / ed. by K. Naakonssen, J. A. Harris. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2010. 417 p.
2. Reid T. *Essays on the Intellectual Powers of Man* / ed. by J. Walker. Cambridge University, 1852. 519 p.
3. Reid T. *An Inquiry into Human Mind, on the Principles of Common Sense*. Edinburgh : MacLachlan and Stewart, 1823. 350 c.
4. Локк Дж. Соч. : в 3 т. Т. 1 : Опыт о человеческом разуме. М. : Мысль, 1985. 621 с.
5. Юм Д. Соч. : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1996. 735 с.
6. The Cambridge Companion to Thomas Reid / Ed. by T. Cuneo, Rene van Woudenberg. Cambridge University Press, 2006. 360 c.
7. Yaffe G. *Manifest Activity : Thomas Reid's Theory of Action*. Oxford : Clarendon Press, 2007. 178 p.
8. Price R., Priestley J. *A Free Discussion of the Doctrine of Materialism, and Philosophical Necessity*. Charleston : Nabu Press, 2011. 490 p.
9. Юм Д. Соч. : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1996. 800 с.
10. Priestley J. *The Doctrine of Philosophical Necessity Illustrated*. Whitefish : Kessinger Publishing LLC, 2009. 250 p.
11. Gallie R. D. *Thomas Reid : Ethics, Aesthetics and the Anatomy of the Self*. Nottingham : Springer-Science + Business Media, B.V., 1998. 213 p.
12. Cleve James van. *Problems from Reid*. Oxford University Press, 2015. 567 p.

Образец для цитирования:

Еремин Д. П. Томас Рид о деятельной способности как причине изменений в мире // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 259–264. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-259-264>

Thomas Reid about the Active Power as the Cause of Changes in the World

D. P. Yeremin

Dmitriy P. Yeremin, <https://orcid.org/0000-0002-9080-6619>, Lomonosov Moscow State University, 27-4 Lomonosovsky Ave., Moscow 119991, Russia, yadmitriypalych@mail.ru

The main subjects of the article are the analysis of Thomas Reid's conception concerning the "active power" and an attempt to give the definition of it on the basis of this conception. Such an examination hasn't been undertaken in Russian philosophy up to now. The goal of the article is to combine these meanings and to reveal the sense of his conception of this power by stepwise consideration of specific character of every meaning of this present power, outlined fragmentarily in his philosophical works. The investigation was carried out by the method of research of the Reid's works, their comparison with opinions of European thinkers being engaged in the same problem during Modern Age, as well as in the light of modern critique of his philosophy. Thus the author considered his arguments against deterministic and "motivational" notions concerning activity of a human, his judgements related to distinctions of men's deeds from actions of the rest of animals, to reflection of this power in a language, to God's origin of it, and, at last, his reasons for human's freedom because of it. The common contents of this notion were analyzed, and then expounded in the article's final part; paragraphs in this part correspond with the senses of the notion. As a result, the conclusion is drawn about the active power as the cause of changes in the universe, created by a personality through free willed deeds.

Keywords: active power, agent causation, efficient cause, ethics of human action, freedom of the will, libertarianism, philosophy of language.

Received: 04.04.2020 / Accepted: 20.05.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Reid T. *Essays on the Active Powers of Man*. Ed. by K. Haakonssen, J. A. Harris. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2010. 417 p.
2. Reid T. *Essays on the Intellectual Powers of Man*. Ed. by J. Walker. Cambridge University, 1852. 519 p.
3. Reid T. *An Inquiry into Human Mind, on the Principles of Common Sense*. Edinburgh, Maclachlan and Stewart, 1823. 350 p.
4. Locke J. *An Essay Concerning Human Understanding*. Ware, Wordsworth, 2014. 850 p. (Russ. ed.: Lokk J. *Sochineniya v tryoh tomah, tom 1: Opyt o chelovecheskom razumenii*. Moscow, Mysl' Publ., 1985. 621 p.).
5. Hume D. *A Treatise of Human Nature*. Oxford University Press, 2011. 448 p. (Russ. ed.: Yum D. *Sochineniya v dvuh tomah. T. 1*. Moscow, Mysl' Publ., 1965. 735 p.).
6. *The Cambridge Companion to Thomas Reid*. Ed. by Terence Cuneo, Rene van Woudenberg. Cambridge University Press, 2006. 360 p.
7. Yaffe G. *Manifest Activity: Thomas Reid's Theory of Action*. Oxford, Clarendon Press, 2007. 178 p.
8. Price R., Priestley J. *A Free Discussion of the Doctrine of Materialism, and Philosophical Necessity*. Charleston, Nabu Press, 2011. 490 p.
9. Hume D. *An Enquiry Concerning Human Understanding*. Oxford University Press, 2011. 440 p. (Russ. ed.: Yum D. *Sochineniya: v 2 t. T. 2*. Moscow, Mysl' Publ., 1965. 800 p.).
10. Priestley J. *The Doctrine of Philosophical Necessity Illustrated*. Whitefish, Kessinger Publishing LLC, 2009. 250 p.
11. Gallie R. D. *Thomas Reid: Ethics, Aesthetics and the Anatomy of the Self*. Nottingham, Springer-Science + Business Media, B.V., 1998. 213 p.
12. Cleve J. van. *Problems from Reid*. Oxford University Press, 2015. 567 p.

Cite this article as:

Yeremin D. P. Thomas Reid about the Active Power as the Cause of Changes in the World. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 259–264 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-259-264>

УДК 1:316.61

Эволюционность развития социальных норм: от аскриптивности к дескриптивности

В. С. Ерохин

Ерохин Владимир Сергеевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, Саратовская государственная юридическая академия, v.s.erohin@mail.ru

В статье анализируются такие свойства нормативности, как аскриптивность и дескриптивность, а также принцип эволюционного развития норм. Определяется содержание понятия «норма», выделяются две основные его трактовки: как совокупность стандартного набора свойств и как образец желательного поведения. Утверждается, что в рамках второй трактовки формируется представление о социальных нормах. Исследуемая проблема состоит в наличии различных свойств социальных норм и соответствующих им требованиям к действиям людей. Изменение условий бытия общества влечет за собой изменение соотношения аскриптивных и дескриптивных социальных норм, что требует выявления причин и возможных следствий. Цель работы заключается в выявлении эволюционного принципа, в соответствии с которым происходит переход от аскриптивных норм к дескриптивным. Методологическим основанием послужила нормативистская концепция, разработанная в аналитической философии права, а также логика исследования морали и религии в философии жизни А. Бергсона. Научная новизна работы заключается в утверждении эволюционного перехода аскриптивных норм в дескриптивные с сохранением минимального количества первых. Кроме того, утверждается, что основанием такого перехода становится развитие технических средств, обеспечивающих независимость человека и общества от природных условий своего существования.

Ключевые слова: нормативность, аскриптивность, дескриптивность, принцип эволюции, техника.

Поступила в редакцию: 07.04.2020 / Принята: 20.05.2020 / Опубликовано: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-265-269>

В социальной философии одной из важных является проблема социальной нормативности. Этимология понятия «норма» может быть сведена к латинскому термину «*norma*», который можно перевести как мерило, руководство, правило, закон, образец [1, с. 451]. В философии сложилось две трактовки данного понятия. В рамках одной из них «норма» сводится к естественнонаучному восприятию и определяется как точка отсчета, эталон или стандарт, соответствие которому влечет за собой нормальное, природное функционирование предмета, вещи, живого существа.

Другая трактовка рассматриваемого понятия выражает «общее правило, коему должно следовать во всех подобных случаях, образец или пример» [2, с. 555]. В рамках такого значения формируется представление о том, каков принцип должного действия. Понятие «норма» выражает область долженствования в различных формах желательного или необходимого поведения (правило должного действия). Поскольку в данном значении указанного понятия содержится регламентирующий принцип бытия, речь идет, скорее, о социальных нормах в полном смысле этого слова, которые определяют бытие человека в обществе.

В дальнейшем будет говориться о социальной нормативности, которая представляет собой средство регламентации множества социальных связей и отношений через формирование и использование образцов приемлемого поведения. На основании таких правил реализуется возможность осуществлять социально приемлемые, нормальные принципы существования человека в социальной действительности. С авторской точки зрения совокупность социальных норм представляет собой основание социального бытия человека, мерило, а также основание его способности к совместному существованию с другими людьми.

Более того, можно утверждать, что социальная нормативность – это минимальное условие персонального бытия в обществе, поскольку определяет наличие человеческого в человеке в форме его социального начала. Последнее как способность каждого человека к социальной нормативности можно трактовать как априорное свойство человеческой природы, с помощью которой задаются наиболее общие основания социального существования человека. Использование описываемого свойства позволяет формировать разнообразные формы проявления социальной нормативности в различных исторически, культурно и иным способом обусловленных социальных реалиях.

Из этого следует, что понятие «социальная норма» может толковаться как совокупность правил, которые позволяют сформировать наиболее общие принципы общественного существования человека. При этом важным представляется эволюционный принцип развития социальных

норм, который влечет за собой соответствующее развитие общественных связей и отношений, и, как следствие – принципов совместного человеческого существования. На основании нормативности как системы регламентации поведения становится возможной регламентация социального бытия человека, а также социально приемлемые формы его индивидуализированного социального развития.

В качестве базовой предлагается идея об эволюционном развитии социальной нормативности и ее переходе от аскриптивного состояния к дескриптивному. В ее основе лежит концепция А. Бергсона о двух типах общества – закрытом и открытом, а также перспективная, с авторской точки зрения, нормативистская концепция норм, реализованная представителями аналитической философии. Исходная идея А. Бергсона о двух типах общества предполагает формирование двух типов норм, соответствующих двум типам состояний общества. Один из них соответствует обществу закрытому, в рамках которого социальные нормы регламентируют социальное поведение человека как биологического организма, подчиненного действию непреложных законов природы. Нарушение таких законов влечет за собой разрушение биологического организма (его смерть), а также разрушение социальной системы. Другой же тип норм, который А. Бергсон связывает с открытым обществом, приводит к формированию социальной ткани, «созданной свободными волями» [3, с. 4–5].

Закрытое общество как организм, подчиненный непреложным законам, опирается на инстинкт. В нем воплощается приоритет общего над индивидуальным, подчиненность элементов интересам целого [4, с. 251]. По таким принципам реализуется способ существования закрытого общества, в котором основным видом нормативности оказываются природные закономерности. В результате можно говорить о формировании так называемых аскриптивных видов и форм нормативности, принуждающих все элементы социальной системы выполнять определенные функции.

Открытое общество как социальная система предполагает использование дескриптивных норм, поскольку предусматривает использование желательных моделей поведения, не требующих однозначного исполнения членами общества.

Логика нормативистской концепции норм предполагает эволюционное развитие и переход социальной нормативности из области аскриптивности в область дескриптивности. Это представляется перспективным в изучении

сущности норм, поскольку позволяет установить возможное дальнейшее развитие общественных связей, регулируемых существующей системой правил. Можно утверждать, что в рамках логики эволюции социальной нормативности осуществляется переход из области предписываемого поведения, в рамках которого человек принуждается к необходимым принципам действия, в область описываемого (желательного) поведения. Таким образом, становится возможным объяснить переход от закрытого общества к открытому через эволюцию социальной нормативности.

Итак, можно утверждать, что норма, понимаемая в качестве выражения закрытого общества, обладает свойством аскриптивности. Причиной тому может служить фатальность последствий для живого организма, в том числе человека и общества как системы. С точки зрения аскриптивности как свойства, норма может пониматься как средняя величина, позволяющая описать совокупность однородных предметов и выразить естественное (природное) существование чего-либо. Аскриптивность социальных норм закрытого общества заключается в том, что социальная система предписывает необходимость исполнения конкретных эффективных моделей поведения своим структурным элементам. Под эффективными моделями поведения понимаются те, которые позволяют выжить. Поэтому возникает необходимость исключить модели поведения, не позволяющие достигнуть искомого результата. При этом предписывающая природа таких социальных норм состоит в единстве с практикой их применения нормативности, поскольку социальные нормы в закрытом обществе близки по содержанию природным нормам и требуют обязательности исполнения определенных способов поведения. Из этого следует, что нормативность как способ регламентации социального поведения и ее применение находятся в неразрывном единстве в закрытом обществе. Более того, можно утверждать, что именно практика применения норм в значительной степени определяет предписательность самих социальных норм. В закрытом обществе это выражается в том, что необходимость выживания предопределяет необходимость заставлять людей как биосоциальных существ совершать определенные действия. Таким образом, социальные нормы закрытого общества трактуются как осознанная необходимость в Спинозовском смысле слова.

В открытом обществе согласно представленной логике происходит постепенное разделение нормативности как социального феномена и практики ее применения. В ряде исследований

утверждается, что «правовые понятия и утверждения имеют аскриптивную, нормативно-институциональную природу (значение и функцию), а основания их употребления открыты и разнородны – в их отношении неприменимы традиционная модель эмпирического языка и “закрытые” логические дефиниции» [5, с. 43]. В рамках описанных идей утверждается, что, с одной стороны, правовая реальность имеет предписывающее значение, является своего рода социальным институтом, который определяет принципы и правила поведения человек в социальной среде и тем самым однозначно предписывает модели поведения человека в коллективе. С другой стороны, применение такого понимания правовой реальности на практике носит дескриптивный характер, поскольку позволяет описать условия и границы применения норм права.

Причина дескриптивности практического применения социальных норм, таким образом, заключается в том, что социальная нормативность не имеет собственного содержания, которое формируется в совокупности достаточных и необходимых условий применения различных социальных норм. Социальные нормы по справедливой логике одного из известных представителей аналитической философии права Г. Харта выполняют ряд функций, главная из которых состоит «в выражении правовых требований и в юридической квалификации событий состояний и действий, придающей природным и социальным явлениям юридическое значение» [цит. по: 6, с. 104]. В результате по своему значению социальные нормы, будучи условиями совместного бытия людей в обществе, аскриптивны, поскольку выражают необходимые условия, требования к поведению человека. Однако их применение носит дескриптивный характер, поскольку требования, содержащиеся в существующих нормах, содержат в себе характеристики оценки действий человека.

Таким образом, можно выделить два существенных отличия социальной нормативности в открытом обществе:

1) аскриптивность (предписательность) так понимаемых социальных норм можно трактовать как настоятельные рекомендации реализации желательного социального поведения. Здесь мы видим трансформацию значения свойства аскриптивности. Несоответствие поведения существующему образцу не влечет за собой прекращение функционирования (смерти) общества или человека как живой системы, однако приводит к существенным трудностям социального бытия человека. В результате социальная нормативность аскриптивна настолько, насколько

это необходимо для поддержания правильного функционирования социальной системы. Это в свою очередь не предполагает однозначной причинно-следственной связи необходимости выполнения человеком его социальной функции и физического, биологического выживания индивида и общества. Однако такая логика предполагает возможность эффективного сосуществования множества отдельных людей, стремящихся достигнуть реализации собственных интересов. Таким образом, меняется функционал аскриптивности как свойства социальной нормативности: предписание определяет не стремление выжить, а необходимость эффективного существования общества как системы, а также совместного существования людей в обществе. Такое понимание аскриптивности социальных норм допускает возможность существования социальных феноменов, противоречащих предписанному положению дел;

2) практика применения социальных норм в значительной степени определяет их содержание, переводя нормы как требования из области обязательности к исполнению в область описания (дескриптивности) желательности моделей поведения.

Бергсоновская логика о двух типах общества дает основание эволюционного развития системы нормативности, а также практического перехода от предписательности к описательности норм. Основанием такого перехода, с авторской точки зрения, становится развитие технической стороны общества. Техника понимается как «совокупность средств человеческой деятельности, создаваемых для осуществления процессов производства и обслуживания непроектируемых потребностей общества. Основное назначение техники – облегчение и повышение эффективности труда человека, расширение его возможностей, освобождение (частичное или полное) человека от работы в условиях, опасных для здоровья» [7, с. 1570]. В результате развитие технических средств приводит к дистанцированию человека от природы, что и дает возможность перехода от космогенного закрытого общества к техногенному (и далее – постиндустриальному, цифровому и т.д.) открытому. Одновременно с развитием технических средств снижается степень зависимости человека и общества от природных условий, что в свою очередь дает возможность формирования норм, носящих рекомендательный характер. При этом чем выше уровень дистанцирования общества и природы на техническом основании, тем менее необходимы аскриптивные нормы.

Следует заметить, что социальная нормативность автором понимается как минимальное условие человеческого бытия в обществе, способность человека к социальной нормативности, априорное свойство человеческой природы, задающее самые общие принципы бытия человека как существа социального. С одной стороны, это означает, что логика эволюционного подхода предполагает постепенное уменьшение количества аскриптивных норм и их переквалификацию в ранг дескриптивных. С другой стороны, следует отметить, что для существования человека как социального существа необходимым оказывается минимальное количество аскриптивных норм, поскольку это дает возможность сохранять человечность в человеке и определенные требования общих социальных принципов существования.

Таким образом, эволюционный принцип развития социальных норм демонстрирует переход от аскриптивности к дескриптивности социальных норм, выражая тенденцию изменения социальной нормы. Можно утверждать, что в процессе совершенствования технической стороны общества минимизируется количество предписывающих норм. Однако необходимо отметить безусловную необходимость их определенного, минимального количества, поскольку именно они определяют возможность существования общества как си-

стемы. Это дает повод высказать идею о постепенном эволюционном переходе к минимальному количеству аскриптивных и большому количеству дескриптивных социальных норм.

Список литературы

1. Латино-русский словарь / сост. А. М. Малинин. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. 764 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Цитадель, 1979. Т. 2. 2030 с.
3. Бергсон А. Два источника морали и религии. М. : Канон, 1994. 384 с.
4. Петросян В. К. Статика и динамика в социологической концепции А. Бергсона // Мониторинг общественного мнения. 2009. № 5 (93). С. 250–271.
5. Касаткин С. Н. Объяснение правовых понятий в аналитической юриспруденции Г. Харта : методология и проблематизация // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 18, № 1. С. 43–71.
6. Оглезнев В. В., Тарасов И. П. Аскриптивность как онтологическое свойство юридических понятий // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2010. № 4 (12). С. 101–110.
7. Российский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М. : Большая российская энцикл., 2000. Т. 2. 1987 с.

Образец для цитирования:

Ерохин В. С. Эволюционность развития социальных норм: от аскриптивности к дескриптивности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 265–269. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-265-269>

Evolutionary Development of Social Norms: from Ascriptiveness to Descriptiveness

V. S. Erokhin

Vladimir S. Erohin, <https://orcid.org/0000-0002-4257-5529>, Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia, v.s.erohin@mail.ru

The article is devoted to the analysis of such properties of normativity as ascriptivity and descriptivity, as well as the principle of the evolutionary development of norms. The article defines the content of the concept of "norm", identifies two main interpretations of it: as a combination of a standard set of properties and as a sample of desirable behavior. It is argued that the second interpretation forms the idea of social norms. The problem investigated in the article is the presence of various properties of social norms and their corresponding requirements for people's actions. Changing the conditions of existence of society entails a change in the relationship between ascriptive and descriptive social norms, that requires the identification of causes and possible consequences. The purpose of this work is to identify the evolutionary principle that leads to the transition from ascriptive to

descriptive norms. The methodological basis of the work is the normative concept developed in the analytical philosophy of law, as well as the logic of the study of morality and religion in the philosophy of life of A. Bergson. The scientific novelty of the work consists in the approval of the evolutionary transition of ascriptive norms to descriptive ones with the preservation of a minimum number of the first ones. In addition, it is argued that the basis for such a transition is the development of technical means which ensure the independence of a man and society from the natural conditions of their existence.

Keywords: normalization, ascriptiveness, descriptiveness, principle of evolution, technology.

Received: 07.04.2020 / Accepted: 20.05.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. *Latinsko-russkiy slovar'*. Sost. A. M. Malinin [Latin-Russian Dictionary. Compiler A. M. Malinin]. Moscow, Gos. izdatel'svo inostrannykh i natsional'nykh slovarey, 1952. 764 p. (in Russian).

2. Dal' V. I. *Tolkoviy slovar givogo velikorusskogo yasika: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living great Russian language: in 4 vols.]. Moscow, Tsitadel' Publ., 1979, vol. 2. 2030 p. (in Russian).
3. Bergson H. *Les Deux Source de la morale et de la religion.* Paris, Gallimard, 1932 (Russ. ed.: Bergson H. *Dva istochnika morali i religii.* Moscow, Kanon Publ., 2004. 384 p.).
4. Petrosyan V. K. Statics and dynamics in A. Bergson's sociological concept. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], 2009, no. 5 (93), pp. 250–271 (in Russian).
5. Kasatkin S. N. Explanation of legal concepts in the analytical jurisprudence of G. Hart: methodology and problematization. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS], 2018, vol. 18, no. 1, pp. 43–71 (in Russian).
6. Ogleznev V. V., Tarasov I. P. Ascriptivity as an ontological property of legal concepts. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2010, no. 4 (12), pp. 101–110 (in Russian).
7. *Rossiyskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Russian Encyclopedic Dictionary]. Chief ed. A. M. Prokhorov. Moscow, Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya Publ., 2000, vol. 2. 1987 p. (in Russian).

Cite this article as:

Erokhin V. S. Evolutionary Development of Social Norms: from Ascriptiveness to Descriptiveness. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 265–269 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-265-269>

УДК 2:52.8

Применение риторических топов в евангельском тексте

Д. А. Каменщиков

Каменщиков Денис Александрович, аспирант кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, pm-sar@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о взаимоотношениях риторики и миссиологии. В частности, проводится исследование библейского текста на предмет выявления самых разнообразных риторических конструкций. Данный анализ осуществляется на основе трудов Аристотеля, посвященных топики и риторике. Как представляется, такой подход к изучению Священного Писания в православной теологии является инновационным и до настоящего времени не применялся. Цель исследования – выявить систему аргументации, которая используется при разъяснении идей Священного Писания. На основе различных частей текста доказываем, что многие риторические аспекты находят свое применение и в Библии, однако претерпевают определенную трансформацию. Так, в Евангелии те риторические приемы, которые обычно служат для украшения слога, почти полностью отсутствуют, однако сохраняются риторические топы, посредством которых осуществляется донесение евангельских идей до слушателей. В статье указывается, что, несмотря на перевод Евангелия почти на все языки мира, система риторических топов текста этой священной книги остается полностью неизменной. Думается, что выявленная закономерность открывает широкие перспективы развития православной миссиологии как науки, так как позволяет разрабатывать систему миссионерской аргументации, которая может плодотворно функционировать в любой социокультурной среде.

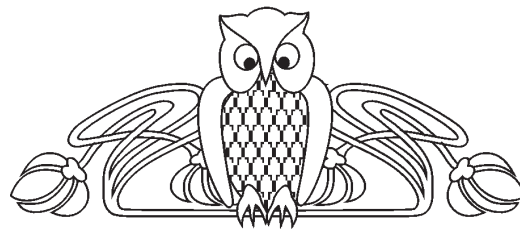
Ключевые слова: Библия, Евангелие, миссиология, риторика, топ, древнегреческий язык.

Поступила в редакцию: 15.04.2020 / Принята: 20.05.2020 / Опубликовано: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-270-273>

Вопрос о взаимоотношениях церковной традиции проповеди слова Божия и риторики занимает важное место в современной православной теологии. Действительно, с одной стороны, святые отцы, в частности святитель Иоанн Златоуст, равноапостольный Кирилл, просветитель славян и другие, активно пользовались риторическими приемами во время своей проповеди, будучи во многом воспитаны эллинской словесной культурой. С другой стороны, сами евангельские тексты, их лексическая и синтаксическая структура указывали на необходимость упрощения

и, казалось бы, исключения риторических приемов. Кроме того, ряд богословов относились к использованию риторики скептически. В частности, Августин Блаженный, который до своего обращения к христианству был преподавателем риторики, называет ее, будучи уже епископом, победоносной болтливостью [1, с. 91]. Так, при поверхностном исследовании может показаться, что между евангельским текстом и разными направлениями богословской традиции существует некое противоречие. Разрешение же этого вопроса возможно при более внимательном изучении риторических структур Евангелия.

В этой связи следует изъясниться относительно понятия топа. Аристотель в своем труде «Топика» употребляет понятие «топ» (от древнегреч. τόπος, – «место») как хорошо знакомое читателю и сразу переходит к систематизации этого явления: «Топы же, для которых полезно сказанное, суть следующие» [2, с. 372]. Вероятно, этот термин в среде риторов и поэтов широко использовался, но великий ученый дает подробную классификацию топов [2, с. 374 и далее]. Конечно, Аристотель не изобретает топы, он лишь описывает закономерности человеческого мышления, которые существовали всегда и посредством которых человек аргументировал свои позиции. Итак, топ – это вид доводов или аргументов, которые оратор использует в своей речи. В риторике и лингвистике их также принято называть смысловыми моделями, источниками изобретений, ментальными категориями и т.д. Аристотель описал около 40 топов, Цицерон и Ломоносов, обобщив некоторые из них, указывают, что топов всего 16. Выдающийся российский лингвист и преподаватель риторики в Царскосельском лицее Н. Ф. Кошанский разворачивает систему аргументации до 24 топов [3, с. 45]. Учитывая вышеизложенное, обратимся к выявлению смысловых моделей, которые применяются в Евангелии. Думается, что в этом отношении заслуживают внимания, прежде всего, следующие топы: имя, свидетельство, свойство, причина-следствие, сопоставление и пример как имеющие наибольшее распространение.

Топ «Имя». Эта смысловая модель основана на этимологическом значении имени. В евангельском тексте данный топ встречается постоянно. В частности, называя Симона Петром, Христос

использует рассматриваемую смысловую модель. «Я говорю тебе: ты Петр, и на этом камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» [4, с. 1056]. «Еще при первой встрече Господь нарекает Симону это имя: “Петр” по-гречески, или “Кифа” по-сиро-халдейски, что значит “камень” (Иоан. 1:42), а теперь как бы свидетельствует, что Симон действительно оправдывает имя, данное ему прежде, что он, по твердости веры, действительно камень» [5, с. 178].

Эта смысловая модель встречается многократно и в Ветхом Завете, в частности, в книге Бытия, когда Господь после грехопадения прародителей дает им обетование о пришествии в мир Спасителя. Они ожидали, что Он явится уже в их ближайшем потомстве, поэтому своего первенца называют Каином, что в переводе с древнееврейского означает «приобретение», или, как сказано в Библии, «<...> приобрела я человека от Господа» [4, с. 12]. Увидев в злобном и завистливом Каине призрачность своих надежд на столь скорое избавление, Адам с Евой своего второго сына нарекают Авелем, что значит «пар» или «призрак» [6, с. 34].

Топ «свидетельство» помогает аргументировать какое-либо положение с помощью ссылок на авторитетные источники или высказывания знаменитых людей. В Евангелии данный источник изобретений функционирует в виде многочисленных цитат из Ветхого Завета. Например, в Евангелии от Матфея, которое, как известно, написано с целью доказать евреям, что Христос и есть обетованный Мессия, о Пришествии в мир Которого предсказывали ветхозаветные пророки, используется не менее 66 ссылок на Ветхий Завет, «причем в 43 случаях делается буквальная выписка» [5, с. 25].

Топ «Свойство» имеет два способа применения: характеризует свойства лиц и явлений. Множество примеров использования данного приема наблюдается в Евангелии, когда Христос в Своих притчах полярно разделяет свойства персонажей. Почти все герои Его притч – это антиподы (древнегреч. ἀντίπους, мн. число ἀντίποδες — противоположные, противостоящие; от ἀντι- — против + πούς — нога), т. е. люди, обладающие диаметрально противоположными качествами души, взглядами на жизнь, социальным статусом и прочими свойствами. Господь разводит персонажей Своих притч по разные полюсы жизни, чтобы сделать повествование более выразительным. Мы можем выявить следующие антиподы Евангельских притч:

1. Богатый и бедный (притча о богаче и Лазаре).
2. Раб и господин (притча о немилосердном должнике).

3. Мудрый и глупый (притча о десяти девах).
4. Смирный и гордый (притча о мытаре и фарисее).
5. Праведный и грешный (притча о Страшном суде).
6. Отец и сын (притча о блудном сыне).

Топ «Причина-следствие». Данная смысловая модель основана на свойстве человеческого разума выявлять причинно-следственные связи между происходящими в мире событиями. В Евангелии этот топ широко используется. В частности, притча о Страшном суде во многом построена в данной смысловой модели. Христос указывает, что причина, по которой овцы удостоились десной участи – дела милосердия, а осуждение козлищ на муки – это следствие отсутствия таковых. Та же модель применяется Господом, когда Он говорит: «<...> Если кто не родится свыше (причина), не может увидеть Царствия Божия (следствие)» [4, с. 1130].

Повествование об исцелении слепорожденного основано на топе «причина-следствие». «Увидев этого человека, апостолы спросили Господа: “Равви! Кто согрешил: он или родители его, что родился слепым?” Иисус отвечал: “Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии...”» [4, с. 1139]. Вопрос учеников был основан на общем представлении иудеев о том, что человеку посылается болезнь в наказание за его грехи или грехи его родителей. Кроме того, исцелив незадолго до этого расслабленного при Овечьей купели, страдавшего от своей болезни 38 лет, Господь в присутствии всех сказал ему: «Вот, ты выздоровел; не грехи больше, чтобы не случилось с тобой чего худшего» [4, с. 1133]. Слепорожденный же не мог быть наказан этой болезнью за свои грехи, так как родился с ней. Не было это и следствием грехов родителей. Ученики считают, что болезнь – это наказание за грех (т.е. последствия), Христос, напротив, говорит, что это причина, из которой произойдут удивительные последствия – явятся дела Божии.

Топ «Сопоставление». Как представляется, по степени частотности это самый распространенный в Евангелии топ. Как родовое понятие он делится на два вида: сравнение и противопоставление.

Сравнение основано на способности человека легче воспринимать новые идеи, находя сравнение в тех сферах жизни, которые ему хорошо знакомы.

В Евангелии сравнений поистине великое множество. Христос сравнивает Царство небесное с зерном горчичным, с царем, с закваской. Притчи Христовы во многом построены на сравнении. Говоря о сеятеле, смоковнице, о виноградарях,

т. е. о предметах бытовых, Он учил народ не тому, как возделывать землю, а как взойти на Небо.

Противопоставление основано на способности человеческого разума сопоставлять два или несколько предметов или явлений и устанавливать различие между ними. С помощью противопоставления можно сказать, что, в частности, один предмет лучше или хуже другого, больше или меньше, выше или ниже и т.д. Для условной характеристики этого вида можно использовать математические знаки “<”, “>”, но не “=”.

Как представляется, самый известный в Евангелии случай применения противопоставления – слова Христа о том, что «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» [4, с. 1059].

Топ «Пример». В основе данной смысловой модели лежит реальное или вымышленное событие, которое может происходить в прошедшем, настоящем или будущем времени. Топ существует в двух видах: *напоминание и повествование*.

Напоминание. При этом подходе событие не описывается полностью, о нем лишь напоминает слушателю или читателю. Так, Христос в Евангелии на вопрос фарисеев о том, почему Его ученики делают то, чего не подобает делать в субботу, приводя им в ответ пример из Ветхого Завета, напоминает о том, как царь Давид и его спутники, изнемогая от голода, ели хлебы, которые им не позволялось вкушать. «Разве вы не читали, что сделал Давид, когда взалкал сам и бывшие с ним? как он вошёл в дом Божий и ел хлебы предложения, которых не должно было есть ни ему, ни бывшим с ним, а только одним священникам?» [4, с. 1050].

Это ветхозаветное событие, безусловно, было знакомо ученым фарисеям, поэтому Христос лишь напоминает о нем.

Повествование. При использовании данного приема раскрывается полностью все событие с расстановкой эмоциональных ударений на определенных участках повествования, сюжет которого, как правило, не знаком аудитории. В свою очередь, здесь существует два пути: повторение произошедших событий или существующих произведений искусства и авторское повествование. Второй путь указан Самим Христом: Евангельские притчи – это и есть авторское повествование. Примечательно, что на данном топе основаны такие виды искусства, как литература и кинематограф.

Проведенное выявление риторических топов в евангельском тексте позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, содержание евангельских текстов не исключает использование риторических приемов. Напротив, оно отражает возможность их активного применения.

Во-вторых, при изыскании конкретных смысловых моделей в Евангелии необходимо учитывать особенности диалектики древнегреческого языка койне.

Диалект древнегреческого языка койне (древнегреч. – общая речь), на котором был написан Новый Завет, получил свое становление и развитие после завоеваний Александра Македонского и в I в. н.э. уже являлся средством международной коммуникации для всех жителей Средиземноморья, т. е. по сути для большей части цивилизованного мира того времени. Общение, торговые сделки, деловая переписка велись в основном на койне, что, безусловно, оказывало значительное влияние на этот диалект и упрощало его, подчиняя одной главной цели – коммуникации. В лексике койне наблюдается следующая закономерность: «...предпочтение отдается простоте и ясности: длинные слова заменяются более короткими, часто односложными аналогами; могут исчезать из употребления слова с архаическими суффиксами» [7, с. 212]. В синтаксисе койне также очевиден процесс упрощения: риторические периоды, т. е. сложноподчиненные предложения, удовлетворяющие «разуму, слуху и вкусу» [3, с. 54], уступают место сложносочиненным, что значительно облегчает восприятие текста и заложенных в нем идей. То есть, несмотря на простоту и некоторую литературную безыскусность евангельского текста относительно классической древнегреческой прозы, эта особенность идет не в ущерб его миссионерскому потенциалу. Как представляется, из текста исключаются лишь – назовем их так – второстепенные риторические приемы, которые служат для художественного украшения слога, однако сохраняются риторические топы, посредством которых осуществляется аргументация евангельских идей.

В-третьих, изыскание риторических топов в евангельском тексте требует выборочного подхода, когда отсекается все лишнее и усваивается только необходимое и наиболее эффективное.

Думается, что дальнейшая разработка данной проблемы позволит сформировать теоретическое основание для выведения системы риторических топов, применяемой в миссионерской деятельности.

Список литературы

1. *Августин Гиппонский.* Исповедь. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2012. 528 с.
2. *Аристотель.* Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1978. Т. 2. 687 с.
3. *Кошанский Н. Ф.* Общая риторика. СПб. : Медицинский департамент Министерства внутренних дел, 1829. 320 с.

4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М. : Российское Библейское общество, 2007. 1295 с.
5. Аверкий (Таушев), архиепископ. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2010. 846 с.
6. Вениамин (Пушкар), митрополит. Священная Библийская история. М. : Информационное агентство Русской Православной Церкви, 2015. 736 с.
7. Дж. Грешем Мейчен. Учебник греческого языка Нового Завета. М. : Российское Библейское общество, 2018. 239 с.

Образец для цитирования:

Каменщиков Д. А. Применение риторических топов в евангельском тексте // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 270–273. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-270-273>

The Use of Rhetorical Topics in the Text of the Gospel

D. A. Kamenschikov

Denis A. Kamenschikov, <https://orcid.org/0000-0001-7796-7541>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, pm-sar@mail.ru

The article considers the aspects of reciprocity of rhetoric and missiology. Many rhetoric aspects of the Holy Scriptures can be found in the Bible, but they experience certain transformation. The text of the Bible is particularly examined in order to find out different rhetorical constructions. This analysis is based on Aristotle's works, devoted to topics and rhetoric. Such an approach to the Holy Scriptures from the point of view of the Orthodox Theology research is innovative and hasn't been applied before. At the beginning of the research the aim was to draw out the argumentation system, which is used in order to explain the ideas of the Holy Scriptures; and, using different parts of the text, to prove that many rhetorical aspects which are used in the Bible, have been transformed. In the Gospels the rhetorical methods, which are usually used to make language more beautiful nearly don't exist, but rhetorical topics remain and they help to realize the Gospel ideas. The article points out that in spite of the fact that the Gospel is translated into all worlds' languages, the system of rhetorical topics of the Holy Scriptures texts remains unchangeable. It is thought that the exposed mechanism gives wide possibilities for the Orthodox missionary development as a science because it allows evolution of the system of missionary argumentation that can have efficient functioning in any cultural environment.
Keywords: Bible, Gospel, missiology, rhetoric, topos, ancient greek language.

Received: 15.04.2020/Accepted: 20.05.2020/Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Cite this article as:

Kamenschikov D. A. The Use of Rhetorical Topics in the Text of the Gospel. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 270–273 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-270-273>

References

1. Avgustin Gipponskiy. *Ispoved* [Confessions]. Moscow, Izd-vo Sretenskogo monastyrja, 2012. 528 p. (in Russian).
2. Aristotel. *Sochineniya*: v 4 t. [Aristotle. Works: in 4 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1978. Vol. 2. 687 p. (in Russian).
3. Koshanskiy N. F. *Obshchaya ritorika* [The Common Rhetoric]. St. Petersburg, Meditsynskiy department Ministerstva vnutrennich del Publ., 1829. 320 p. (in Russian).
4. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetchogo i Novogo Zaveta* [The Holy Bible. The books of the Holy Scriptures of the Old and New Testament]. Moscow, Rossiyskoe Bibleyskoe obshchestvo Publ., 2007. 1295 p. (in Russian).
5. Averkii (Taushev), arkhiepiscope. *Rukovodstvo k isucheniyu Svyashchennogo Pisaniya Novogo Zaveta* [The Guide for researching the Holy Scripture of the New Testament]. Moscow, Pravoslavnyy Svyato-Tikhonovskiy gumanitarnyy universitet Publ., 2010. 846 p. (in Russian).
6. Veniamin (Pushkar), mitropolit. *Svyashchennaya Bibleyskaya istoriya* [The Holy Biblical History]. Moscow, Informatcionnoe agentstvo Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi Publ., 2015. 736 p. (in Russian).
7. J. Gresham Machen. *New Testament Greek for beginners*. Toronto, Ontario, 1951. 239 p. (Russ. ed.: Dzh. Greshem Meychen. *Uchebnik grecheskogo yazyka Novogo Zaveta*. Moscow, Rossiyskoe Bibleyskoe obshchestvo Publ., 2018. 239 p.).

УДК 172.16

Проблемы биоэтики в современной науке: философский аспект

И. И. Лузина

Лузина Ирина Ивановна, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой этики и эстетики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, doctor.luzina@yandex.ru

Для эффективного решения актуальных проблем развития жизни на Земле, сущностных вопросов бытия человека и общества необходимы ресурсы биоэтики. В данной статье человеческий мир и все живые организмы биосферы рассматриваются как всеединые динамические и органические целостности. Принципы биоэтики играют ключевую роль в осуществлении взаимодействия человека, природы, общества в масштабе единого глобального измерения. Они позволяют человеку осмыслить бесконечность и вечность развития жизни и беспредельность человеческого существования, а также с нравственных позиций оценить свою жизнедеятельность, место и роль в природном универсуме. Проблемным в понимании сущности жизни и ценностного человеческого существования можно считать попираемые индустриальным обществом элементарных этических норм сохранения жизни. В результате бурного прагматического развития техносферы жизни принципы биоэтики приобретают основополагающий статус нравственной культуры человека. В статье достижение безопасного состояния человеческого бытия в качестве блага здоровой жизни отнесены к определяющему основанию биопсихосоциального благополучия человека и мира жизни в целом на Земле. Поэтому биоэтические принципы – благоговение перед жизнью и жизнелюбие – описаны посредством биосоциальных категорий, которые служат ориентиром при обосновании различных стратегий устойчивого развития системы «природа–человек–общество». Рассмотрение проблем биоэтики в современной науке актуально в методологическом, теоретическом и практическом отношениях. Тема статьи открывает новый взгляд на разработку теорий и фундаментально-прикладных обобщений в области философии.

Ключевые слова: философия, биоэтика, биоцентризм, экоцентризм, биоэтический императив, жизнелюбие, биотехнологии, система «природа–человек–общество».

Поступила в редакцию: 15.04.2020 / Принята: 20.05.2020 / Опубликовано: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-274-278>

Современное состояние науки характеризуется активным философским поиском и интеграцией новых взглядов на фундаментальные основы и законы человеческого бытия, которые нацелены на сохранение и развитие жизненных феноменов целостной системы «природа–человек–общество». Философия, миссия которой

заключается в поиске ответов на вечное вопрошание, касающееся смыслов бытия человека, безусловно, должна стать наукой выживания человечества и сохранения жизни как уникального явления. Это становится особенно актуальным и необходимым в контексте развития пандемии в первой половине 2020 г. В этой связи значительно усиливается роль многочисленных направлений биоэтики, концепций и теорий философии. В современной науке понятие «жизнь» формируется как соединение иррациональной интерпретации жизненных феноменов и рациональной картины мира живых существ.

Эволюционный процесс характеризуется необратимым развитием живой материи и сопровождался изменением генома живых организмов, а также формированием у них свойств и признаков, которые необходимы для адаптации к окружающей среде и ее условиям, а также постепенной трансформацией всей биосферы. Течение жизни, которое носило экспансионный характер, а также постоянное увеличение плотности массы живой материи, требовали новых жизненных пространств и ресурсных ниш. Существующие жизненные формы и та окружающая среда, в которой они находились, не просто менялись, а трансформировались, их состояние стало характеризоваться гораздо большим разнообразием, по сравнению с предыдущими стадиями развития.

Естественный отбор благоприятствовал, прежде всего, таким формам жизни, которые, благодаря особенностям их морфологии, физиологии и поведения, имели сравнительно большой запас прочности [1, с. 21]. Это, в первую очередь, обеспечивали инстинкты — биологически обусловленные и генетически наследуемые побуждения живого существа к определенному поведению или образу действий. Среди множества инстинктов (паттернов поведения) — питания, сна, половой активности, инстинкта борьбы (агрессии) — выделим моральный инстинкт (Ч. Дарвин, П. А. Кропоткин, Г. Спенсер, Дж. Хаксли, Н. Тинберген, К. Лоренц, М. Рьюз, Э. Уилсон, В. П. Эфроимсон). По мнению К. Г. Юнга, мораль — это «инстинктивное регулирующее начало действия, начало, которое позволяет упорядочить совместную жизнь животного стада» [2, с. 56]. Регуляция поведения биологического вида *Homo Sapiens* во

многим наследственно обусловлена, и «подлинно инстинктивных стимулов у него не меньше, а больше, чем у любого животного» [3, с. 8].

Ч. Дарвин в труде «Происхождение человека и половой отбор» дал естественнонаучное объяснение сочувствию, заботе, альтруизму, совместной помощи и предупреждению об опасности. «Это благороднейший из всех атрибутов человека, побуждающий его, не колеблясь ни минуты, рисковать жизнью ради спасения ближнего» [4, с. 86].

Современные научные открытия генетики и поведенческой биологии расширили учение Ч. Дарвина. Сформулированы и доказаны научные положения эволюционной теории поведения, объясняющие, что гены определяют как внешние признаки организма человека, так и некоторые типы поведения, которые вписаны в целостный генотип человека [5]. В процессе эволюции как у человека, так и у животных, был выработан и генетически закреплён альтруизм как форма активного поведения. Биологическое значение альтруизма состоит в том, что он направлен на повышение шансов выживания представителей вида.

По мнению ученых, именно альтруизм является основой «комплекса идей гуманизма», морали (этики) в социальном обществе человека [6]. Человек «рождается слабым и беспомощным и поэтому должен быть связанным с существом, питающим и защищающим его» [7, с. 265]. Поэтому как для животных, так и для человека, характерен родительский и родственный альтруизм. В реакции сочувствия, сострадания, стремлении помочь, самопожертвовать проявляется взаимный и бескорыстный альтруизм. «Если для сохранения вида полезно самопожертвование отдельного существа, то может выработаться и будет передаваться по наследству соответствующий инстинкт, заставляющий живое существо жертвовать собою за других» [8, с. 13].

Давая определения альтруизму, отметим, что он есть способ реализации жизни, который подавляет противоположное ему состояние – эгоизм, а также человеческую злобу, ненависть. Альтруизм является и материальным и идеальным феноменом одновременно. Отметим, что данные биполярные свойства находят органичное сочетание в альтруизме. Их диалектическое единство выражается в виде первоисточника и закономерного способа достижения бессмертия человеческого рода. Отметим также, что альтруизм человека проявляется как наиболее мощная материально-идеальная этика жизни, самая таинственная из всех человеческих моральных качеств. В. П. Эфроимсона считает, что «чувство долга, доминирующее в поведении неизворотли-

вого большинства, порождено не кантовскими “звездами на небе” и “божественным законом в сердце”, а отработанным за десятки тысяч поколений эволюции комплексом психических и поведенческих реакций, столь же необходимых человечеству, как речь, как умение пользоваться орудиями» [9, с. 54].

В процессе жизни у человека формируются его ценностные установки. Определяющей существование человека в мире характеристикой выступает ценностная ориентация его сознания. Можно согласиться с гегелевским тезисом, касающимся ценностного в человеческом бытия. Отметим, что вместе с этим укорененная в сознании жизненная ценность будет обладать потенциалом, способным к побуждению, ориентации и трансформации человека, формирующего и реализующего траектории своего жизненного пути.

Человек наделен способностью рефлексировать и замкнуть на себе и через себя земной мир как природно-социальную целостность с биосферной конструкцией жизни человечества и одухотворенной программой развития человека. «Я есть жизнь, желающая жить среди жизни, которая хочет жить» [10] – так определил биофилософский и биоэтический смысл человеческого существования А. Швейцер. Такое благоговение перед жизнью эгоцентрично, поскольку стирает онтологические границы между природой человека и всеми живыми организмами биосферы. «Биоэтический императив – интегративный, поскольку он понимает мир биологии и мир человека как единый большой организм и требует для обоих уважения перед жизнью и ее проявлениям» [11, S. 4].

Биоэтический императив «благоговение перед жизнью» (А. Швейцер) – особый принцип, объединяющий все уровни организации жизни в системе «природа–человек–общество». Биоэтический императив несет в себе смысл биоцентризма – признания морального статуса всех живых существ: «Уважай каждое живое существо исходя из того, что оно является целью само по себе, и по возможности относись к нему соответствующим образом!» [12, S. 6–7].

Благоговение перед жизнью в биоэтическом измерении продуцируется человеческим жизнелюбием, а также бессмертной истиной бытия и мудростью. Человеческое жизнелюбие порождает вселенское чувство причастности ко всему земному миру. Нам недостаточно обыденно существовать – необходима жизнелюбивая целеустремленность, которая выступает в виде особой формы движения живой и разумной материи.

Жизнелюбие – это субъективный, индивидуальный психологический акт, который вызывает в

организме глубокие изменения на ментальном и телесном уровнях. Эти изменения представляют собой не простую типичную рефлекторную реакцию, проявляющуюся благодаря унаследованному инстинкту. Они выражают внутреннюю зависимость и соединение между собой множества моральных установок, жизненных переживаний, событий. Изменения в целом имеют очеловеченную биосоциальную форму и направлены на сохранение жизни человечества и проявление этического отношения всех людей к остальному живому населению планеты.

Таким образом, жизнелюбивый человек выступает настоящим пассионарием жизни, так как в любви к ней проявляется самая высшая жизнесохранная целеустремленность. Цивилизационное взаимодействие человека с человеком, с природой в рамках единой глобальной системы жизни обеспечивает безопасность и устойчивое развитие биосферы.

Однако «высшее существо этого мира, обладающее нравственной свободой и разумом, человек, мы видим, во многих отношениях слабее низшей твари. И первое ощущение трагичности жизни является в этом познании слабости человека... в том, что он и высшее творение в этом мире, и одновременно – наиболее хрупкое» [13, с. 471].

Слабость человека и хрупкость его жизни проявляются в полной мере тогда, когда в жизни человека могут возникать состояния, поведение или деятельность, обесценивающие жизнь. Искусственная остановка жизни еще неродившегося человека (аборт) и умерщвление ради того, кто умирает (эвтаназия). Проявление высшей формы агрессии против себя – суицид или агрессия против другого человека – убийство. Во всех вышеперечисленных явлениях жизнь перестает быть благом для человека, она теряет человечески разумную форму.

Но не только действия человека против человека, но и деятельность человека, разрушающая среду жизни, являются проблемными. Жизненный мир в результате научно-технического прогресса становится более преобразованным, он начинается с генетического микроуровня и простирается до биосферного макроуровня. В связи с развитием молекулярной биологии и геной инженерии возник большой спектр биоэтических проблем по конструированию человека. Это проблемы начала жизни (геной инженерия, вопрос о статусе эмбриона, ЭКО, суррогатное материнство и др.), проблемы конца жизни (критерии смерти, эвтаназии), проблема вмешательства в жизнь человека (клонирование, генетическое тестирование и т.д.), проблемы конфликта частных и общественных интересов (вакцинация, изоляция при карантине и др).

При решении проблем по конструированию человека культивируются проблемные и подчас бездуховные методы биоинженерного вторжения в область наследственности и продолжения рода человека. Однако основными целями многих биотехнологий являются «очищение» популяции человека, манипуляция с наследственным материалом, отбор полезных генов производителей в популяции людей.

Многие биотехнологии по конструированию жизни, казалось бы, проникнуты духом жизнелюбия, однако возникает ряд вопросов. По каким критериям идет определение «наилучшее» качество генетического материала с позиции высокой ценности человеческой жизни? Каковы критерии оценки ценности генома для конкретного человека и для человечества в целом? Ответы на эти вопросы особенно важны, так как отобранный наследственный материал живого организма призван стать «точкой начала» жизни в биосферном масштабе.

Соотношение естественного начала жизни, с одной стороны, а с другой – биотехнологическую манипуляцию с наследственным материалом помещает человека в ситуацию выбора между злом и добром, и это представляет собой этическую проблему, для решения которой необходим ресурс философского знания.

Возникает вопрос и об этическом смысле техногенных преобразований живого вещества на биосферном макроуровне. В результате антропогенных воздействий согласно данным Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации в 2018 г. на ее территории образовалось 7 266 млн т отходов производства и потребления, что на 16,8% выше уровня 2017 г. Количество хранящихся отходов в 2018 г. составило 2 546,2 млн т, что на 7% выше уровня 2017 г. За период 2010–2018 гг. данный показатель увеличился с 1 634,5 млн т до 2 546,2 млн т, или на 55,8% [14, с. 840].

Многие отходы содержат токсические вещества, которые изменяют биологическое равновесие жизненной среды, наносят вред живым организмам, являются канцерогенами, снижают иммунитет человека, создают условия для мутаций микроорганизмов. В результате возникают болезни растений (например, некрозы, мозаичность, цитоспороз и др.), эпидемии среди животных (например, вспышка африканской чумы свиней, 2020 г., Саратовская область), пандемии среди людей (например, коронавирус COVID-19).

Антропогенные факторы деятельности человека выходят за пределы диапазона нормы жизни, нарушая границы фило- и онтогенетической ее устойчивости. Это приводит к возникновению

цепных реакций закономерного характера, являющихся источником рискогенности в условиях среды пространственно-временной организации жизни. Данный феномен вполне можно определить как диссонанс жизни. Биологически обусловленное и закономерное течение жизни при этом трансформируется, а также меняются реакции живых организмов, носящие защитный и приспособительный характер. В такой среде увеличиваются риски для реакций, сформировавшихся эволюционным образом в течение длительного исторического периода.

На фоне интенсивного роста экологических проблем разрушается вера человека в то, что технический прогресс способен обеспечить достижение жизненных благ. Постепенно идет осмысление ценности жизни, необходимости этического отношения к природе. Осознается, насколько велик риск наступления реальной экологической катастрофы, несущей с собой разрушительный потенциал для всего живого на Земле. Мы должны по-новому посмотреть на себя, оценить и переосмыслить свое положение и роль в системе природного универсума. Это неизбежно предполагает необходимость использования законов естественной природы по достижению гармонии жизни. Применение принципов биоэтики позволит преодолеть существующие множества несовершенства человека, на которые указывал И. И. Мечников [15] и которые столь актуальны и сейчас.

Таким образом, для обеспечения будущности жизни как уникального планетарного явления человеку предстоит взять на себя ответственность за развитие биосферы в будущем. Стратегия, которую сформирует и будет претворять в жизнь планетарное сообщество людей, должна, во-первых, основываться на биоэтических принципах жизнедеятельности, а во-вторых, быть способна воплотить коэволюционный принцип человека и природы в условиях биосферы. Экологические проблемы, возникающие на разных уровнях организации жизни, актуализируют выдвижения философии на принципиально новый уровень, более высокий. Это позиции этической рефлексии и трактовки набирающей обороты дилеммы технократизма и гуманизма. Обращение к гуманной, этической науке – биоэтике способствует разработке методологии научного анализа проблем генетики, медицины, биотехнологий, селекции и других наук.

В рассмотренном аспекте благоговение перед жизнью и жизнелюбие выступают как биоэтические принципы человеческого бытия, предполагающие познание человеком глубинных смыслов окружающей жизненной среды как освоенного мира. Ближайшую перспективу обоснования биотических фундаментальных оснований человеческой жизни невозможно представить без использования принципов экологической и этической культур как на индивидуальном уровне, так и в масштабе всего человечества.

Список литературы

1. Колисник И. И. Биогеофилософское осмысление жизни / под ред. В. Б. Самсонова. Саратов : НПЦ ЭМОС, 2006. 187 с.
2. Юнг К. Г. Психология бессознательного. М. : Канон, 1994. 320 с.
3. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М. : РИМИС, 2009. 349 с.
4. Дарвин Ч. Р. Происхождение человека и половой отбор // Полное собр. соч. : в 2 т. Т. 2, кн. 1. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1927. С. 43–61.
5. Харбах Х. Биологическая эволюция и альтруистическое поведение // Социологический журнал. 1997. № 1–2. С. 38–47.
6. Эфроимсон В. П. Родословная альтруизма // Новый мир. 1961. № 10. С. 193–214.
7. Мечников И. И. Этюды оптимизма. М. : Наука, 1988. 328 с.
8. Яроцкий А. И. Альтруистическая мораль и ее индивидуалистическое обоснование. Юрьев : Типография К. Маттисена, 1914. 58 с.
9. Эфроимсон В. П. Генетика этики и эстетики. СПб. : Талисман, 1995. 288 с.
10. Гусейнов А. А. Благоговение перед жизнью : Евангелие от Швейцера // Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М. : Прогресс, 1992. С. 522–545.
11. Jahr F. Bio Ethik. Eine Umschau über die ethischen Beziehungen des Menschen zu Tier und Pflanze // Kosmos. Handweiser für Naturfreunde. 1927. Vol. 24, № 1. S. 2–4.
12. Sass H. M. Geburt der Bioethik in Halle an der Saale im Jahre 1926 // Briefe – Zur Orientierung im Konflikt Mensch – Erde. 2013. № 106, 1. S. 6–10.
13. Архиепископ Иоанн Сан-Францисский. Избранное. Петрозаводск : Святой остров, 1992. 575 с.
14. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2018 году». М. : Минприроды России; НПП «Кадастр», 2019. 888 с.
15. Мечников И. И. Этюды о природе человека. М. : АН СССР, 1961. 290 с.

Образец для цитирования:

Лузина И. И. Проблемы биоэтики в современной науке: философский аспект // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 274–278. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-274-278>

The Problems of Bioethics in Modern Science: Philosophical Aspect

I. I. Luzina

Irina I. Luzina, <https://orcid.org/0000-0003-4670-3150>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, doctor.luzin@yandex.ru

The constructive solution of the diverse essential problems of human life in the space-time continuum of life involves an explanation of the specifics of the development of life on Earth from the perspective of bioethics. In the article, the human world and all living organisms of the biosphere are considered as unified dynamic and organic integrity. The principles of bioethics acquire an important role for the civilizational interaction of nature, a man and society within the framework of a single global system of life. They allow a person to comprehend the infinity and eternity of the development of life and the infinity of human existence. And also, from a moral point of view, they allow us to evaluate our life activity, our place and role in the natural universe. The problem of understanding the essence of life and valuable human existence can be considered as a violation of the elementary ethical standards of life preservation by an industrial society. As a result of the rapid praxiological development of the technosphere of life, the principles of bioethics acquire the fundamental status of a person's moral culture. In the article, the achievement of a safe state of human life as a benefit of a healthy life is related to the determining basis of the biopsychosocial well-being of a person and the world of life in general on Earth. Therefore, bioethical principles – the reverence for life and vitality – are described through biosocial categories of life, which are a guideline for substantiating various strategies for the sustainable development of the nature-man-society system. Consideration of the problems of bioethics in modern science is relevant in methodological, theoretical and practical respects. The topic of the article opens a new perspective on the development of theories and fundamentally applied generalizations in the field of philosophy.

Keywords: philosophy, bioethics, biocentrism, ecocentrism, bioethical imperative, love of life, biotechnology, the nature-man-society system.

Received: 15.04.2020/Accepted: 20.05.2020/Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Kolisnik I. I. *Biogeofilosofskoe osmyslenie zhizni* [Biophilosophical Understanding of Life]. Ed. by V. B. Samsonov. Saratov, NPC JeMOS Publ., 2006. 187 p. (in Russian).
2. Jung C.G. *Symbols of Transformation*, Princeton University Press, 1967. 245 p. (Russ. ed.: Jung K.G. *Psikhologiya bessoznatel'nogo*. Moscow, Kanon Publ., 1994. 320 p.).
3. Lorenz K. *Das sogenannte Böse. Zur Naturgeschichte der Aggression*. Wien, G. Borotha-Schoeler, 1963. 317 S. (Russ. ed.: Lorenc K. *Agressiya (tak nazyvaemoe «zlo»)*. Moscow, RIMIS Publ., 2009. 349 p.).
4. Darwin Ch. R. *Proiskhozhdenie cheloveka i polovoy otbor. Polnoe sobranie sochineniy* [The Descent of Man, and Selection in Relation to Sex. Complete works: in 2 vols. Vol. II, book 1]. Moscow, Leningrad, Gos. Izdatelstvo, 1927, pp. 43–61 (in Russian).
5. Kharbakh Kh. Biological evolution and altruistic behavior. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 1997, no. 1–2, pp. 38–47 (in Russian).
6. Efroimson V. P. Pedigree of altruism. *Novyy mir* [New World], 1961, no. 10. pp. 193–214 (in Russian).
7. Mechnikov I. I. *Etyudy optimizma* [Etudes of Optimism]. Moscow, Nauka Publ, 1988. 328 p. (in Russian).
8. Yarotskiy A. I. *Al'truisticheskaya moral' i ee individualisticheskoe obosnovanie* [Altruistic morality and its individualistic rationale]. Yur'ev, Tipografiya K. Mat-tisena, 1914. 58 p. (in Russian).
9. Efroimson V. P. *Genetika etiki i estetiki* [Genetics of Ethics and Aesthetics] St. Petersburg, Talisman Publ., 1995. 288 p. (in Russian).
10. Guseynov A. A. Reverence for Life: The Gospel of Schweizer. In: *Shveytser A. Blagogovenie pered zhizn'yu* [Reverence for life]. Moscow, Progress Publ., 1992, pp. 522–545 (in Russian).
11. Jahr F. Bio Ethik. Eine Umschau über die ethischen Beziehungen des Menschen zu Tier und Pflanze. *Kosmos. Handweiser für Naturfreunde*, 1927, Bd. 24, no. 1, S. 2–4.
12. Sass H. M. Geburt der Bioethik in Halle an der Saale im Jahre 1926. *Briefe – Zur Orientierung im Konflikt Mensch – Erde*, 2013, no. 106, 1, S. 6–10.
13. Arkhiepiskop Ioann San-Frantsiskiy. *Izbrannoe* [Selected works]. Petrozavodsk, Svyatoy ostrov Publ., 1992. 575 p. (in Russian).
14. *Gosudarstvennyĭ doklad “O sostoyanii i ob okhrane okruzhayushcheĭ sredy Rossiĭskoi Federatsii v 2018 godu”* [On the State and Environmental Protection of the Russian Federation in 2018]. Moscow, Minprirody Rossii, NPP “Kadastr” Publ., 2019. 888 p. (in Russian).
15. Mechnikov I. I. *Etyudy o prirode cheloveka* [Etudes on the Nature of a Man]. Moscow, AN SSSR Publ., 1961. 290 p. (in Russian).

Cite this article as:

Luzina I. I. The Problems of Bioethics in Modern Science: Philosophical Aspect. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 274–278 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-274-278>

УДК 140.8

Рациональная деятельность современной личности и смысл ее «разумности»

А. Е. Маховиков

Маховиков Александр Евгеньевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Самарский государственный экономический университет, shentala_sseu@inbox.ru

Статья посвящена анализу понимания современной личностью смысла «разумности» своей рациональной деятельности. По мнению автора, достижение поставленной цели невозможно без решения задачи по изучению эпистемологического основания доминирующей в системе цивилизационных ценностей постнеклассической рациональности, так как в основании смысла «разумности» всегда находится определенный тип рациональности. Особое внимание обращается на такие инструменты познавательной деятельности личности, как информация и знание. В качестве методологического основания были использованы диалектический, исторический, компаративный и аксиологический методы научного анализа. В результате проведенного исследования были получены следующие выводы. Смысл «разумности» в рациональной деятельности современной личности в рамках новой системы рациональных ценностей превращается в некую прагматическую матрицу и главными критериями ее использования становятся перформативность знания и пертинентность информации. Это ведет к преодолению в рациональной деятельности современной личности различий между реальным и виртуальным, между истинным и неистинным. Понятие «разумность» теперь вмещает в себя такие смыслы, как гетерогенность, эклектизм, совмещение несовместимого, плюрализм и право на равнозначное сосуществование противоположных парадигм, т. е. возможность преодоления бинарного мышления, где стираются границы всякой онтологической определенности.

Ключевые слова: личность, рациональность, истина, прагматизм, «разумность», когнитивно-конструктивная реальность, пертинентность, перформативность, информация, знание.

Поступила в редакцию: 13.04.2020 / Принята: 20.05.2020 / Опубликовано: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-279-283>

Специфика современной техногенной цивилизации заключается прежде всего в том, что вся ее система универсалий культуры центрируется вокруг рациональности как ценности. Проблема же самой рациональности всегда «состоит в выяснении смысла “разумности” как предикации (бытия, действия, отношения, цели и т.д.)» [1, с. 807] и связана с пониманием процесса познания и с соотношением смысла выбранной познавательной цели с принятой в рамках данной

цивилизации системой ценностей, т. е. с целеполагающей, целесообразной, рациональной, «разумной» деятельностью личности. В этой связи понимание смысла «разумности» рациональной деятельности современной личности вызывает особый интерес, так как результаты этой деятельности характеризуются своей исключительной парадоксальностью. Так, с одной стороны, эта деятельность отражает вполне понятные успехи и достижения в области науки и техники, а с другой – является основанием того глубокого и системного цивилизационного кризиса, который уже сегодня поставил под сомнение будущее всего человечества. Поэтому актуальным становится и вопрос: «в каком смысле (смыслах) мы вообще можем сегодня говорить о рациональности?» [2, с. 12].

Известно, что феномен рациональности и исторически, и культурно обусловлен, поэтому понимание смысла его «разумности» всегда связано с типологизацией научной познавательной деятельности, так как «мы по праву можем определить рационально ориентированную научную деятельность как наиболее оптимальную форму рациональности вообще, в которой данный феномен воплощен в наиболее исчерпывающем и законченном виде» [2, с. 39]. Сегодня в процессе такой типологизации общепринято выделять три основных типа рациональности: классический, неклассический и постнеклассический, каждый из которых имеет разные эпистемологические основания и обуславливает формирование различных смыслов рациональной деятельности личности. Так, классический тип рациональности основан на истинном и объективном знании, которое всегда адекватно отражает объекты реально существующего мира, а в рамках неклассического типа уже «укореняется норма, допускающая альтернативные теоретические описания одной и той же реальности, в каждой из которых может содержаться момент объективно-истинного знания» [3, с. 21]. В рамках же постнеклассической рациональности, появление которой связано с развитием информационного общества, происходит полное разрушение прежнего классического идеала ценностно-нейтрального исследования и объективно-истинного знания, так как понимание смысла «разумности»

здесь «не только не допускает, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений» [3, с. 24]. Это ведет к тому, что вся система рациональных ценностей больше определяется не внутринаучными, а заданными извне социальными целеполаганиями и основанием смысла «разумности» является не научное знание или истина, а информация, которая в ней приобретает значение общенаучной категории (это особенно заметно в когнитивных науках) и в совокупности с общенаучным информационным познавательным методом превращается уже в инструмент познавательной деятельности. Кстати, этому в полной мере соответствуют и возможности информационного общества, условием воспроизводства которого и служит стремительное увеличение именно информации, а не истинного знания. Конечно, не вся имеющаяся в распоряжении личности информация принимается ею в качестве основания своей рациональной деятельности, но наличие ее теперь становится для нее необходимым условием функционирования такой важнейшей ценности, как свобода рационального выбора. В этих условиях и познавательный процесс воспринимается личностью иначе, т. е. принципиально гипотетично, не более как система гипотез, доступных ей на данном этапе ее деятельности. В рамках этой постнеклассической рациональности для личности становится уже совершенно не важно, что информация по природе своего содержания не является результатом сложного познавательного процесса, а определяется всего лишь как «некое идеальное сообщение, уменьшающее или полностью исключающее неопределенность в выборе одной из нескольких возможных альтернатив» [4, с. 311].

Никакого требования при этом для информации быть обязательно истинной и не предьявляется, так как она всегда «оценивается не на истинность, как информация, претендующая на статус знания, а лишь на полноту, точность, и прочие параметры “достаточности” для выбора реакции из уже имеющихся или задаваемых возможностей» [5, с. 110]. Поэтому она по своей природе – феномен амбивалентный, соединяющий в себе такие несоединимые аспекты, как синтаксический, семантический и прагматический, и следовательно, способный репродуцировать в процессе своего существования одновременно как знание, так и незнание. В этих условиях актуальной для личности становится любая информация: истинная, и ложная, и неполная или даже дезинформация, ценность которой теперь ограничивается лишь универсальной формой ее адаптивной деятельности. Поэтому познание

здесь – уже не адекватное отражение бытия как в классической рациональности, а лишь процесс извлечения смыслов из некоторых воспринимаемых стимулов окружающей среды. Результатом этого становится формирование у личности субъективного представления о реальности, в которой у нее хотя и остается возможность фиксировать некоторые значимые признаки и отношения, но уже не допускается полной с ней идентификации. Возникает нечто напоминающее реконструкцию окружающего мира на основе получаемой информации, но само понимание мира ограничивается лишь способностью выживания личности. Личность в системе ценностей постнеклассической рациональности вполне уверена, что «можно дойти до абсурда, отказавшись под предлогом неистинности от ранее успешно применявшихся стратегий естественных наук, технического развития и использования техники, не получив при этом ничего взамен» [6, с. 117].

Кроме того, в постнеклассической системе рациональных ценностей происходит существенная трансформация эпистемологического статуса самого знания и это связано с тем, что знание здесь настолько прагматизируется, что теряет свои прежние обязательные для классической рациональности характеристики объективности и истинности. Такое положение приводит к тому, что для личности в рамках нового понимания смысла «разумности» просто стирается граница между знанием и незнанием, так как здесь не только не отрицается полезность незнания, а, наоборот, оно нередко вполне на равных активно используется со знанием. Например, сосуществование знания и незнания происходит во фрейме. Возникает ситуация, когда в рамках новой системы рациональных ценностей личность для достижения поставленных перед собой и при этом «разумно», как ей это индивидуально-субъективно представляется, обоснованных целей в процессе своей жизнедеятельности использует как знание, так и незнание, или любую имеющуюся информацию. Сегодня мы являемся свидетелями того, что для личности в процессе ее рациональной деятельности знание и информация вообще становятся соотносимыми понятиями и даже взаимозаменяемыми и взаимодополняемыми. Так, можно видеть, например, определение знания как «осознанной информации», а определение информации как более «совершенного» знания, или, например, в их определении фиксируется возможность перехода одного в другое, так как «оцифрованное и переданное с помощью средств информационно-коммуникативных технологий, знание обращается в информацию...» [7, с. 112].

Все это ведет к тому, что в основании таким образом понимаемой «разумности» более важное значение для личности приобретают такие смыслы, которые являются «не продуктом собственной познавательной активности или присвоением выработанных другой личностью знаний, а результатом получения информации, принимаемой без рефлексии, созданной абстрактным (надындивидуальным) субъектом или машиной» [8, с. 72]. Кроме того, спецификой этого смысла «разумности» становится и то, что познавательный процесс наполняется для личности больше эмоциональным, чем интеллектуальным смыслом, а окружающий ее природный и социальный мир воспринимается ею не как объект познания, а как объект удовольствия и переживания новых ощущений. Личность к тому же в условиях этой системы рациональных ценностей присваивает себе полное право на любую интерпретацию объективной реальности, а также еще и на свободу рационального выбора в принятии наиболее полезного, как она сама же считает, для себя решения. Смысл «разумности» теперь сводится лишь к выбору некоторого события в горизонте имеющихся или возможных для нее, что вполне укладывается в современную стандартную модель Номо есопотісис, которая, как известно, по своему существу является когнитивной.

В соответствии с этой моделью «разумность» воспринимается личностью как нечто тождественное принципу экологической адекватности, поэтому и свою деятельность она оценивает не как правильную или неправильную, а как полезную или вредную для ее социально-биологического организма. Важно заметить, что личность продолжает рассматривать себя как существо разумное, мыслящее, но смысл этой «разумности» теперь ограничен для нее системой «контуров обратной связи» с внешней средой, обеспечивающей ей выживание и адекватное поведение в конкретных условиях и в конкретном месте при постоянном изменении параметров этой среды. Однако это ведет к тому, что, создавая когнитивную реальность и себя во взаимодействии с ней, личность не разграничивает собственный чувственный опыт и объективную действительность, а требования к своей рациональной деятельности ограничивает, как мы уже знаем, лишь формой адаптивной деятельности. Здесь смысл «разумности» для личности решает «задачу упорядочения внутреннего мира..., а не объяснения объективной онтологии бытия. При таком понимании действительно неуместно ставить вопрос об его истинности, поскольку критериями служат уже не доказательство, проверка, обоснование, а доверие, пригодность, приемлемость и т.п.» [9, с. 35].

На основании сложившейся специфики постнеклассической рациональности можно вполне сделать вывод о том, что «разумность» для современной личности превращается в некую прагматическую матрицу и главными критериями в ее использовании становятся перформативность знания и пертинентность информации. Кстати, именно такое понимание «разумности» вписывается в контекст переживаемой сегодня глобальной цивилизацией ситуации постмодерна, в соответствии с которой личность присваивает себе право на любую интерпретацию информации или даже знания, а также на возможность всегда иметь собственную истину и поэтому позиционировать собственное Я выше любых научных теорий. В этих условиях понимание смысла «разумности» неизбежно ведет личность к тому, что для нее стирается различие между реальным и виртуальным, между истинным и неистинным. Понятие «разумность» теперь вмещает в себя такие смыслы, как гетерогенность, эклектизм, совмещение несовместимого, плюрализм и право на равнозначное сосуществование для каждой личности различных парадигм, возможность преодоления бинарного мышления, где стираются границы всякой онтологической определенности. Понимание современной рациональной деятельности личности как разумной неизбежно ведет к тому, что прагматизм, сиюминутная выгода, частный и утилитарный интерес становятся для нее важнее и окружающего ее природного мира, и социума, и интересов другой личности. Нельзя не признать, что именно этот смысл «разумности» приобретает у личности сегодня все более доминирующее значение, так как трудно не согласиться с мнением, согласно которому «у нас спешным порядком и различными «инновациями» создается информационное общество и формируется «когнитивно-инструментальная рациональность»» [10, с. 40].

Вместе с тем известно, что возникновение новых типов рациональных ценностей не ведет к обязательной отмене старых и это их сосуществование в рамках культуры глобальной техногенной цивилизации находит свое отражение в актуальной проблеме соотношения логико-методологических и когнитивно-структурных (информационных) познавательных форм. В этой проблеме мы не только фиксируем возможность дальнейшего развития научного знания, но и выражаем часто обоснованные современной практикой цивилизационного развития большие сомнения в способности личности всегда найти для себя меру в соотношении истины и пользы.

В заключение отметим, сегодня мы становимся свидетелями того факта, «что в то время, как наука осваивает постнеклассическую рацио-

нальность и трансдисциплинарность, массовое сознание находится в основном в плену классической картины мира с ее материалистической направленностью, теорией отражения, бинарными «черно-белыми» оппозициями, неприятием динамики развития, абсолютизацией истины и элиминированием субъекта» [11, с. 148]. Именно эта специфика сохранения и развития рациональности как цивилизационной ценности в нашей духовной традиции оставляет надежду на способность современной личности выбрать в качестве основания своей рациональной деятельности такое понимание смысла «разумности», которое наконец-то приведет общество к решению существующих глобальных проблем, а не к дальнейшему их обострению и углублению. В противном случае мы должны будем признать нечто невероятное, а именно, что рациональная, «разумная» деятельность личности способна привести ее к самоуничтожению.

Список литературы

1. Порус В. Н. Рациональность // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М. : Канон+, 2009. С. 807–809.
2. Стоцкая Т. Г., Тимофеев А. В. Современная научная методология : поиск смыслов. Самара : ООО «Офорт», 2017. 199 с.
3. Степин В. С. Научная рациональность в техногенной культуре : типы и историческая эволюция // Вопр. философии. 2012. № 5. С. 18–25.
4. Меркулов И. П. Информация // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М. : Канон+, 2009. С. 311–312.
5. Пружинин Б. И. Информационный подход в междисциплинарной перспективе (материалы «круглого стола») // Вопр. философии. 2010. № 2. С. 84–112.
6. Бехман Г. Общество знания – краткий обзор теоретических поисков // Вопр. философии. 2010. № 2. С. 113–126.
7. Фортунатов А. Н., Чельюк О. Р. Информационно-коммуникативные истоки стагнирующей экономики // Ценности и смыслы. 2016. № 3. С. 112–119.
8. Баева Л. В. Рациональность эпохи медиа : экзистенциально-аксиологический анализ // Ценности и смыслы. 2016. № 3. С. 69–77.
9. Черткова Е. Л. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы «круглого стола») // Вопр. философии. 2008. № 3. С. 3–37.
10. Микешина Л. А. Знание в современной культуре (материалы «круглого стола») // Вопр. философии. 2012. № 9. С. 3–45.
11. Мамченко А. А., Дзятковская Е. Н. Трансдисциплинарность как преодоление границ // Ценности и смыслы. 2016. № 3. С. 112–119.

Образец для цитирования:

Маховиков А. Е. Рациональная деятельность современной личности и смысл ее «разумности» // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 279–283. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-279-283>

The Rational Activity of a Modern Personality and the Meaning of Its “Rationality”

A. E. Makhovikov

Alexander E. Makhovikov, <https://orcid.org/0000-0001-5803-1369>, Samara State University of Economics, 141 Sovetskoi Armii St., Samara 443090, Russia, shentala_sseu@inbox.ru

The article is devoted to the analysis of understanding of the meaning of “rationality” of the rational activity by a modern person. According to the author, the achievement of the goal is impossible without solving the problem of studying the epistemological foundations of post-non-classical rationality which dominates the system of civilizational values, since the basis of the meaning of “rationality” always has a certain type of rationality. At the same time, the author pays special attention to such tools of cognitive activity of a person as information and knowledge. Dialectic, historical, comparative and axiological methods of scientific analysis were used as a methodological basis. As a result of the study, the author reached the following conclusions. The meaning of “rationality” in the rational activity of a modern personality is transformed within the framework of a new system of rational

values into a kind of pragmatic matrix, and the main criteria for its use are the performativity of knowledge and the pertinence of information. This leads to overcoming the differences between the real and the virtual, between the true and the untrue in the rational activity of a modern person. The concept of “rationality” now includes for it such meanings as heterogeneity, eclecticism, combining incompatible, pluralism and the right to the equal coexistence of opposing paradigms, that is, the possibility of overcoming binary thinking, where the boundaries of any ontological certainty are erased.

Keywords: personality, rationality, truth, pragmatism, “rationality”, cognitive-constructive reality, pertinence, performativity, information, knowledge.

Received: 13.04.2020 / Accepted: 20.05.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Porus V. N. Ratsional’nost’ [Rationality]. In: *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki*. Moscow, Kanon+ Publ., 2009, pp. 807–809 (in Russian).

2. Stotskaya T. G., Timofeyev A. V. *Sovremennaya nauchnaya metodologiya: poisk smyslov* [Modern scientific methodology: the search for meanings]. Samara, OOO "Ofort" Publ., 2017. 199 p. (in Russian).
3. Stepin V. S. Scientific Rationality in Technogenic Culture: Types and Historical Evolution. *Voprosy filosofii*, 2012, no. 5, pp. 18–25 (in Russian).
4. Merkulov I. P. Informatsiya [Information]. In: *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki*. Moscow, Kanon+ Publ., 2009, pp. 311–312 (in Russian).
5. Pruzhinin B. I. An informational approach in an interdisciplinary perspective (the materials of panel discussion). *Voprosy filosofii*, 2010, no. 2, pp. 84–112 (in Russian).
6. Bekhman G. Knowledge Society – A brief overview of theoretical searches. *Voprosy filosofii*, 2010, no. 2, pp. 113–126 (in Russian).
7. Fortunatov A. N., Chep'yuk O. R. Information and communication sources of a stagnant economy. *Tsenosti i smysly* [Values and Meanings], 2016, no. 3, pp. 112–119 (in Russian).
8. Bayeva L. V. Rationality of the media era: existential axiological analysis. *Tsenosti i smysly* [Values and Meanings], 2016, no. 3, pp. 69–77 (in Russian).
9. Chertkova E. L. Constructivism in epistemology and human sciences (the materials of panel discussion). *Voprosy filosofii*, 2008, no. 3, pp. 3–37 (in Russian).
10. Mikeskina L. A. Knowledge in modern culture (the materials of panel discussion). *Voprosy filosofii*, 2012, no. 9, pp. 3–45 (in Russian).
11. Mamchenko A. A., Dzyatkovskaya E. N. Transdisciplinarity as overcoming borders. *Tsenosti i smysly* [Values and Meanings], 2016, no. 3, pp. 112–119 (in Russian).

Cite this article as:

Makhovikov A. E. The Rational Activity of a Modern Personality and the Meaning of Its "Rationality". *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 279–283 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-279-283>

УДК 130.2:008

Трансляционные механизмы культурной коммуникации

В. А. Сидоренко

Сидоренко Владимир Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, правоведения, социальных и гуманитарных наук, Луганский государственный медицинский университет имени Святителя Луки, philosophy.lsmu@mail.ru

Настоящая статья посвящена проблеме трансляционного противоречия: с одной стороны, получение знаний в готовом виде из антропосферы обеспечивает культурное единство социальной группы, с другой – позволяет внешним факторам манипулировать ее коллективным сознанием и снижает творческий потенциал. Анализируются механизмы, обеспечивающие информационный взаимообмен субъектов культуры, в качестве которых рассматриваются как отдельные индивиды, так и культурные группы. Выделены интегрирующие и дифференцирующие составляющие трансляции культурного знания; описана зависимость трансляционных процессов от личного опыта информационного донора и реципиента. В качестве механизмов, задействованных в коммуникативных процессах, рассматриваются ментальные и поведенческие конструкции, играющие инструментальную и процессуальную роли. Формулируются выводы о разнонаправленности культурного и цивилизационного векторов информационной трансляции, факторах снижения эклектичности и энтропийности культурного знания, взаимосвязи его интегративной и идеологической составляющих, а также роли субъекта и объекта в акте трансляции.

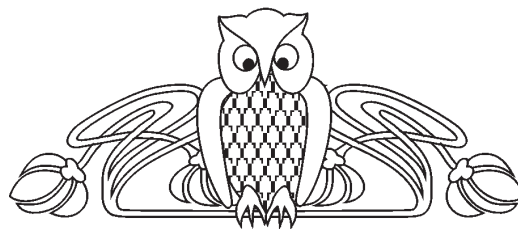
Ключевые слова: культурная идентичность, информационный взаимообмен, субъект и объект трансляции, интегративность, коллективное программирование.

Поступила в редакцию: 17.04.2020 / Принята: 20.05.2020 / Опубликовано: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-284-288>

Информационная трансляция, лежащая в основе процессов культурной коммуникации, обуславливает единый вектор развития социальной общности. Эффективность такой трансляции определяет успешность культурной группы в решении встающих перед ней задач как общеразвивающего, так и прикладного характера. Общность культурных идей служит основой социальной адаптации и в рамках отдельной общности, и в масштабах человечества в целом как крупнейшей из культурных групп. При этом интегративные, адаптационные и коммуникативные механизмы во многом опираются на один и тот же процесс – трансляцию культурного знания.

Положительная направленность культурной деятельности и более неопределенный вектор деятельности цивилизационной анализируются в рамках подхода, характерного для американской философской антропологии (Л. Уайт, Дж. Стюард, М. Харрис, Дж. Ленски и др.). Европейская традиция не является однозначной в определении исключительно позитивной направленности культурной коммуникации, проводя анализ от общности к индивиду, а не от индивида к общности (К. Леви-Стросс, М. Мосс, Ж.-Г. Тард и др.), а также противопоставляя культурные процессы цивилизационным (Ф. Теннис, О. Шпенглер и др.). Антиэнтропийность рассматривается как одно из основных свойств культуры у Ю. М. Лотмана [1, с. 395], однако синергетический подход к данной проблеме подразумевает не столь однозначную положительную динамику, демонстрируя, что антиэнтропийность культуры повышает уровень энтропии в других общественных системах, провоцируя тем самым разного рода (в том числе и культурно-коммуникационные) кризисы.

Начиная с середины 1980-х гг., в работах таких ученых, как Н. Квинн и К. Стросс, подвергается критике слишком общий подход к процессу трансляции культурной информации как присущему каждому индивиду и являющемуся неотъемлемой частью его социальной жизни. Будучи культурно обусловленными явлениями, большинство информационных структур могут быть присущи только представителям определенной группы людей, ограниченной общей этнической, социальной, политической, религиозной или какой-либо другой принадлежностью [2, с. 140]. Культура в этом случае рассматривается как свойство некоторой общности, отличающей представителей данной общности от представителей других социальных групп. При таком подходе основным направлением анализа информационных структур является выделение их носителей и их разделение на интегрирующие, т. е. способствующие объединению группы, и дезинтегрирующие, направленные на присоединение носителей к другим социальным общностям.

Выделение интегрирующих информационных структур может стать мощным идеологическим средством, причем положительно

ориентированным, поскольку идеология должна быть направлена в первую очередь на объединение нации как социокультурной общности. Результатом отношения к коммуникации как дифференцирующему процессу стало понятие «наложение» (overlap) [3, с. 200]. Оно означает выделение групп, объединенных общими коммуникативными схемами. При анализе наложения как совокупности разделяемых информационных элементов появляется возможность построения коммуникативного поля субъекта. Так, например, определенные коммуникативные процессы отдельно взятого индивида подчиняются схемам, обусловленным христианством как культурным феноменом, что обеспечивает его принадлежность к религиозной группе. Также предположим, что этнической самоидентификацией субъекта является русская, что в свою очередь определяет наличие информационных структур, обусловленных национальной принадлежностью. В результате наложения этих двух детерминирующих факторов получаем отдельную группу христиан+русский, не совпадающую ни с религиозной группой, включающей в себя представителей других национальностей, ни с этнической, члены которой могут иметь разные вероисповедания.

Учитывая количественное множество подобных структур, влияющих на формирование и функционирование информационных элементов, частное поле субъекта будет соответствовать формуле «принадлежность к информационному полю 1» + «принадлежность к информационному полю 2» + «... 3» + «... n» вплоть до формулировки индивидуального информационного поля отдельной взятой личности [4, с. 177–179].

В качестве возражения упомянутым ученым (Н. Квинн, К. Стросс) следует отметить их слишком узкое и произвольное понимание культуры как идентифицирующей характеристики конкретной социальной группы, явно предназначенное для упрощения картины исследования. Однако взаимодействующие субъекты могут представлять как разные культуры, так и одну и ту же, из чего можно сделать вывод о том, что, кроме интеграции и дезинтеграции, коммуникативные схемы должны выполнять функцию первичного распознавания, только в этом случае можно построить отношения интеграции или дистанцирования. Функция идентификации «свой – чужой» лежит вне коммуникативной компетенции информационной структуры, скорее, ее можно обозначить как социокультурную. В этом случае обработка идентифицирующей информации подчиняется законам обработки любых других данных (принципу когнитивной эконо-

мичности, рейтингу прототипичности и др.), что автоматически расширяет понятие культуры за рамки характеристики этносоциальной группы.

Интегативность как свойство информационной структуры должна трактоваться не только как способность к универсализации коммуникативных принципов разных людей, которую можно определить как макроинтегативность, но и как тенденция информационной системы к монолитности, согласованности между различными структурами и их элементами, что можно сформулировать как микроинтегативность. Любой из элементов информационной структуры получает смысл лишь в связи с культурой в целом, несмотря на всю противоречивость культуры как целостного феномена.

Благодаря культурной обусловленности коммуникативная схема предстает не индивидуальным средством решения определенных задач человека, а механизмом применения для этого решения опыта, накопленного человечеством. В пользу данного предположения свидетельствует тот факт, что коммуникативные механизмы усваиваются в процессе обучения, а не являются генетически обусловленными или полученными в качестве врожденных идей. Обучение происходит на основе паттернов, усваиваемых каждым последующим поколением, ведь каждому поколению приходится осваивать культурный опыт заново, а следовательно, данные паттерны являются многократно проверенными и сбалансированными в процессе человеческой эволюции. Формируя коммуникативные схемы на основе этих паттернов, индивид включается в эволюционный процесс, адаптируясь таким образом к общечеловеческому направлению культурного развития.

Существует ряд свойств, характеризующих информационные структуры и позволяющих рассматривать их как отдельные ментальные образования. Основным из таких свойств является культурная обусловленность информационной структуры, ее формирование под влиянием обобщений и систематизации, заимствованных из внешнего мира, и следовательно, возможность существования подобной структуры у других представителей данной общности, причем под общностью может подразумеваться как отдельная культурная группа, так и человечество в целом.

Одной из основных функций коммуникации является трансляция культурного опыта, носящая двусторонний характер. С одной стороны, реципиент получает культурный опыт в структурированном и упорядоченном виде, что значительно повышает эффективность его усвоения и при-

менения. Трансляционный механизм используется человечеством с давних времен, начиная с мифологической эпохи, когда собственно миф был квинтэссенцией определенного фрагмента культурного опыта. Через мифы человек получал онтологические, аксиологические, этические, эстетические, методологические и другие базовые мировоззренческие установки из общечеловеческой культуросферы, аккумулирующей наиболее значимые достижения человеческой деятельности. С другой стороны, субъект – не пассивный реципиент культурной информации. Он создает и обратную связь с культуросферой, поставляя туда собственный опыт, который должен быть проверен и закреплён. Следовательно, коммуникативная связь с общим культурно-опытным массивом является двунаправленной, что обеспечивает взаимообмен информацией и постоянное обновление, проверку и редактирование общечеловеческой культурной базы.

Традиционные идеи и ценности транслируются каждому из носителей культуры через коллективный механизм обработки – коммуникативную систему, которая в свою очередь состоит из коммуникативных схем. Коммуникативная система не является статичной, она развивается в соответствии с изменениями в культуре. Поэтому исследование трансформаций коммуникативной схемы должно дать ответ на вопрос, как информационная система индивида адаптируется к изменяющимся культурным условиям и насколько она подвержена программированию извне.

Примитивные формы коллективного программирования фиксировались еще в эпоху ранней Античности. Например, под мифологическим содержанием бехистунской надписи (датируется приблизительно 515 г. до н.э.) просматривается легитимация захвата персидского престола Дарием I. Пропагандистский эффект достигается в том числе и зрительным путем: над текстом помещен рельеф, изображающий бога Ахура-Мазду, который простирает руку над Дарием, как бы благословляя его на правление. Таким образом, реципиент культурной информации стимулируется к выработке более глубокой системы фильтрации входящих данных, поскольку приходится критически оценивать не только денотативное, очевидное значение транслируемой информации, но и ее коннотативные смыслы, задачи и ценности.

В дальнейшем роль искусства как медиатора трансляции культурного знания лишь возростала. Мощным инструментом коллективного программирования стало распространение в начале XX в. кино, а чуть позже – радио- и телевидения. Эти виды искусства впервые позволили сделать

культурную трансляцию массовой. При этом практически сразу возник вопрос о вычленинии в потоке культурной информации сознательно и преднамеренно искаженной – пропагандистской. В последнем случае социокультурные фильтры реципиента автоматически маркируют входящие данные как возможно недостоверные, вызывая когнитивный диссонанс [5]. Следствием этого становится поиск дополнительных источников информации, способных подтвердить либо опровергнуть предыдущую, и объект трансляции становится все более зависимым от поступлений из культуросферы. Постепенно искаженная информация переходит в категорию «общеизвестных фактов», хотя ее источник изначально малодостоверен.

В XXI в. роль медиатора культурной трансляции принял на себя Интернет. Более того, функция Интернета постепенно становится все более активной, превращая его из медиатора в субъект информационной передачи. Программные агенты, также называемые ботами, могут использоваться для наполнения автоматическими сообщениями и контентом различной сложности социальных сетей и других секций Интернета. Определить принадлежность авторства информационного сообщения программе или человеку сложно, а не разбирающемуся в интернет-технологиях пользователю часто вообще невозможно. Таким образом, в современном мире человек теряет эксклюзивное право на субъектность в процессах формирования культуросферы и собственного мировоззрения. В этой связи отдельного внимания заслуживает теория Э. Хермана и Н. Хомского, представленная в их книге «Производство согласия: политическая экономия средств массовой информации» [6]. Их информационная модель рассматривает средства массовой информации как предприятия, продающие продукт в лице читателей и аудитории (а не информацию) другим предприятиям (рекламодателям). При этом активная роль переходит от субъектов информационного обмена к медиатору. У Хермана и Хомского как англоязычных авторов эта тенденция прослеживается особенно ярко, поскольку одно из значений слова *media* – посредник.

Динамика изменения процессов информационного обмена социально обусловлена производительностью контактов на уровне индивидов и не в меньшей степени – макроуровнем. Класс, народность, религия – каждый по-своему – участвуют в этом процессе. Когнитивная антропология может не только учитывать, но в перспективе и влиять на направленность поиска идентичности группами, что является

одним из практических аспектов исследования теории культурной коммуникации. Мирозрение группы выступает лишь абрисом возможного коммуникативного обобщения, надындивидуальным общественным продуктом, не требующим от информационных структур каждого из членов этой группы стопроцентного соответствия, однако облегчающим решение возникающих задач путем использования удачных решений, выработанных другими участниками внутрикультурной коммуникации.

Персонализация создателя культурной информации – одна из самых сложных проблем в исследовании коммуникативных механизмов. Влияние мирозрения единичного субъекта на информационные процессы культурной группы, а в некоторых случаях и человечества в целом служит ярким примером положительного эффекта противостояния индивида интеграции в культурную среду. Более того, творческие информационные продукты зачастую дезадаптивны и предназначены для выражения индивидуальности, в то время как фундаментально процесс задан иначе: выработка и отбор информационных продуктов большим сообществом требует двустороннего влияния.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1) культурный и цивилизационный векторы информационной трансляции отличаются направленностью (культурная информация имеет однозначно позитивную интенциональность, в то время как цивилизационная более разносторонняя), объемом (цивилизационная информация проходит через систему социокультурных фильтров, значительно сжимаясь в объеме) и структурированностью (рафинированная культурная информация поставляется в максимально готовом к интериоризации и применению виде);

2) культурная трансляция снижает эклектичность и энтропийность антропосферы, выступая в роли синхронизатора коммуникативных про-

цессов в социальных группах вплоть до человечества в целом как крупнейшей из таких групп;

3) интегративные установки культурной трансляции могут использоваться в качестве мощного идеологического средства с характерными для такого подхода преимуществами (способствование социальной адаптации, единый вектор культурного развития) и недостатками (возможность манипуляции индивидуальным и общественным сознанием, опасность формирования в рамках цивилизационного развития деструктивных элементов);

4) в роли субъекта культурной трансляции может выступать не только отдельный индивид, но и антропосфера в целом как хранилище, посредник и система обработки культурной информации на макроуровне, что в некоторой степени восходит к идее Барта о «смерти автора», однако не ставит во главу угла трактовку транслируемых идей реципиентом – субъект и объект трансляции обеспечивают ее симбиотичность и двустороннюю направленность.

Список литературы

1. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2001. 703 с.
2. Strauss C., Quinn N. Research on Shared Task Solutions // Cognitive Theory of Cultural Meaning / ed. by C. Strauss and N. Quinn. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. P. 137–188.
3. Holler J., Kendrick K., Casillas M., Levinson S. Turn-Taking in Human Communicative Interaction. Frontiers Media SA, 2016. 291 p.
4. Holland D., Quinn N. Convergent Evidence for a Cultural Model of American Marriage. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 400 p.
5. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. Издательский дом Э, 2018. 340 с.
6. Herman E. S., Chomsky N. Manufacturing Consent : The Political Consent of the Mass Media. L. : The Bodley Head, 2010. 408 p.

Образец для цитирования:

Сидоренко В. А. Трансляционные механизмы культурной коммуникации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 284–288. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-284-288>

Translational Mechanisms of Cultural Communication

V. A. Sidorenko

Vladimir A. Sidorenko, <https://orcid.org/0000-0001-7024-4228>, Saint Luka Lugansk State Medical University, 1g 50 Let Oborony Luganska Bl., Lugansk 910045, philosophy.lsmu@mail.ru

The article analyzes the mechanisms providing informational exchange between the subjects of culture considered as individuals and cultural groups. Integrating and differentiating components of the translation of cultural knowledge are distinguished, the dependence of the translational processes on the personal experience of the information donor and recipient is described. Cultural communication also provides a single vector of development for its participants contributing to their more effective adaptation to the

social environment. Mental and behavioral constructions playing instrumental and procedural roles are considered as mechanisms involved in the communication processes. Conclusions are made about different directions of the cultural and civilizational vectors of the information translation, factors for decreasing the eclecticism and entropy of the cultural knowledge, the relationship of its integrative and ideological components, as well as the subject and object's roles in the translational act.

Keywords: cultural activity, informational interchange, subject and object of translation, integrativity, collective programming.

Received: 17.04.2020 / Accepted: 20.05.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskustvo-SPB Publ., 2001. 703 p. (in Russian).
2. Strauss C., Quinn N. Research on Shared Task Solutions. *Cognitive Theory of Cultural Meaning*, ed. by C. Strauss and N. Quinn. Cambridge, Cambridge University Press, 1997, pp. 137–188.
3. Holler J., Kendrick K., Casillas M., Levinson S. *Turn-Taking in Human Communicative Interaction*. Frontiers Media SA, 2016, 291 p.
4. Holland D., Quinn N. *Convergent Evidence for a Cultural Model of American Marriage*, Cambridge, Cambridge University Press, 1987, 400 p.
5. Festinger L. *A Theory of Cognitive Dissonance*, Stanford, Stanford University Press, 1957. 291 p. (Russ. ed.: Festinger L. *Teoriya kognitivnogo dissonansa*. Izdatel'skiy Dom E Publ., 2018. 340 p.).
6. Herman E. S., Chomsky N. *Manufacturing Consent: The Political Consent of the Mass Media*. London, The Bodley Head, 2010. 408 p.

Cite this article as:

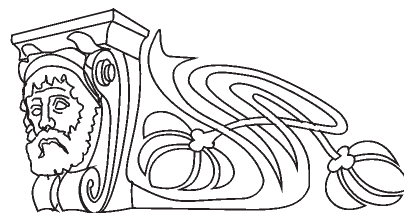
Sidorenko V. A. Translational Mechanisms of Cultural Communication. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 284–288 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-284-288>

УДК 1(091)

Хайдеггер как «христианский теолог»?

Е. В. Фалёв

Фалёв Егор Валерьевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории зарубежной философии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, falev@philos.msu.ru

В статье рассматривается одно из высказываний Хайдеггера в его письме к другу Карлу Лёвиту от 19 августа 1921 г., в котором он именует себя «христианским теологом». Перечислены основные точки зрения на «религиозность» Хайдеггера. Обсуждается вопрос: можно ли и в каком смысле называть его «верующим»? Исследуются понятие «онто-теология» и его отношение к хайдеггеровскому проекту «фундаментальной онтологии». Анализируются основные признаки, включаемые Хайдеггером в понятие «христианский теолог»: радикальная личная захваченность, строгая объективность, историческое сознание. Разъясняется соотношение между научной строгостью и объективностью Нового времени и «объективностью» христианского теолога. Дается краткий анализ хайдеггеровского понимания христианского проживания времени и истории. Одним из следствий оказывается возможность сближения «радикальной захваченности», в терминах Хайдеггера с «подлинной верой» в онто-теологическом смысле. Формулируется вывод, согласно которому «вера» в высшем смысле слова как способность не удовлетворяться миром в целом и вопрошать поверх мира о чём-то большем оказывается у Хайдеггера неотъемлемым качеством и важнейшим отличительным признаком человеческого способа бытия.

Ключевые слова: Хайдеггер, герменевтика, теология, фундаментальная онтология, объективность, историческое сознание.

Поступила в редакцию: 07.04.2020 / Принята: 20.05.2020 / Опубликовано: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-289-293>

В данной статье мы не будем затрагивать тему «Хайдеггер и христианская теология», поскольку она очень обширна, противоречива и требует скорее монографического формата исследования. Хорошим примером такого исследования являются монография С. А. Коначевой «Бытие. Священное. Бог. Хайдеггер и философская теология XX века» [1], а также диссертация Н. З. Бросовой «Теологические аспекты философии истории М. Хайдеггера» [2].

Ж.-П. Сартр в работе «Экзистенциализм — это гуманизм» отнес Хайдеггера к категории «экзистенциалисты-атеисты» [3, с. 321]. После этого в обзорах философии экзистенциализма Хайдеггера преимущественно относят к «ате-

истическому экзистенциализму» [4, с. 62; 5, с. 6–7]. Существует и противоположная тенденция, сближающая Хайдеггера с теологией и усматривающая у него некую «прототеологию» (Р. Бульман, П. Тиллих, Ж. Бофре, В. Декомб) [цит. по: 6, с. 19–20].

Авторы, достигающие более глубокого понимания хайдеггеровской философии, уже не могут однозначно определить его ни как «атеиста», ни как «верующего». В качестве примера такого взвешенного подхода можно привести точку зрения иезуитского философа Герда Хефнера, с которым соглашается Жион Кондрау: «Отношение Хайдеггера к “христианскому Богу” осталось не ясным. В равной мере ложным было бы называть его и “верующим”, и “атеистом”; он видится “как человек, который ведает отсутствие божественного и должен довести его до конца”. Но именно в выдерживании этого отсутствия может обнаружить себя путь к новому Присутствию» [7, с. 356–357].

Сам Хайдеггер очень редко и неохотно высказывался о собственных взглядах на религию, занимая в этом вопросе подчеркнуто отстраненную позицию. Тем более удивительно одно его свидетельство о себе, которое трудно согласовать со всем, что нам известно о философе и его религиозном поиске. В личном письме своему другу Карлу Лёвиту от 19 августа 1921 г. Хайдеггер так пишет о себе: «Я работаю конкретно и фактически исходя из моего “я есть”, из моего интеллектуального и вполне фактического источника, обстановки, жизненного окружения, и всего того, что они могут мне дать как живой опыт, в котором я живу... К этой моей фактичности принадлежит также, что я мог бы кратко обозначить как тот факт, что я являюсь “христианским теологом”. Это предполагает особую радикальную личную захваченность, особую радикальную научность, строгую объективность в отношении фактичности; в этом должно быть обнаружено историческое сознание, сознание “интеллектуальной и культурной истории”. И всем этим я являюсь в жизненном контексте университета» [цит. по: 8, р. 78].

Можно признать, что Ханна Арендт была во многом права, когда сравнивала Хайдеггера с «хитрым лисом», которому нельзя просто верить на слово, особенно, когда он говорит о

себе. Но Т. Кизиль приводит и другие высказывания Хайдеггера: и более раннее, и много более позднее, которые заставляют серьезным образом отнестись к этому заявлению от 1921 г.: «Эпистемологические прозрения, захватывающие также область теории исторического познания, сделали систему католицизма проблематической и неприемлемой для меня – но не христианство и метафизику (хотя последние [теперь принимаются мной] в новом смысле)» (1919); «Без этого теологического источника я бы никогда не вступил на путь мышления» (1959) [цит. по: 8, р. 80].

Хотя в опубликованных работах Хайдеггера есть и противоречащие этому, на первый взгляд, свидетельства о противопоставлении философом феноменологии и религии, феноменологии и мистики. Так, в курсе 1919 г. «Основные проблемы феноменологии» Хайдеггер заявлял: «Говорят на одном дыхании: “мистика и феноменология”, при том, что между ними столь же мало и столь же много общего, как между феноменологией и ботаникой, музыкой и феноменологией, гражданским правом и феноменологией» [9, S. 19]. А в лекциях 1923 г. «Онтология. Герменевтика фактивности» Хайдеггер приводит книгу Г. Вальтера «К феноменологии мистики» как пример крайних злоупотреблений идеей и методом феноменологии [10, S. 74].

Конечно, в отношении к теологии Хайдеггер, как и в других вопросах, исходит из заново «открытого» им «онтологического различия» между сущим и бытием. Любое мышление – философское, научное и даже религиозное – может осуществляться как минимум в двух «перспективах»: онтической – перспективе сущего и онтологической – перспективе бытия, или «бытийного расположения» сущего. Соответственно, Хайдеггер противопоставляет «онто-теологию» и «онтическую теологию». Везде, где он критикует теологию и ставит ее ниже феноменологии¹, явно речь идет именно об «онтической теологии», рассматривающей Бога по аналогии с сущим и занимающейся поиском обоснований для веры. Оба этих пункта – опредмечивание Бога и обоснование веры – не имеют ничего общего с подлинной *онто-теологией* – термином при внимательном рассмотрении вполне могущим стать обозначением для собственного философского проекта Хайдеггера.

Тео-лог (с подчеркнутым вторым слогом) по Хайдеггеру это, прежде всего, человек, исходящий из «радикальной личной захваченности». Если переводить на более привычный язык, думаю, эту «радикальную захваченность» вполне

¹ Как, например, в известной работе «Феноменология и теология» (1927) [См.: 12, S. 45–78].

можно понимать как «веру» в самом глубоком христианском смысле. «Вера» – необходимое методологическое и «экзистенциальное» условие того, чтобы быть (или даже просто считать себя) «христианским теологом». Попробуем понять, обладал ли Хайдеггер «верой» и в каком смысле?

Следует различать, как минимум, три уровня в феномене веры:

1) вера как признание истинности некоторых положений. Тогда «религиозная вера» – признание истинности основоположений вероучения, скажем, символа веры или катехизиса;

2) вера как доверие – в этом смысле «религиозная вера» предстанет как субъективная расположенность, позволяющая человеку открывать свое сердце и чувства навстречу религиозному опыту и тем образам, в которых этот опыт олицетворяется;

3) вера как свет, озаряющий разум, позволяющий Августину сказать: «верую, дабы понимать».

Для повседневной религиозной практики этих трех уровней веры обычно вполне достаточно и в большинстве случаев даже первого из них. Однако «вера» в христианстве (как, в принципе, и в других религиях «осевого времени») есть нечто большее, чем признание истинности некоторого числа предложений, скажем, входящих в «символ веры» или в катехизис, хотя, пожалуй, есть такие положения, которые нельзя осмысленно признать, не обладая глубокой верой, но осмысление, по Хайдеггеру, – довольно редкое событие, поэтому, как правило, для признания истинности догматов религии особой веры не требуется.

Хайдеггер, воспитанный в истинно религиозной среде, из своего «фактического истока», был верующим в полном смысле этого слова. А полная христианская вера включает в себя, кроме перечисленных трех уровней, еще один, лежащий в основе всех трех. Это именно «радикальная захваченность», вера как особое напряжение не просто в чувствах или в разуме, но словно в самом нашем существовании. Напряжение, которое и заставляет, и одновременно дает нам силы искать что-то, выходящее за пределы конкретного сущего и сущего в целом просто потому, что сущее не может этого вместить и выразить. То есть вера – это не сам акт трансцендирования, а потребность в нем и сила для свершения этого акта. Акт трансцендирования можно назвать «плодом веры» – это обретение онтологического единения с Богом.

Если мы согласимся, что Хайдеггер в своем феноменологическом переосмыслении религии искал и нашел именно такое понимание веры,

знакомое ему из его детского опыта, то окажется, что именно вера – по крайней мере как способность не удовлетворяться миром и вопрошать о чем-то большем – полагается на языке «Бытия и времени» как отличительная черта человека, как основополагающий способ человеческого существования. Dasein здесь есть особое сущее, которое способно вопрошать о бытии. Но без такой веры невозможно подлинное вопрошание, а значит, и подлинное бытие-человеком, подлинное мышление, подлинное философствование. Воплощение этой «радикальной» веры в слово – это и есть теология, к которой относит свое философствование Хайдеггер, по крайней мере «в истоке».

Второе качество «христианского теолога» – он есть ученый, стремящийся к максимальной объективности или, скорее, бессубъектности в анализе. Казалось бы, идеал объективности ассоциируется в большей степени с наукой, чем с религией. Но из других работ Хайдеггера, начиная с «Бытия и времени», мы знаем, что философ критиковал естествознание Нового времени именно за скрытый субъективизм, обусловленный не в последнюю очередь нерелексивным использованием понятия «субъект». Подвергая это понятие в своей герменевтике глубокому анализу и переосмыслению, Хайдеггер приходит к выводу, согласно которому «математика не строже истории, но лишь уже в том, что касается круга значимых для неё экзистенциальных оснований» [11, S. 204]. Теперь мы можем сказать, что не только математика «уже» истории, но и, видимо, все естествознание в целом уже в экзистенциальном отношении, чем онто-теология в хайдеггеровском понимании.

И, наконец, третье качество «христианского теолога», по Хайдеггеру, – «историческое сознание». «Христианский опыт проживает временность как таковую» – пишет Хайдеггер в лекциях «Введение в феноменологию религии» [12, S. 82]. Намек на значение этого тезиса можно найти здесь: «Все дело в том, что может значить для нас смысл истории, при котором “объективность” исторического “в себе” исчезает. Это даёт нам лишь некую историю из настоящего. Лишь так можно ухватить возможность философии религии» [12, S. 124–125]. Для христианина условное «мирское» время теряет свою определяющую значимость, поскольку он живет в измерении «вечных событий» – Распятия, Воскресения, Страшного Суда. Эти события, как писал Паскаль, длятся вечно, иными словами, они «всегда в настоящем» [13, с. 331]. Именно из этого священного «настоящего», а не из календарного времени должна, по Хайдеггеру, развертываться подлинно объективная «история из настоящего».

Необходимо отметить, что «религиозность» здесь нужно отличать от феноменологии религии, хотя они в трактовке Хайдеггера неразрывно взаимосвязаны. «Подлинная философия религии не основывается на неких заранее известных понятиях философии и религии. Напротив, из нашей определенной религиозности – для нас христианской – происходит возможность ее философского постижения» [14, S. 124]. Иными словами, «феноменология религии» как разновидность философии религии не тождественна религиозности, но подразумевает ее в качестве истока «радикальной личной захваченности».

Опыт феноменологии религии получил выражение в виде трех лекционных курсов Хайдеггера, из которых один (последний) не был прочитан:

1. Введение в феноменологию религии (зимний семестр 1920/1921 г.).
2. Августин и неоплатонизм (летний семестр 1921 г.).
3. Философские основания средневековой мистики (материалы и наброски к несостоявшемуся курсу лекций 1918/1919 г.).

Все три курса вошли в 60-й том собрания сочинений. Они являются свидетельством того, что Хайдеггер в первые годы своей самостоятельной философской работы сохранял живой интерес к темам религиозного опыта и его рационального осмысления в теологии. То обстоятельство, что курс по средневековой мистике не был прочитан, объясняется сложностями, с которыми столкнулся Хайдеггер при попытках понятийного выражения содержания мистического опыта в соответствии с требованиями «научной строгости» и объективности.

Какие выводы можно сделать на основании анализа приведенного важного свидетельства Хайдеггера?

Можно, конечно, спросить, кто еще, кроме самого Хайдеггера, мог бы претендовать на звание «христианского теолога» в описанном выше смысле. Первым выводом будет то, что данное определение, как и указывает Т. Кизиль, имеет автобиографическое значение, подчеркивающее роль религиозного воспитания и среды. Когда Хайдеггер работал ассистентом под руководством Э. Гуссерля во Фрайбургском университете, ему пришлось показательно дистанцироваться от своего теологического «фактического истока», и в опубликованных при жизни работах он уже не возвращался к этой теме, за исключением редких намеков, что и дало основание Сартру и другим критикам расценивать Хайдеггера как «атеиста», но, как теперь ясно, это не соответствует действительности.

Вторым выводом можно считать признание философом значения «биографии» для понимания его философии. Дело в том, что в своих опубликованных работах Хайдеггер нередко критиковал «биографический метод», прежде всего В. Дильтея. Он утверждал, что историки философии используют этот метод лишь для того, чтобы «тривиализировать» прозрения философа и объяснить их различными биографическими факторами и внешними влияниями. В отношении себя Хайдеггер крайне негативно относился к таким биографическим объяснениям. Теперь мы видим, что сам он, хоть и в ограниченных пределах, признавал значение личной истории, «истоков» для понимания его философствования.

Главный возможный вывод состоит, на наш взгляд, в том, что «радикальная личная захваченность» и способность вопрошать поверх мира о чем-то большем позволяет обнаружить измерение веры и богоискательства в основании человеческого способа существования как отличительную черту экзистенции.

Список литературы

1. *Коначева С. А.* Бытие. Священное. Бог. Хайдеггер и философская теология XX века. М. : РГГУ, 2010. 352 с.
2. *Бросова Н. З.* Теологические аспекты философии истории М. Хайдеггера : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2007. 192 с.
3. *Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. М. : Политиздат, 1990. С. 168–183.
4. *Коссак Е.* Экзистенциализм в философии и литературе / пер. с польск. М. : Политиздат, 1980. 360 с.
5. *Зорин А. Л.* Экзистенциализм и позитивный экзистенциализм Н. Аббаньяно // *Аббаньяно Н.* Структура экзистенции. Введение в экзистенциализм. Позитивный экзистенциализм и другие работы. СПб. : Алтея, 1997. С. 5–18.
6. *Нижников С. А.* Экзистенциальная модель взаимодействия философского и богословского дискурсов // *Вестн. РУДН. Сер. Философия.* 2007. № 3. С. 18–30.
7. *Кондрау Ж.* Философские и антропологические основания даэин-анализа // *HORIZON*, 5 (2) 2016: II. Translations. and Commentaries: I. Kazakova. С. 315–427.
8. *Kisiel T.* The Genesis of Heidegger's Being and Time. University of California Press, 1995. 622 p.
9. *Heidegger M.* Gesamtausgabe. II. Abteilung. Bd. 58. Grundprobleme der Phänomenologie (1919–1920). Frankfurt am Mein : Vittorio Klostermann, 1993. 280 S.
10. *Heidegger M.* Gesamtausgabe. II. Abteilung. Bd. 63. Ontologie (Hermeneutik der Faktizität). Frankfurt am Mein : Vittorio Klostermann, 1995. 128 S.
11. *Heidegger M.* Gesamtausgabe. I. Abteilung. Bd. 2. Sein und Zeit. Frankfurt am Mein : Vittorio Klostermann, 1977. 600 S.
12. *Heidegger M.* Gesamtausgabe. II. Abteilung. Bd. 60. Phänomenologie des religiösen Lebens. Frankfurt am Mein : Vittorio Klostermann, 1995. 364 S.
13. *Паскаль Б.* Мысли. М. : Издательство им. Сабашниковых, 1995. 480 с.
14. *Heidegger M.* Phänomenologie und Theologie (1927) // Gesamtausgabe. I. Abteilung. Bd. 9. Wegmarken. Frankfurt am/Mein : Vittorio Klostermann, 1976. S. 45–78.

Образец для цитирования:

Фалёв Е. В. Хайдеггер как «христианский теолог»? // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 289–293. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-289-293>

Heidegger as a “Christian theologian”?

E. V. Falev

Egor V. Falev, <https://orcid.org/0000-0002-0247-6825>, Moscow State University, 24/7 Lomonosovsky Ave., Moscow 119991, Russia, falev@philos.msu.ru

The article considers one of Heidegger's statements presented in a letter to his friend K. Löwit dated August 19, 1921, in which he defines himself as a “Christian theologian”. The main existing perspectives on Heidegger's “religiosity” being listed, the question arises, can we, and if so, in which sense, call Heidegger a “faithful Christian”? To answer this question, one needs to distinguish between “ontic theology” and “onto-theology”, the latter concept being very close to Heidegger's own project of “fundamental ontology”. Then one needs to understand what Heidegger meant by “being a Christian theologian”. That includes objectivity, “radical involvedness” and historical consciousness. The correlation between scien-

tific objectivity of the modern natural sciences and the “objectivity” of a Christian theologian is the next question. One of the conclusions is the possibility to draw Heidegger's “radical involvedness” and “true faith” close to each other in an onto-theological sense. Hence, the ability for faith in the highest sense may be considered as an essential distinctive quality of a human mode of being.

Keywords: Heidegger, hermeneutics, theology, fundamental ontology, objectivity, historical consciousness.

Received: 07.04.2020 / Accepted: 20.05.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. *Konacheva S. A.* *By'tie. Svyashhennoe. Bog. Hajdegger i filosofskaya teologiya XX veka* [Being, Sacral, God. Heidegger and philosophical theology in the 20th century]. Moscow, RSHU Publ., 2010. 352 p. (in Russian).

2. Brosova N. Z. Teologicheskie aspekty filosofii istorii M. Hajdeggera [Theological aspects of Heidegger's philosophy of history]. Diss. Doct. Sci. (Philos.). Moscow, 2007. 192 p. (in Russian).
3. Nicshe F., Frejd Z., Fromm E., Kamu A., Sartre J.-P. Ekzistentsializm – eto gumanizm [Existentialism is a humanism]. In: *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods]. Moscow, 1990, pp. 168–183 (in Russian).
4. Kossak E. *Ekzistencializm v filosofii literature* [Existentialism in philosophy and literature]. Transl. from Polish. Moscow, Politizdat Publ., 1980. 360 p. (in Russian).
5. Zorin A. L. Ekzistencializm I pozitivnyj ekzistencializm N. Abbagnano [Existentialism and N. Abbagnano's 'positive existentialism']. In: Abbagnano N. *Struktura ekzistencii. Vvedenie v ekzistencializm. Pozitivnyj ekzistencializm I drugie raboty* [The structure of existence. Introduction to existentialism. Positive existentialism and other works]. St. Petersburg, Alteya Publ., 1997, pp. 5–18 (in Russian).
6. Nizhnikov S. A. Existential model of interaction between philosophical and theological discourses. *Vestnik RUDN. Ser. Philosophy*, 2007, no. 3, pp. 18–30 (in Russian).
7. Kondrau G. Philosophische und anthropologische Grundlagen der Daseinsanalyse. *HORIZON*, 5 (2) 2016: II. Translations and Commentaries: I. Kazakova, S. 315–427 (transl. from German to Russian).
8. Kiesel T. *The Genesis of Heidegger's Being and Time*. University of California Press, 1995. 622 p.
9. Heidegger M. Gesamtausgabe. II. Abteilung. Bd. 58. Grundprobleme der Phänomenologie (1919–1920). Frankfurt am Mein, Vittorio Klostermann, 1993. 280 S.
10. Heidegger M. Gesamtausgabe. II. Abteilung. Bd. 63. Ontologie (Hermeneutik der Faktizität). Frankfurt am Mein, Vittorio Klostermann, 1995. 128 S.
11. Heidegger M. Gesamtausgabe. I. Abteilung. Bd. 2. Sein und Zeit. Frankfurt am Mein, Vittorio Klostermann, 1977. 600 S.
12. Heidegger M. Gesamtausgabe. II. Abteilung. Bd. 60. Phänomenologie des religiösen Lebens. Frankfurt am Mein, Vittorio Klostermann, 1995. 364 S.
13. Paskal' B. *Mysli* [Thoughts]. Moscow, Izdatel'stvo im. Sabashnikovoykh, 1995. 480 p.
14. Heidegger M. Phänomenologie und Theologie (1927) // Gesamtausgabe. I. Abteilung. Bd. 9. Wegmarken. Frankfurt am Mein : Vittorio Klostermann, 1976, S. 45–78.

Cite this article as:

Falev E. V. Heidegger as a “Christian theologian”? *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 289–293 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-289-293>

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.6

Методика диагностики отраслевых типов организационной культуры

Л. Н. Аксеновская

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, декан факультета психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, liudmila_aksenovskaya@mail.ru

В статье рассматривается авторская методика диагностики отраслевых типов организационной культуры, разработанная на основе отраслевой модели организационной культуры Т. Дила и А. Кеннеди. Авторы модели выделили четыре отраслевых типа организационной культуры – торговую, спекулятивную, инвестиционную и административную. Критериями для проведения различий между ними стали скорость обратной связи после принятых решений и степень риска. Разработанная на базе этой модели методика является опросной и применяется в режиме самооценки сотрудниками организации или кандидатами на вакантные должности. В структуре опросника имеются пять тематических блоков, каждый из которых включает по четыре утверждения, относящихся к четырем отраслевым типам организационной культуры. Выбор респондентом от трех до пяти утверждений, относящихся к одному типу культуры, является признаком совместимости с этим типом культуры. Методика позволяет оценить степень соответствия сотрудника или кандидата на должность отраслевым особенностям организационной культуры предприятия и при суммировании большого количества полученных данных в результате опроса установить отраслевой тип организационной культуры предприятия. Представлена структура опросника и приведены примеры его применения как самостоятельного диагностического инструмента, так и в комплексе с порядковыми диагностическими методиками.

Ключевые слова: организационная культура, диагностика организационной культуры, отраслевые типы организационной культуры, методика.

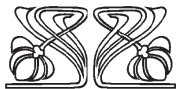
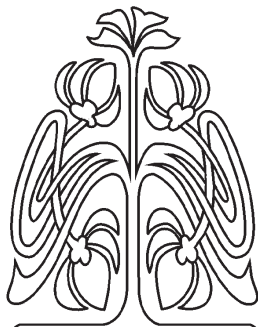
Поступила в редакцию: 10.05.2020 / Принята: 20.05.2020 / Опубликовано: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

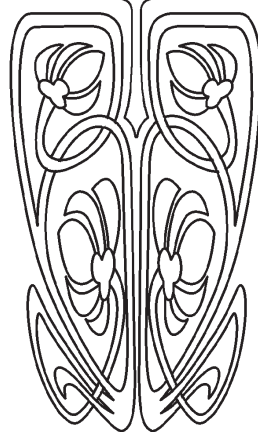
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-294-301>

Введение

Разработка отдельных методик и целых систем социально-психологической диагностики организационной культуры – одно из важнейших направлений социально-психологического изучения феномена организационной культуры. В основе каждого диагностического инструмента лежит базовая теоретическая концепция или модель, задающая направление и конкретные параметры разработки той или иной методики. Количество базовых концепций и моделей, созданных в рамках социальной психологии либо близких к ней по своему содержательному наполнению, на сегодняшний день по-прежнему не очень велико. Однако это обстоятельство – медленный темп развития социально-психологического сектора исследований феномена организационной культуры – не снижает актуальности как разработки новых идей, моделей и соответствующих им диагности-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ческих инструментов, так и необходимости поиска оснований для их совместного комплексного использования при проведении диагностических процедур.

Наша работа по созданию и использованию диагностического инструментария на базе ордерного подхода к социально-психологическому изучению феномена организационной культуры [1, 2] сопровождается систематическим опытом совмещения ордерных методик диагностики организационной культуры с методиками, разработанными на базе других подходов к изучению организационной культуры, а также их применению в комплексе с диагностическими методиками, позволяющими оценивать другие аспекты и параметры организационно-культурной феноменологии (адаптация, jobinsecurity, стресс, эмоциональный интеллект, медиааспекты культуры, мотивация и т.д.).

Одним из показательных примеров такой работы является разработка диагностической методики по оценке отраслевых типов организационной культуры. В ее основе лежит одна из первых моделей организационной культуры, созданная в начале 80-х гг. XX столетия американскими консультантами по управлению Терренсом Дилом и Аланом Кеннеди [3]. На базе этой модели нами была разработана и стала

применяться в исследованиях организационной культуры опросная методика, позволяющая оценить характерный для организации отраслевой тип организационной культуры. При совмещении с методиками ордерной диагностики организационной культуры диагностика отраслевого типа культуры позволяет уточнить смысловые и поведенческие характеристики участников организационно-управленческого взаимодействия и сделать более обоснованные выводы о причинах рассогласований их «культурных текстов» (С. С. Аверинцев).

Целью данной статьи является представление нашей методики диагностики отраслевых типов организационной культуры, разработанной на базе модели отраслевых типов организационной культуры Т. Дила и А. Кеннеди.

Общая характеристика модели Т. Дила и А. Кеннеди

Работая с предприятиями, относящимися к совершенно различным сферам деятельности, американские консультанты по управлению Т. Дил и А. Кеннеди первыми смогли построить объяснительную модель связи между особенностями организационной культуры предприятий и отраслевой спецификой их деятельности (рисунок).

быстро	Культура торговли	Спекулятивная культура (культура выгодных сделок)
	Административная культура	Инвестиционная культура
обратная связь		
медленно	малый	большой
	риск	

Схема специфической отраслевой культуры [4, с. 147]

Scheme of specific industry culture [4, p. 147]

Авторы использовали два критерия, на основании которых смогли выделить четыре отраслевых типа организационной культуры. Эти критерии – *риск* (рискованные решения и действия на рынке) и *скорость обратной связи* (время, в течение которого с рынка поступает информация о результатах принятых решений и совершенных действий).

Кратко охарактеризуем выделенные на основе этих критериев четыре отраслевых типа организационной культуры:

1) «культура торговли» (быстрая обратная связь и относительно малый риск) формируется преимущественно в торговых организациях, в розничной торговле, в сфере торговли недвижимостью, продажи автомобилей, доставки

товаров на дом и т.п. Подчеркнута коммуникативная сфера деятельности. Среди требований к сотрудникам отмечаются коммуникабельность, чувство юмора, умение поддержать «командную игру». Сотрудники легко создают коллектив. Основной фактор мотивации – принадлежность к команде, делающей успехи. Сильная сторона торговой культуры – «легкость на подъем»; слабые стороны – превалирование количества над качеством, доминирование мышления краткосрочного успеха, преимущественная связь сотрудников с коллективом, а не с организацией, высокая текучесть кадров;

2) «культура выгодных сделок» («спекулятивная культура») (высокая скорость обратной связи и риск средней и высокой степени) формируется в сферах сделок с ценными бумагами, платежными средствами, сырьем и т.п. Элементы этой культуры встречаются в модной индустрии, профессиональном спорте, рекламе и финансировании рискованных проектов. Подчеркнута индивидуалистичная сфера деятельности, основывающаяся на личных амбициях и высоком уровне притязаний, высокая конкуренция. Преуспевают сотрудники с высокими «скоростными» качествами, агрессивные, азартные, умеющие скрывать свои эмоции и намерения. Основной фактор мотивации – личный успех, достижение статуса «звезды». Сильная сторона культуры – быстрое использование представляющихся шансов; слабые стороны – суеверие, близорукость, отсутствие коллегиальности;

3) «административная культура» (низкая степень риска и медленная обратная связь) формируется в общественном обслуживании, в обеспечении, на предприятиях в хорошо защищенных отраслях, частично – в системе страхования и банках. Отличительная черта – сильная тенденция к самосохранению и иерархичность. Требования к сотрудникам – умение соблюдать субординацию, умение работать с документами, аккуратность, исполнительность. Основной фактор мотивации – стабильность и продвижение по службе. Сильная сторона культуры – обстоятельность; слабые стороны – проволочки, бюрократизм, неэффективность в решении проблем;

4) «инвестиционная культура» (высокая степень риска и медленная скорость обратной связи) формируется в ресурсодобывающих областях, инвестиционных банках, строительстве, производстве средств производства, частично – в армии. Основная особенность – ориентация на будущее. Требования к сотрудникам включают профессионализм, компетентность, основатель-

ность, терпение и настойчивость, осмотрительность, вежливость. Сильные стороны культуры – ускорение больших открытий и развития науки, получение фундаментальных результатов; слабые стороны – медленные процессы деятельности и создания продуктов и репутаций, уязвимость для краткосрочных конъюнктурных перемен.

На основе данной модели в организациях анализируются вопросы связи типа культуры и выбранной стратегии деятельности, слабости и сильные стороны сформировавшейся культуры на фоне выбранной стратегии и т.п. [4, с. 147–158].

Установление сформировавшегося отраслевого типа организационной культуры можно осуществлять разными методами. Среди них выделим включенное наблюдение и сопоставление имеющихся в литературе описаний особенностей культуры с наблюдаемыми характеристиками, групповую дискуссию, экспертную оценку. Однако наиболее удобным методом оказывается тот, который позволяет достаточно быстро не только собрать, но и зафиксировать информацию, что дает возможность обстоятельно ее обработать, проанализировать и сохранить. Таким методом является опросный. Данное обстоятельство стало причиной постановки задачи разработки опросника для диагностики отраслевого типа организационной культуры на базе модели Т. Дила и А. Кеннеди.

Методика диагностики отраслевых типов организационной культуры

На основе модели отраслевых типов организационной культуры и данных ее авторами описаний характерных особенностей четырех типов организационной культуры (ОК) сначала была составлена обобщающая таблица параметров модели, в которую вошли: 1) названия отраслевых типов организационной культуры и их буквенная маркировка (ОК и ее буквенный маркер *a*; спекулятивная ОК и ее буквенный маркер *b*; инвестиционная ОК и ее буквенный маркер *c*; административная ОК и ее буквенный маркер *d*); 2) критерии отраслевого типа организационной культуры для каждого типа культуры и перечень психологических и социально-психологических характеристик сотрудников, соответствующих каждому отраслевому типу культуры; 3) перечень утверждений, соответствующих психологическим и социально-психологическим характеристикам сотрудников (табл. 1).

Сводные данные для разработки утверждений
Summary data for statement

Отраслевой тип организационной культуры	Критерии отраслевого типа организационной культуры	Утверждения, характерные для данного типа культуры
Торговая ОК – <i>a</i>	<i>Средняя скорость обратной связи</i>	Я не люблю слишком долгих ожиданий
	<i>Средняя степень риска</i>	Риск должен быть оправданным
	Коммуникабельность	Мне нравится общаться с людьми
	Чувство юмора	Я люблю хорошие шутки и люблю пошутить
	Коллективизм	Люди должны помогать друг другу
Спекулятивная ОК – <i>b</i>	<i>Максимально высокая скорость обратной связи</i>	Нечего ждать, надо действовать
	<i>Максимально высокая степень риска</i>	Кто не рискует, тот не выигрывает
	Амбициозность	Я стремлюсь быть лучше всех
	Соперничество	Успех рождается в борьбе с конкурентами
	Суеверность	Я всегда имею при себе талисман
Инвестиционная ОК – <i>c</i>	<i>Самая медленная скорость обратной связи</i>	Успех приходит к тому, кто умеет ждать
	<i>Высокая степень риска</i>	В основе риска должен быть точный расчет
	Высокие стандарты профессионализма	Я стремлюсь к профессиональному совершенству
	Высокие стандарты коммуникативной культуры	Вежливость и сдержанность – это основа делового общения даже в напряженных ситуациях
	Ответственность	Я выполняю свою работу максимально хорошо, даже если это никто не оценит
Административная ОК – <i>d</i>	<i>Невысокая скорость обратной связи</i>	Для решения любого вопроса нужно время
	<i>Низкая степень риска</i>	Не следует рисковать без распоряжения сверху
	Исполнительность	Я стараюсь точно исполнить все, что мне поручают
	Осторожность	Не следует проявлять инициативу и совать нос не в свое дело
	Субординация	Каждый человек должен знать свое место в служебной иерархии и не переходить границу

Как видно из табл. 1, для каждого типа отраслевой организационной культуры разработано или подобрано по пять утверждений. На основе данной таблицы была создана диагностическая методика, позволяющая получить данные по двум параметрам: 1) соответствие индивидуально-личностных характеристик сотрудника либо кандидата на должность отраслевому типу культуры предприятия, в котором он работает или планирует работать; 2) оценка доминирующего типа отраслевой культуры предприятия сотрудниками предприятия (осуществляется путем суммирования полученных в ходе опроса индивидуальных результатов).

Методика является опросной. Ее структурная композиция включает пять блоков утверждений, соответствующих количеству утверждений, определенных для каждого отраслевого типа организационной культуры. Причиной выбора именно пяти утверждений стала ориентация на следующие числовые и содержательные

параметры: два первых утверждения в каждом блоке отражают критерии, позволившие авторам модели провести различие между отраслевыми типами культуры – это скорость обратной связи (временной показатель) и степень риска принимаемых решений и совершаемых действий; три следующих утверждения – это психологические и социально-психологические характеристики личности, соответствующие особенностям отраслевой организационной культуры, выделенные Т. Дилом и П. Кеннеди (например, для торговой культуры это коммуникабельность, чувство юмора и коллективизм).

Каждый блок имеет свой подзаголовок и содержит четыре утверждения, характерных для каждого из четырех типов отраслевой культуры: буквой *a* маркируется торговый тип культуры, буквой *b* – спекулятивный тип культуры, буквой *c* – инвестиционный тип культуры и буквой *d* – административный тип отраслевой организационной культуры.

Представим содержание бланка «Опросник методики оценки на совместимость сотрудника с отраслевым типом организационной культуры».

Инструкция для заполнения бланка

1. Выберите в каждом блоке одно высказывание, которое в наибольшей степени соответствует Вам, и отметьте его.

2. Посчитайте количество ответов для каждой буквы (*a, b, c, d*).

1. Ждать или не ждать?

- a) я не люблю слишком долгих ожиданий;
- b) нечего ждать, надо действовать;
- c) успех приходит к тому, кто умеет ждать;
- d) для решения любого вопроса нужно время.

2. Рисковать или не рисковать?

- a) риск должен быть оправданным;
- b) кто не рискует, тот не выигрывает;
- c) в основе риска должен быть точный расчет;
- d) не следует рисковать без распоряжения сверху.

3. Мне нравится

- a) мне нравится общаться с людьми;
- b) я стремлюсь быть лучше всех;
- c) я стремлюсь к профессиональному совершенству;
- d) я стараюсь точно исполнить все, что мне поручают.

4. Это важно для меня

- a) я люблю хорошие шутки и люблю пошутить;
- b) успех рождается в борьбе с конкурентами;
- c) вежливость и сдержанность – это основа делового общения даже в напряженных ситуациях;
- d) не следует проявлять инициативу и совать нос не в свое дело.

5. Это правильно

- a) люди должны помогать друг другу;
- b) я всегда имею при себе талисман;
- c) я выполняю свою работу максимально хорошо, даже если этого никто не оценивает;
- d) каждый человек должен знать свое место в служебной иерархии и не переходить границу.

Подсчет результатов

от 3 до 5 (*a*) – совместимость с торговым типом ОК;

от 3 до 5 (*b*) – совместимость со спекулятивным типом ОК;

от 3 до 5 (*c*) – совместимость с инвестиционным типом ОК;

от 3 до 5 (*d*) – совместимость с административным типом ОК.

Респондент самостоятельно подсчитывает баллы и сразу узнает результат самооценки.

Данная особенность диагностической методики выполняет функцию дополнительной мотивации для участников диагностики, которые всегда хотят знать, что именно они делали и с каким результатом.

Опыт применения методики

В качестве примера приведем опросник, заполненный сотрудником районной администрации муниципального образования (табл. 2).

В каждом блоке респондент отметил «крестиком» одно высказывание. При соотнесении отметок с буквами получился следующий результат: буква *d* (административный тип отраслевой культуры) – четыре выбора из пяти возможных; буква *a* – один выбор из пяти возможных. Результат свидетельствует о совместимости сотрудника с административным отраслевым типом организационной культуры, в которой он и работает.

Также отметим, что одним из первых случаев применения данной методики диагностики отраслевых типов организационной культуры стали ордерные исследования организационной культуры, выполненные под нашим руководством в рамках выпускных квалификационных работ бакалавра и магистранта студенткой факультета психологии СГУ А. И. Ефремовой «Ордерная диагностика организационной культуры: опыт кросс-секционного исследования» (2016; 2018). Автор исследовала типы личности лидеров образовательной организации (предположительно административный отраслевой тип культуры) и предпринимательской (торговой) организации, относящейся к фэшн-индустрии (спекулятивный отраслевой тип культуры) с помощью описанной выше методики оценки отраслевой специфики организационной культуры и ряда ордерных методик диагностики организационной культуры. Результаты исследования показали, что оба лидера продемонстрировали совместимость с инвестиционным типом организационной культуры, однако у лидера образовательной организации этот показатель оказался несколько выше, чем у лидера торговой организации. Сфера образования, безусловно, является классическим примером «медленных» процессов: подготовка квалифицированных специалистов занимает годы. Однако сфера фэшн-индустрии (торговое предприятие специализируется на продаже модных вещей) живет по законам «быстрых» культур – торговой и спекулятивной. Результат лидера-предпринимателя в этом смысле оказался нетипичным. Дополнительное изучение причин сходства в результатах руководителей разноотраслевых организаций показало, что

Таблица 2 / Table 2

Образец заполненного опросника
Sample of the completed questionnaire

№ п/п	Утверждения	Отметка
I	<i>Ждать или не ждать?</i>	
a)	Я не люблю слишком долгих ожиданий	
b)	Нечего ждать, надо действовать	
c)	Успех приходит к тому, кто умеет ждать	
d)	Для решения любого вопроса нужно время	+
II	<i>Рисковать или не рисковать?</i>	
a)	Риск должен быть оправданным	
b)	Кто не рискует, тот не выигрывает	
c)	В основе риска должен быть точный расчет	
d)	Не следует рисковать без распоряжения сверху	+
III	<i>Мне нравится</i>	
a)	Мне нравится общаться с людьми	+
b)	Я стремлюсь быть лучше всех	
c)	Я стремлюсь к профессиональному совершенству	
d)	Я стараюсь точно исполнить все, что мне поручают	
IV	<i>Это важно для меня</i>	
a)	Я люблю хорошие шутки и люблю пошутить	
b)	Успех рождается в борьбе с конкурентами	
c)	Вежливость и сдержанность – это основа делового общения даже в напряженных ситуациях	
d)	Не следует проявлять инициативу и совать нос не в свое дело	+
V	<i>Это правильно</i>	
a)	Люди должны помогать друг другу	
b)	Я всегда имею при себе талисман	
c)	Я выполняю свою работу максимально хорошо, даже если этого никто не оценит	
d)	Каждый человек должен знать свое место в служебной иерархии и не переходить границу	+

оба лидера разрабатывают и используют стратегические планы развития своих организаций. Соответственно, наличие стратегического мышления руководителя может послужить фактором, влияющим на результаты диагностики такого рода. В частности, для торгового предприятия существовал план развития на несколько лет, что, по оценкам Т. Дила и А. Кеннеди, является довольно редким случаем.

Сравнение результатов ордерной диагностики на уровне личности лидера обеих организаций создало дополнительный контекст для детализации полученных данных. Так, было

установлено, что в обеих организациях доминирует «семейный» субордер. При этом на втором месте в культуре образовательной организации находится «армейский» субордер, а в торговой (спекулятивной) – «церковный» (смысловой). В культуре образовательной организации выше оказался уровень сформированности «армейского» субордера, а в культуре предпринимательской – «семейного» и «церковного». Субордерные характеристики личности лидеров внешне оказались схожими – доминируют «командирские» качества, однако зоны риска находятся в разных областях (риск избыточной жесткости у руко-

водителя образовательной организации и риск непоследовательности и спонтанности – у руководителя предпринимательской организации).

Другими словами, полученные результаты оценки организационной культуры можно распределить по уровням. Наиболее «поверхностным» является *отраслевой уровень*: изначально предполагалось, что для образовательной организации это «административная» культура, а для предпринимательской организации – «спекулятивная» либо «торговая». Однако оценка индивидуально-личностной совместимости руководителей обеих организаций с отраслевыми типами культуры дала другой результат – «инвестиционная» культура характерна для обоих руководителей.

Следующий уровень был представлен ордерной оценкой степени выраженности субордеров организационной культуры. У образовательной и предпринимательской организаций наиболее выраженным оказался «семейный» субордер (забота об эмоционально-ценностном единстве организации). Однако следующий культурный «слой» у руководителей двух организаций не совпал: в образовательной организации сильнее оказался «армейский» субордер (забота о цели), а в предпринимательской – «церковный» (забота о смысловом единстве). Далее оценка степени сформированности субордеров подтвердила результаты как образовательной организации (наиболее сформированным являлся «армейский» субордер), так и предпринимательской (наиболее сформированными оказались «семейный» и «церковный» субордера).

Самый «глубокий» уровень диагностики показал, что ордерные характеристики личности лидеров совпадают – у обоих доминируют «командирские» аспекты, однако зоны риска разные: если угрозой для лидера образовательной организации являются ошибки, связанные с избыточной жесткостью, то для лидера предпринимательской организации угрозой возможных ошибок выступают спонтанность и непоследовательность.

Из полученных результатов следует, что возможны случаи, когда отрасль деятельности некардинально определяет отличительные особенности организационной культуры. Роль личности лидера, имеющего «другой» склад, характерные для него ограничения и возможности, может существенно повлиять на особенности организационной культуры, в частности, изменить ее отраслевой модус. И тогда вне зависимости от отрасли деятельности культура сообразовывается с личностью лидера и при-

меняемой им стратегией и ведет себя «нетипично». В таком случае предложенная диагностика отраслевых типов организационной культуры может указать на применяемую стратегию (как в представленном случае). Сочетание диагностики отраслевых типов организационной культуры с ордерными инструментами может дать более детальную картину состояния организационной культуры, ее «кода» и получить прогноз возможных сценариев развития событий в процессе реализации поставленных целей и стратегий их достижения.

Заключение

Организационная культура как частный случай феномена культуры представляет и всегда будет представлять большой исследовательский интерес для социальных и организационных психологов. Данное явление тесно связано с фундаментальными характеристиками и закономерностями функционирования человеческой психики и поэтому любое проникновение в природу и механизмы культуральных процессов помогают нам приблизиться к пониманию сущности человеческой психологии.

В более утилитарном плане изучение организационной культуры с помощью создаваемых диагностических инструментов дает дополнительные возможности организациям более осознанно и эффективно управлять своим развитием и своей деятельностью, постоянно совершенствоваться.

Период «насыщения» теориями и методиками социально-психологического изучения и изменения такой области знания, как психология организационной культуры, еще не завершен. Поэтому так важно не сдерживать усилий в разработке диагностических инструментов и их использования как по отдельности, так и в сочетании с уже имеющимися.

Список литературы

1. Аксеновская Л. Н. Ордерная диагностика организационной культуры. Саратов : Издательский центр «Наука», 2016. 190 с.
2. Аксеновская Л. Н. Управленческая команда : ордерная диагностика организационной культуры на уровне малой группы. Саратов : Издательский центр «Наука», 2019. 102 с.
3. Deal T. E., Kennedy A. A. Corporate Cultures : The rites and rituals of corporate life. Reading (MA) : Addison-Wesley, 1982. 126 p.
4. Рюттингер Р. Культура предпринимательства. М. : ЭКОМ, 1992. 240 с.

Образец для цитирования:

Аксеновская Л. Н. Методика диагностики отраслевых типов организационной культуры // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 294–301. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-294-301>

Diagnostics of Branch Types of Organizational Culture

L. N. Aksenovskaya

Liudmila N. Aksenovskaya, <https://orcid.org/0000-0003-4867-4197>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, liudmila_aksenovskaya@mail.ru

The article presents the author's method of diagnostics of branch types of organizational culture, developed on the basis of the branch model of organizational culture by T. Deal and A. Kennedy. The authors of the model identified four branch types of organizational culture – trading, speculative, investment, and administrative. The criteria for distinguishing between them were the speed of feedback and the degree of risk. The diagnostic technique developed on the basis of this model is an inventory and is used in the self-assessment mode by employees of the organization or candidates for vacant positions. The structure of the inventory has five thematic blocks, each of which includes four statements related to four branch types of organizational culture. A respondent's choice of three to five statements relating to one type of culture is a sign of compatibility with that type of culture. The diagnostic technique allows to assess the degree of compliance of an employee or candidate for a position with the branch features of the organizational culture of the enterprise and, when summing up a large amount of data obtained as a result of the inventory, to establish the branch type of organizational culture of the enterprise. The article shows the

structure of the inventory and provides examples of its use as an independent diagnostic tool, and in combination with the order diagnostic methods.

Keywords: organizational culture, diagnostics of organizational culture, branch types of organizational culture, technique.

Received: 10.05.2020 / Accepted: 20.05.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Aksenovskaya L. N. *Ordernaya diagnostika organizatsionnoy kultury* [Order diagnostics of organizational culture]. Saratov, Nauka Publ., 2016. 190 p. (in Russian).
2. Aksenovskaya L. N. *Upravlencheskaya komanda: ordernaya diagnostika organizatsionnoy kultury na urovne maloy gruppy* [Managerial team: The Order diagnostics of organizational culture on small group level]. Saratov, Nauka Publ., 2019. 102 p. (in Russian).
3. Deal T. E., Kennedy A. A. *Corporate cultures: The rites and rituals of corporate life*. Reading (MA), Addison-Wesley, 1982. 126 p.
4. Rüttinger R. *Unternehmenskultur. Neue Dimensionen des Erfolgs*. Dusseldorf, Econ TaschenbuchVerlag GmbH, 1989. 237 S. (Russ. ed.: Rüttinger R. *Kul'tura predprinimatel'stva*. Moscow, EKOM Publ., 1992. 240 p.).

Cite this article as:

Aksenovskaya L. N. Diagnostics of Branch Types of Organizational Culture. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 294–301 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-294-301>

УДК 159.99

Социально-психологическая специфика семей подростков с различными видами аутоагрессивного поведения

А. А. Григорьева

Григорьева Александрина Андреевна, старший научный сотрудник, Национальный научный центр наркологии – филиал ФГБУ «НМИЦ ПН имени В. П. Сербского» Минздрава России, Москва, alexandrina_gr@mail.ru

Статья посвящена изучению специфики социально-психологических характеристик семей подростков с разными видами аутоагрессивного поведения. В исследовании приняли участие 1977 чел. в возрасте 10–18 лет. Применялись методы, направленные на выявление рисков суицидального, самоповреждающего поведения, употребления психоактивных веществ, а также анкета для изучения социально-психологических особенностей семей подростков. Установлено, что семьи подростков с аутоагрессивным поведением имеют неполный состав, отягощенный прямыми и косвенными аутоагрессивными видами поведения (в анамнезе). Выделены отличительные особенности социально-психологических характеристик семей подростков с разными видами рисков аутоагрессии: высокий уровень конфликтности в семьях подростков с рисками самоповреждения; злоупотребление алкоголем и суицидальные попытки у родителей подростков с суицидальным поведением. Выявлено специфическое влияние семейных факторов при разных формах аутоагрессивного поведения. Суицидальное поведение подростков формируется преимущественно под влиянием таких факторов, как употребление родителями подростков алкоголя, суицидальные попытки одного из родителей. Агрессивное поведение (насилие в семье), а также проявление прямой и косвенной аутоагрессии родителей – важный фактор при формировании самоповреждающего поведения. Наиболее значимый семейный фактор, влияющий на употребление подростками психоактивных веществ, – аутоагрессивное поведение самих родителей.

Ключевые слова: семейные факторы, аутоагрессия, самоповреждающее поведение, суицидальное поведение, употребление психоактивных веществ, группа риска, подростки.

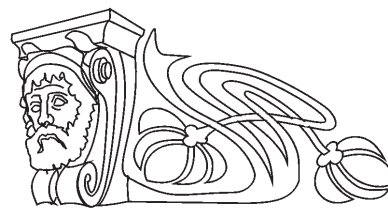
Поступила в редакцию: 05.03.2020 / Принята: 20.05.2020 / Опубликовано: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-302-306>

Введение

Семья является важнейшим институтом социализации и становления личности ребенка. Ее роль на каждом возрастном этапе развития ребенка меняется в соответствии с его возрастными задачами и ведущей деятельностью. В подростковом возрасте отношения в семье могут стать одним из ключевых факторов в развитии девиантного, аутоагрессивного поведения подростков.

Среди негативных семейных факторов, способствующих формированию аутоагрессивного поведения подростков, необходимо отметить аутоагрессивное поведение самих родителей (употребление психоактивных веществ, суицидальное и самоповреждающее поведение), патологическое воспитание (авторитарное, безнадзорное, «кумир семьи»), неблагоприятный психологический климат (ссоры, частые конфликты, скандалы) [1, 2].

По данным исследователей, 47–62% подростковых суицидов связано с проблемами в семье (конфликты, факты насилия); около 90% подростков с суицидальным поведением воспитывались в жестких условиях [3]; 40% – выросли в асоциальных семьях; 60% – воспитывались в неполных семьях, где развод родителей приходился на период дошкольного детства [4].

К видам аутоагрессивного поведения подростков относят как прямые, так и косвенные формы. Прямые формы аутоагрессии включают суицидальное и самоповреждающее поведение, косвенные – употребление психоактивных веществ (ПАВ), рискованное поведение [5, 6]. Подростковая аутоагрессия характеризуется полиморфными проявлениями, т. е. нанесением подростками разных видов физического вреда своему организму: суицидальное поведение нередко сочетается с употреблением ПАВ и самоповреждениями. Вместе с тем можно выделить преобладающий тип аутоагрессивного поведения у подростка. Вопрос о том, что влияет на предпочтение подростков при выборе того или иного вида аутоагрессивного поведения и каков вклад семейных факторов в данный процесс, остается недостаточно исследованным.

Цель исследования – выявление социально-психологической специфики семей подростков с разными видами аутоагрессивного поведения (самоповреждающего, суицидального, употребления ПАВ, рискованного).

Материалы и методы

Количество испытуемых составило 1977 чел. в возрасте 10–18 лет, из них – 1010 мальчиков, 967 девочек.

Применялись следующие опросники для определения преобладающего вида аутоагрессивного поведения. Для выявления риска прямых аутоагрессивных форм использовались «Методика модификации тела и самоповреждения» [5], методика «Суицидальная личность-19» [7]. Для установления косвенных форм аутоагрессии применялись «Экспресс-тест на выявление осведомленности и отношения подростков к употреблению ПАВ», разработанный специалистами НМИЦ ПН им. В. П. Сербского, тест «Группа риска наркозависимости» [8].

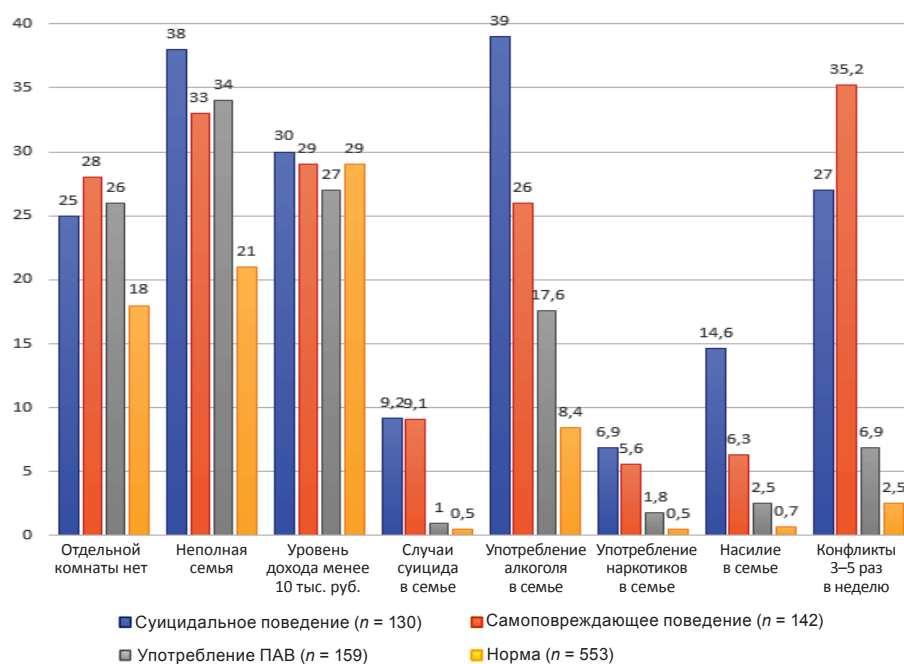
В целях исследования социально-психологических особенностей семей подростков использовалась анкета, включающая социально-демографические данные по следующим параметрам: тип семьи (полная, неполная), количество человек в семье, проживание с прародителями, материальное положение, завершённые суициды в семье, злоупотребление родителями алкоголем и наркотиками, случаи насилия и частота конфликтов в семье.

Для статистической обработки эмпирических данных применялись программа SPSS17, методы описательной статистики; факторный анализ, *U*-критерий Манна – Уитни.

Результаты

В ходе анализа полученных психодиагностических результатов были выделены 3 группы риска, включающие подростков с преобладающими формами аутоагрессии: самоповреждающее поведение ($n = 142$), суицидальное поведение ($n = 130$), употребление ПАВ ($n = 159$), а также контрольная группа с нормативным поведением ($n = 556$). Оставшаяся группа испытуемых ($n = 990$) не была включена в исследование, так как у данных респондентов были выявлены показатели, соответствующие уровням «тенденция к риску» и «условная норма».

По результатам проведенного исследования было установлено, что подростки по всем группам риска отличаются от группы с нормативным поведением следующими особенностями: в группах риска 1/3 семей имеют неполный состав, отягощенный аутоагрессивными видами поведения (в анамнезе). Во всех группах риска зафиксирован высокий процент семей, в которых родители подростков употребляют алкоголь (рисунок).

Процентные показатели социально-демографических и психосоциальных характеристик семей подростков с рисками самоповреждающего, суицидального поведения и употребления психоактивных веществ (цвет online)

Percentages of socio-demographic and psychosocial characteristics of adolescent families with risks of self-harming, suicidal behavior and substance use (color online)

Выявлены социально-психологические различия семей подростков с аутоагрессивным поведением по сравнению с контрольной группой. Подростки с риском самоповреждающего поведения в 35% случаев проживают в семьях с

высокой частотой конфликтов (2-3 раза в неделю; $z = 6,6$, $p = 0,000$). У подростков с суицидальным и самоповреждающим поведением в 9% случаев отмечалось суицидальное поведение родителей ($p = 0,04$). Родители подростков с

высокими рисками суицидального поведения злоупотребляют алкоголем в 39% случаев ($z = 5,6$, $p = 0,000$), применяют насилие к членам семьи в 15% случаев ($z = 2,42$, $p = 0,01$). Не установлено существенных различий по показателям материального благосостояния семьи в группах риска и группе нормы.

Для выявления роли разных социально-психологических характеристик семьи, влияющих на формирование разных видов аутоагрессивного поведения подростков, проводился факторный анализ (способ вращения – Варимакс). Количество факторов сокращалось до 3-х. Рассматривались переменные с весами не ниже 0,5 (таблица).

Социально-психологические факторы семьи, влияющие на формирование разных видов аутоагрессивного поведения подростков
Socio-psychological factors of the family that influence the formation of different types of autoaggressive behavior of adolescents

Факторы	Подростки с риском суицидального поведения	Подростки с риском самоповреждающего поведения	Подростки с риском употребления ПАВ
Фактор 1	Злоупотребление алкоголем в семье	Агрессивное и аутоагрессивное поведение членов семьи	Аутоагрессивное поведение семьи
Объясняемый % дисперсии	28,1	38,5	32,7
Фактор 2	Низкий материальный уровень семьи	Низкий материальный уровень семьи	Неполная семья
Объясняемый % дисперсии	12,3	11,4	10,77
Фактор 3	Суицидальное поведение родителей подростков	Неполная семья	Низкий материальный уровень семьи
Объясняемый % дисперсии	10,86	10,35	10,28

По результатам факторного анализа в группе подростков с суицидальным поведением выявлена 3-факторная структура, объясняющая 51% дисперсии. Фактор 1 представлен показателем «злоупотребление алкоголем в семье» (0,70); фактор 2 – показателем «низкий материальный уровень семьи» (-0,74); фактор 3 – показателем «суицидальное поведение родителей подростков» (0,855).

В группе подростков с самоповреждающим поведением 3-факторная структура объясняет 60% дисперсии. Фактор 1 – «агрессивное и аутоагрессивное поведение семьи» – включает сочетание нескольких переменных: злоупотребление родителями подростков алкоголем (0,911) и наркотиками (0,76); случаи насилия в семье (0,84); частые конфликты (0,85). Данный фактор объясняет 39% дисперсии. Фактор 2 включает одну переменную – «материальный уровень семьи» (0,82). Фактор 3 представлен переменной «неполная семья» (0,85).

В группе подростков с употреблением ПАВ 3-факторная структура объясняет 54% дисперсии. Фактор 1 – «аутоагрессивное поведение семьи» объясняет 33% дисперсии, включает такие переменные, как злоупотребление наркотиками (0,93), алкоголем (0,77); случаи суицида в семье (0,75); фактор 2 представлен переменной «не-

полная семья» (0,85); фактор 3 – переменной «низкий материальный уровень семьи» (-0,94).

Обсуждение результатов

В соответствии с концепцией Б. С. Положего особенности семьи относятся к факторам суицидального поведения второго ранга, уступая место клиническим, биологическим и личностно-психологическим детерминантам [9]. К семейным особенностям можно отнести целый ряд переменных, таких как структурные и функциональные характеристики, материальное положение семьи, клинические и психологические особенности (суициды, злоупотребление ПАВ, неблагоприятная психоэмоциональная обстановка и др.).

В проведенном исследовании удалось оценить вклад данных переменных в формирование разных видов аутоагрессивного поведения, что позволило лучше понять специфику механизма формирования суицидального, самоповреждающего поведения и употребления подростками ПАВ. К семейным механизмам, детерминирующим самоповреждающее поведение подростков, относится целый комплекс агрессивных и аутоагрессивных проявлений со стороны родителей: употребление разных видов ПАВ, конфликты, факты насилия в семье. Основной детерминантой усиления у подростков суицидальных

рисков является алкоголизация родителей. В формировании риска употребления подростками психоактивных веществ большую роль играет такая переменная, как наличие суицидальных попыток в семейном анамнезе, в то время как рядом исследователей она оценивается как наиболее значимая для формирования суицидального поведения [10, 11].

Помимо специфичных комбинаций переменных внутри факторов, выявлено, что общей особенностью семей подростков с аутоагрессивным поведением является склонность к употреблению психоактивных веществ. Это не только отличительный признак многих родителей подростков, предрасположенных к аутоагрессивному поведению, но и значимая переменная внутри семейных факторов, влияющих на подростковые девиации в целом. Таким образом, профилактика употребления ПАВ в семьях, адресованная родителям подростков, может рассматриваться как один из действенных инструментов для превенции подростковой аутоагрессии.

Выводы

Специфика аутоагрессивного поведения подростков формируется под влиянием различных семейных факторов. Родители подростков с суицидальным поведением отличаются употреблением алкоголя и наркотиков, суицидальным поведением, использованием насильственных действий по отношению к членам семьи. Семьи подростков с высоким уровнем риска самоповреждающего поведения отличаются повышенной конфликтностью. В семьях подростков с употреблением ПАВ показатели аналогичных социально-психологических характеристик семьи выше, чем в группе нормы, но ниже, чем в группах подростков с рисками прямого аутоагрессивного поведения.

Специфическими факторами, влияющими на формирование суицидального поведения подростков, являются злоупотребление родителями алкоголя и их суицидальное поведение. Самоповреждающее поведение подростков формируется под воздействием агрессивного поведения (насилие в семье), а также при проявлении прямой и косвенной аутоагрессии родителей. Значимым фактором, влияющим на употребление подростками психоактивных веществ, является, прежде всего, аутоагрессивное поведение самих родителей.

Список литературы

1. Лукашук А. В., Меринов А. В. Родительская аутоагрессия : связь с суицидальной активностью их потомства // Российский медико-биологический вестник имени академика И. П. Павлова. 2017. Т. 25, № 1. С. 86–96.
2. Лукашук А. В. Роль семейного функционирования в генезе суицидальной активности детей // Академический журнал Западной Сибири. 2016. Т. 12, № 3. С. 90–92.
3. Панченко Е. А., Положий Б. С. Суицидальная ситуация среди детей и подростков в России // Российский психиатрический журнал. 2012. № 1. С. 52–56.
4. Таранова Е. И. Семья как фактор, влияющий на формирование аутоагрессивного, суицидального поведения в подростковом возрасте // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Медицина. Фармация. 2011. Т. 14, № 10 (105). С. 44–50.
5. Польшая Н. А. Феноменология и функции самоповреждающего поведения при нормативном и нарушенном психическом развитии : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2017. 423 с.
6. Григорьева А. А. Социально-демографические характеристики подростков с рисками аутоагрессивного поведения // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/06PSMN419.pdf> (дата обращения: 04.02.2020).
7. Юнацкевич П. И., Гилинский Я. И. Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии : учеб. пособие / под ред. В. А. Кулчанова. СПб. : Сев.-зап. регион. мед. лечеб.-диагност. центр, 1999. 338 с.
8. Хасан Б. И., Дюндик Н. Н., Федоренко Е. Ю., Кухаренко И. А., Привалихина Т. И. Образование в области профилактики наркозависимости и других аддикций : Организационно-методическое пособие. Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 2003. 335 с.
9. Положий Б. С. Концептуальная модель суицидального поведения // Суицидология. 2015. Т. 6, № 1 (18). С. 3–7.
10. Холмогорова А. Б., Воликова С. В. Основные итоги исследований факторов суицидального риска у подростков на основе психосоциальной многофакторной модели расстройств аффективного спектра // Медицинская психология в России. 2012. Т. 2. URL: http://www.medpsy.ru/mpj/archiv_global/2012_2_13/nomer/pomer11.php (дата обращения: 06.02.2020).
11. Банников Г. С., Павлова Т. С., Кошкин К. А., Летова А. В. Потенциальные и актуальные факторы риска развития суицидального поведения подростков (обзор литературы) // Суицидология. 2015. Т. 6, № 4 (21). С. 21–32.

Образец для цитирования:

Григорьева А. А. Социально-психологическая специфика семей подростков с различными видами аутоагрессивного поведения // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 302–306. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-302-306>

Socio-Psychological Specificity of Families of Adolescents with Various Types of Autoaggressive Behavior

A. A. Grigorieva

Alexandrina A. Grigorieva, <https://orcid.org/0000-0002-5204-4887>, Federal State Budgetary Institution «V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology» of the Ministry of Health of the Russian, 23 Kropotkinsky per., Moscow 119034, Russia, alexandrina_gr@mail.ru

The article is devoted to the study of the specifics of socio-psychological characteristics of families of adolescents with different types of autoaggressive behavior. The study involved 1,977 people, aged 10–18 years. Methods were used to identify the risks of suicidal, self-harming behavior, use of substances, as well as a questionnaire to study the socio-psychological characteristics of adolescent families. As a result of the study, it was revealed that families of adolescents with autoaggressive behavior have an incomplete composition, burdened with a history of direct and indirect autoaggressive behaviors. Distinctive features of socio-psychological characteristics of families of adolescents with different types of autoaggression risks are highlighted: high level of conflict in families of adolescents with risks of self-harm; alcohol abuse and suicidal attempts by parents of adolescents with suicidal behavior. The specific influence of family factors in different forms of autoaggressive behavior was revealed. Suicidal behavior of teenagers is formed mainly under the influence of such factors as the use of alcohol by parents of teenagers, suicidal attempts of one of the parents. Aggressive behavior (domestic violence), as well as the manifestation of direct and indirect autoaggression of parents is an important factor in the formation of self-harming behavior. The most significant family factor affecting the use of psychoactive substances by adolescents is the autoaggressive behavior of the parents themselves.

Keywords: family factors, autoaggression, self-harming behavior, suicidal behavior, substance use, risk group, adolescents.

Received: 05.03.2020 / Accepted: 20.05.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Lukashuk A. V., Merinov A. V. Parental aggression: the link with suicidal activity in their offspring. *Rossiyskiy mediko-biologicheskiy vestnik imeni akademika I. P. Pavlova* [I. P. Pavlov Russian Medical and Biological Herald], 2017, vol. 25, no. 1, pp. 86–96 (in Russian).
2. Lukashuk A. V. The role of family functioning in the Genesis of suicidal activity in children. *Akademicheskii zhurnal Zapadnoy Sibiri* [Academic Journal of Western Siberia], 2016, vol. 12, no. 3, pp. 90–92 (in Russian).
3. Panchenko E. A., Polozhiy B. S. The situation of suicide among children and adolescents in Russia. *Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal* [Russian Psychiatric Journal], 2012, no. 1, pp. 52–56 (in Russian).
4. Taranova E. I. Family as a factor influencing the formation of auto-aggressive, suicidal behavior in adolescence. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Bulletin of Belgorod State University. Ser. Meditsina. Farmatsiya], 2011, vol. 14, no. 10 (105), pp. 44–50 (in Russian).
5. Pol'skaya N. A. *Fenomenologiya i funktsii samopovrezhdayushchego povedeniya pri normativnom i narushennom psikhicheskom razvitii* [Phenomenology and functions of self-harming behavior in normative and disturbed mental development]. Diss. Dr. Sci. (Psychol.). Moscow, 2017. 423 p. (in Russian).
6. Grigorieva A. A. Socio-demographic characteristics of adolescents with risks of autoaggressive behavior. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* (World of Science. Pedagogy and Psychology), 2019, no. 4. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/06PSMN419.pdf> (accessed 4 February 2019) (in Russian).
7. Yunatskevich P. I., Gilinskiy Ya. I. *Sotsiologicheskiye i psikhologo-pedagogicheskiye osnovy suitsidologii: ucheb. posobiye* [Sociological and psychological-pedagogical bases of suicidology]. Ed. by V. A. Kulchanov. St. Petersburg, Sev.-zap. region. med. lecheb.-diagnost. tsentr Publ., 1999. 338 p. (in Russian).
8. Khasan B. I., Dyundik N. N., Fedorenko E. Yu., Kukhareno I. A., Privalikhina T. I. *Obrazovaniye v oblasti profilaktiki narkozavisimosti i drugikh addiksiy: Organizatsionno-metodicheskoye posobiye* [Education in the field of prevention of drug addiction and other addictions: Organizational and methodological guide]. Krasnoyarsk, Krasnoyar. gos. un-t Publ., 2003. 335 p. (in Russian).
9. Polozhiy B. S. Conceptual model of suicidal behavior. *Suitsidologiya* [Suicidology], 2015, vol. 6, no. 1 (18), pp. 3–7 (in Russian).
10. Kholmogorova A. B., Volikova S. V. Main results of research on suicide risk factors in adolescents based on a psychosocial multi-factor model of affective spectrum disorders. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical psychology in Russia], 2012, vol. 2. Available at: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2012_2_13/nomer/nomer11.php (accessed 6 February 2020) (in Russian).
11. Bannikov G. S., Pavlova T. S., Koshkin K. A., Letova A. V. Potential and current risk factors for developing suicidal behavior in adolescents (literature review). *Suitsidologiya* [Suicidology], 2015, vol. 6, no. 4 (21), pp. 21–32 (in Russian).

Cite this article as:

Grigorieva A. A. Socio-Psychological Specificity of Families of Adolescents with Various Types of Autoaggressive Behavior. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 302–306 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-302-306>

УДК 159.9

Результаты разработки методики для исследования экономической активности

Е. В. Забелина, Ю. В. Честюнина

Забелина Екатерина Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Челябинский государственный университет, katya_k@mail.ru

Честюнина Юлия Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Челябинский государственный университет, chestyunina@list.ru

В статье представлены результаты разработки и апробации экспресс-методики исследования экономической активности. В процессе теоретического анализа было выделено четыре подхода к изучению экономической активности, один из которых – сугубо психологический. В рамках данного подхода сформулировано определение экономической активности как свойства субъекта, проявляющегося в степени интенсивности и инициативы во взаимодействии с объектами экономической действительности (в качестве потребителя, предпринимателя, наемного работника, заемщика, инвестора и т.д.). Предложена теоретическая структура экономической активности, состоящая из трех компонентов: когнитивного (активность в поиске информации для принятия решений в экономической сфере), мотивационно-волевого (уверенность в собственной способности управлять экономической ситуацией, интернальный экономический локус контроля) и поведенческого (проявление активности в повседневном экономическом поведении). Подробно описана процедура разработки и статистической проверки методики «Опросник экономической активности». Результаты эксплораторного и конфирматорного факторного анализа ($N = 489$), а также результаты корреляционного анализа подтвердили факторную и конвергентную валидность трех шкал разработанной методики. Опросник демонстрирует приемлемый уровень надежности шкал по внутренней согласованности. Обсуждаются перспективы применения методики в психолого-экономических исследованиях.

Ключевые слова: экономическая активность, экономическое поведение, методика, студенческая молодежь, когнитивная экономическая активность, экономический локус контроля, активность в поведении.

Поступила в редакцию: 11.05.2020 / Принята: 20.05.2020 / Опубликовано: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-307-314>

Введение

На современном этапе социально-экономического развития страны одной из важных задач является повышение экономической активности населения. Она определяется особенностями

русской экономики, в числе которых нестабильность рынка труда, трудности в сфере малого бизнеса. Поэтому актуальность изучения экономической активности граждан в России как неотъемлемой черты рыночной экономики не вызывает сомнения.

Необходимость исследования экономической активности молодежи обусловлена рядом факторов. Во-первых, молодые люди составляют около 35% трудоспособного населения России [1]. Во-вторых, сегодняшние юноши и девушки – это будущее страны и от стартовых условий их деятельности зависит ее последующее развитие. Молодежь уже сегодня во многом определяет политические, экономические и социальные структуры нашего общества. В-третьих, это одна из наиболее уязвимых групп на рынке труда. Отсутствие практического опыта может приводить к ошибкам в профессиональной деятельности, что может послужить барьером для дальнейшего развития. Невзирая на остроту проблемы, изучению экономической активности молодежи уделяется недостаточно внимания в психологической науке.

Несмотря на то, что термин «экономическая активность» во многих исследованиях, в том числе психологических [2], стал довольно распространенным, он редко находит развернутое психологическое объяснение. Отдельные попытки определения экономической активности разрознены и противоречивы. Естественно, что и методы психодиагностики данного феномена недостаточно разработаны. Настоящее исследование призвано частично восполнить этот пробел. Цель его состоит в разработке психодиагностического инструмента, направленного на выявление параметров экономической активности, а также эмпирической проверке его валидности и надежности.

Теоретические подходы к изучению экономической активности

В ходе теоретического анализа конструкта экономической активности в науке было выявлено четыре подхода к определению и интерпретации данного феномена.

Первый подход, наиболее распространенный в экономической статистике и социологии, трактует понятие «экономическая активность» как

показатель соотношения занятых и безработных людей трудоспособного возраста в различных слоях населения. Экономическая активность в таком понимании характеризует включенность человека в трудовую сферу. Плюс этого подхода состоит в том, что он позволяет изучать большие массивы данных, характеризующих уровень занятости и безработицы, но только с одного ракурса – экономического поведения (трудового или профессионального), не позволяя всесторонне раскрыть психологическую суть феномена.

В рамках данного подхода рассматривается уровень экономической активности женщин в России [3, 4], а также экономическая активность старших возрастных групп [5, 6]. Исследуя экономическую активность в пожилом возрасте, авторы отождествляют ее с готовностью осуществлять трудовое поведение (работа, трудовая занятость) в позднем возрасте.

Второй подход к определению и изучению экономической активности применяется в исследованиях трудового поведения людей в организациях – экономическая активность работников [7, 8 и др.]. Экономическая активность в данном подходе приравнивается к деловой активности, под которой понимается, например, «нравственно-этическое качество личности, выражающееся как *интенсивная деятельность* в сфере профессии и должности» [8, с. 216]. Экономическая (деловая) активность характеризуется ответственностью за результат труда, а также осведомленностью в своей профессиональной сфере. То есть в данном подходе экономическая активность также ограничивается только одним видом экономического поведения – трудовым (или деловым).

Третий подход к пониманию экономической активности рассматривает ее как предпринимательскую деятельность и личностные качества, необходимые для ее реализации. Показательным для данного подхода является определение, содержащееся в словаре бизнес-терминов: экономическая активность – это «экономическая деятельность, заключающаяся в организации и развитии производства или оказании услуг; свойства человеческой личности, заключающиеся в предприимчивости, инициативе, активности, подвижности» [9, с. 3]. Здесь экономическая активность понимается как условие реализации предпринимательской деятельности, а также и сама эта деятельность.

В западной литературе оперирование понятием «экономическая активность» менее заметно. В основном исследования сводятся к изучению предпринимательской активности. Так, существуют разработки восприятия экономической активности на примере стран Западной

и Восточной Европы [10]. В качестве критерия, характеризующего экономическую активность, авторы выделяют разграничение деятельности предпринимателя и наемного работника. Экономическая активность в данном случае напрямую связана с предпринимательской деятельностью, или самозанятостью.

Четвертый подход к изучению экономической активности предлагают психологи. Однако в рамках этого подхода также не обнаружено единого понимания рассматриваемого феномена. А. Л. Журавлев и А. Б. Купрейченко разводят понятия «экономическая активность» и «деловая активность» (в бизнесе). Авторы обозначают субъектов экономической активности – это «предприниматели, менеджеры, наемные работники и организации» и дают определение деловой активности: это «экономическое поведение, направленное на повышение доходов» [2, с. 88].

В рамках данного подхода изучаются условия развития экономической активности [11], где она понимается широко и отождествляется с такими характеристиками, как целеустремленность, мотивация достижения и др. Выделяют уровни экономической активности согласно критерию ее интенсивности [12]. С. Л. Вершинина, О. В. Викторова и И. Н. Воробьева, подчеркивая взаимосвязь социальной и экономической активности, предлагают следующее определение: «Социально-экономическая активность – то деятельное отношение человека к жизни общества, в котором он выступает как инициатор в социальной и экономической сферах жизнедеятельности, стремящийся к социально полезным действиям» [13, с. 26]. Согласно Н. А. Курдюковой и Т. В. Коростелевой, экономическая активность – это «одна из форм активности, реализуемая ситуативно, отражающая внутреннюю готовность человека к действию, запускающая при внешнем стимуле программу принятия решения» [14, с. 218]. Авторы связывают понятия «активность» и «результативность» (эффективность) при использовании ресурсов [14, с. 209–212]. Таким образом, несмотря на различия в определениях, все исследователи так или иначе говорят о том, что экономическая активность связана с проявлением *инициативы*.

Одной из наиболее проработанных концепций экономической активности в рамках четвертого подхода можно считать точку зрения Н. В. Ротмановой [15]. Понимая активность вслед за В. А. Петровским [16] и И. А. Джидарьян как «совокупность обусловленных индивидуальными моментами движения, обеспечивающих становление, реализацию, развитие и видоизменение деятельности», она определяет экономическую активность как «сложное многокомпонентное

образование, уровень, меру взаимодействия субъекта с объектами экономической действительности; интенсивность и качественное наполнение распоряжения субъектами ограниченными ресурсами, способ самовыражения и самоосуществления личности в жизни, включенной в экономические отношения не только производства, обмена и распределения, но также сбережения и потребления» [15]. Согласно Н. В. Ротмановой следует разделять виды экономической активности: «активность потребления» и «активность инвестирования» [15].

Анализ представленных подходов позволил сформулировать авторское определение экономической активности как свойство субъекта, проявляющееся в степени интенсивности и инициативы во взаимодействии личности и объектов экономической действительности (в качестве потребителя, предпринимателя, наемного работника, заемщика, инвестора и т.д.). Данное понимание позволяет выделить в структуре экономической активности когнитивный компонент (активность в поиске новой информации для принятия решений в экономической сфере), мотивационно-волевой (уверенность в собственной способности управлять экономической ситуацией, интернальный локус контроля в экономике) и поведенческий компонент (проявление инициативности в повседневном экономическом поведении). Основная функция экономической активности заключается в разрешении противоречий, трудностей человеком в экономической сфере.

Разработка утверждений опросника

Опираясь на сформулированное определение активности, мы предположили, что обязательные ее проявления в экономическом поведении будут связаны с инициированием поведения, направленного на поиск информации в этой сфере, необходимой для принятия решений. Другими словами, одним из показателей активности человека в экономической сфере является его «неравнодушные», интерес и целенаправленная деятельность по самоинициированному (происходящему по его внутреннему желанию) поиску информации в этой сфере – сведений о том, что происходит на рынке товаров, услуг, компаний и их акций, изменениях цен и пр. Этот конструкт, отражающий когнитивный компонент экономической активности – «активность в поиске информации в экономической сфере», находит выражение в ряде сформулированных утверждений и представляет собой первую шкалу опросника.

Активность человека поддерживается верой в то, что он способен влиять на окружающую действительность, преобразуя ее, т. е. он сам может выступать субъектом экономической деятельности

[17]. Отражением данного утверждения является вторая шкала опросника, воплощающая конструкт «интернального локуса контроля в экономической сфере», или мотивационно-волевой компонент экономической активности. Люди, убежденные в том, что они могут изменять ситуацию под свои экономические запросы, в большей степени склонны проявлять экономическую активность – вступать в переговоры, организовывать встречи, инвестировать или сберегать средства, начинать собственное дело и т.д. Таким образом, мы предположили, что интернальный экономический локус контроля является одним из показателей экономической активности, выступая в качестве ее мотивационно-волевого компонента.

Поскольку экономическая активность – это один из видов активности человека, а человек представляет собой целостную самоорганизованную систему, то логично предположить, что личность, характеризующаяся высокой степенью общей социальной активности, вероятно будет проявлять ее в различных сферах экономической жизни (в роли потребителя товаров и услуг, в роли заемщика, инвестора, наемного работника и т.д.). То есть необходимо было включить в опросник шкалу, отражающую поведенческий компонент экономической активности, представленную через регулярное (повседневное) проявление активности.

В качестве отдельного типа (уровня) экономической активности можно выделить деловую активность [2], которую проявляет человек, занимаясь предпринимательской деятельностью. Однако утверждения, связанные с предпринимательской деятельностью, не набрали необходимого веса на пилотажном этапе исследования, не вошли в отдельный фактор, поэтому были исключены из финальной версии опросника.

На этапе разработки опросника было сформулировано 25 утверждений и респондентам было предложено выразить степень согласия (несогласия) с ними по 7-балльной шкале Лайкерта. После проведения пилотного этапа исследования и факторизации данных часть утверждений, не нашедших отражения в факторной структуре данных, была удалена. Итоговый вариант опросника содержит 12 утверждений (приложение), которые равномерно распределились в три фактора.

С целью проверки надежности и валидности «Опросника экономической активности» было проведено исследование с участием 489 чел. Респонденты являлись студентами программ бакалавриата (факультетов психологии, педагогики, управления, экономики, лингвистики, математики). Возраст респондентов – от 18 до 26 лет, 36% составили юноши. 43% студентов имели опыт наемной работы.

Результаты эмпирической проверки

На этапе обработки данных проверялась степень валидности и надежности опросника с помощью статистического пакета SPSS 24.0. Для

обоснования факторной валидности проводился эксплораторный факторный анализ (метод максимального правдоподобия, вращение Варимакс), результаты которого представлены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Факторная структура опросника экономической активности
Factor structure of the economic activity questionnaire

Утверждения	Факторный анализ		
	1	2	3
ЭА7. Когда что-то меняется в экономической жизни страны, я хотел (а) бы узнавать об этом одним (одной) из первых	,804	,087	,132
ЭА5. Я стараюсь быть в курсе событий экономической и финансовой жизни в стране и в мире	,803	,082	,180
ЭА13. Мне нравится анализировать ситуацию на рынке – изучать, что происходит в разных компаниях	,775	,004	,148
ЭА11. Я никогда не упущу возможность обсудить со знакомыми новости в экономике	,755	–,043	,173
ЭА1. Я стремлюсь повышать свои знания в области экономики	,667	,136	,203
ЭА9. Я считаю, что любой человек обязан следить за экономическими событиями в стране и в мире	,662	,189	,069
ЭА3. Меня слабо волнуют вопросы экономической жизни страны и мира	–,354	–,042	,014
ЭА6. Я уверен (а), что уровень дохода полностью зависит от активности самого человека	,055	,879	,170
ЭА4. Я считаю, что успех в финансовых делах напрямую зависит от активности человека	,060	,804	,138
ЭА8. Думаю, что финансовый успех приходит только к активным людям	,155	,671	,278
ЭА10. Обо мне сложилось мнение как о человеке, который не сидит без дела	,129	,174	,731
ЭА12. Меня считают активным человеком, который может повлиять на ситуацию	,112	,130	,730
ЭА2. Мне нравится вносить что-то новое в свою деятельность	,172	,230	,475
Доля объяснимой дисперсии, %	27,38	15,70	12,04

Эксплораторный факторный анализ утверждений опросника позволил выделить 3 фактора, в совокупности объясняющих 55,12% общей дисперсии. Единственное утверждение, которое не вошло ни в один фактор с весом более 0,4, «Меня слабо волнуют вопросы экономической жизни страны и мира» (ЭА3). Возможно, данный результат связан с тем, что утверждение отличается от остальных пунктов опросника отрицательной формулировкой, а также связано с социальной желательностью.

В первый фактор, названный «Когнитивная экономическая активность», вошли 6 утверждений, отражающих степень активности человека в сборе экономических новостей, степень интереса к событиям, происходящим в экономической сфере, а также стремление к получению новой информации в этой области посредством чтения специальной литературы и разговоров с экспер-

тами. Можно заключить, что данный фактор отражает когнитивный компонент экономической активности.

Второй фактор «Экономический локус контроля» объединил 3 утверждения с высокими весами. Данный фактор отражает убежденность респондентов в прямой связи личной активности и финансового успеха, уверенность человека в том, что он сам может влиять на свою финансовую ситуацию. Можно заключить, что данный фактор характеризует мотивационно-волевой компонент экономической активности.

Третий фактор «Активность в поведении» демонстрирует готовность (или неготовность) респондентов менять поведение в ответ на внешние вызовы, быть активным в противоположность пассивному поведению. Данный фактор, объединивший 3 утверждения с достаточно высокими нагрузками, отражает поведенческий компонент

экономической активности. Таким образом, эмпирическая структура опросника подтвердила теоретический конструкт.

Далее с целью проверки и корректировки факторной валидности шкал методики был проведен конфирматорный факторный анализ, который констатировал итоговую (апостериорную) модель экономической активности, состоящую из трех факторов и хорошо соответствующую исходным данным по показателям индексов согласия: $CMIN = 110,522$; $df = 41$; $p = 0,000$; $GFI = 0,965$; $CFI = 0,975$; $RMSEA = 0,059$. Оцениваемые параметры модели оказались статистически достоверны: регрессионные коэффициенты ($p < 0,001$), дисперсии латентных переменных (шкал) ($p < 0,001$) и ковариаций (корреляций) между ошибками ($p < 0,01$). Корреляции между всеми шкалами также показали статистическую достоверность ($p < 0,01$).

Далее осуществлялась проверка надежности шкал по внутренней согласованности входящих в них утверждений с применением коэффициента альфа Кронбаха для каждой шкалы: «Когнитивная экономическая активность» ($\alpha = 0,893$), «Экономический локус контроля» ($\alpha = 0,850$), «Активность в поведении» ($\alpha = 0,717$), итоговый показатель экономической активности ($\alpha = 0,827$). Можно утверждать, что разработанный опросник показывает приемлемый уровень надежности.

С целью проверки конвергентной валидности методики на части выборки (339 чел.) проводился корреляционный анализ со шкалами «Опросника экономических аттитюдов» О. С. Дейнека, Е. В. Забелиной и «Шкалы денежных убеждений и поведения», а также со шкалой субъективного дохода А. Фёнева.

Результаты корреляционного анализа показали положительные корреляции на высоком уровне значимости интегрального показателя экономической активности и субъективно оцениваемого личного дохода ($r = 0,379$, $p < 0,001$). Чем выше уровень экономической активности студентов, тем выше они оценивают уровень своего дохода. Данная взаимосвязь выглядит логичной для интерпретации, поскольку систематическое проявление активности для повышения уровня своего дохода в действительности показывает положительные результаты в этой сфере.

Экономическая активность, измеряемая разработанным инструментом, положительно взаимосвязана почти со всеми диагностируемыми экономическими аттитюдами (удовлетворение в сфере потребления ($r = 0,220$, $p < 0,001$), стремление к сбережению ($r = 0,207$, $p < 0,001$),

уверенность в будущем благодаря сбережениям ($r = 0,271$, $p < 0,001$), финансовая грамотность ($r = 0,259$, $p < 0,001$), потребительская активность ($r = 0,221$, $p < 0,001$), готовность инвестировать ($r = 0,217$, $p < 0,001$), активность и рациональность в банковской сфере ($r = 0,154$, $p = 0,004$), познавательная экономическая активность ($r = 0,477$, $p < 0,001$), финансовый оптимизм ($r = 0,408$, $p < 0,001$), социальная ответственность богатства ($r = 0,229$, $p < 0,001$) и отрицательно взаимосвязана с параметром инвестиционной неграмотности ($r = -0,200$, $p < 0,001$). Полученные результаты позволяют говорить о том, что экономическая активность действительно проявляется в различных сферах экономической жизни и экономического поведения (финансовое, трудовое, потребительское). Кроме того, экономическая активность стимулируется стремлением повышать финансовую грамотность, создавать сбережения ради будущего и готовностью справедливо распределять доходы, делиться своими доходами с другими.

Помимо этого, интегральный показатель экономической активности зафиксировал корреляцию с некоторыми аспектами отношения к деньгам. Например, обнаружена положительная взаимосвязь экономической активности и степени согласия со следующими утверждениями: «Я считаю, что заработок человека зависит от его способностей и усилий» ($r = 0,374$, $p < 0,001$), «Я внимательно разглядываю оформление купюр и монет» ($r = 0,288$, $p < 0,001$), «Я горжусь своей способностью сохранять деньги» ($r = 0,158$, $p = 0,032$), «Я всегда знаю, сколько я накопил» ($r = 0,171$, $p = 0,020$), «Мое финансовое положение лучше, чем думают большинство моих друзей» ($r = 0,257$, $p < 0,001$), «Я часто использую деньги, чтобы влиять на соперников или врагов» ($r = 0,278$, $p < 0,001$), «Я обычно чувствую себя лучше тех, кто имеет меньше денег» ($r = 0,161$, $p = 0,030$), «Я веду учет своих расходов и доходов» ($r = 0,201$, $p = 0,006$), «Я торгуюсь из-за цены при покупках, если есть возможность» ($r = 0,231$, $p = 0,003$), «Я всегда точно знаю, сколько денег у меня есть с собой» ($r = 0,217$, $p = 0,003$), «Я думаю о деньгах чаще, чем другие» ($r = 0,155$, $p = 0,039$). Результаты корреляционного анализа показывают, что экономическая активность связана с повышенным интересом и вниманием к деньгам, осознанным и рациональным отношением к ним, стремлением к накоплению и финансовой удовлетворенностью.

В заключение вычислялись описательные статистики отдельно на выборках юношей и девушек. Данные приведены в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

Описательные статистики
Descriptive statistics

Шкалы опросника экономической активности	Юноши				Девушки			
	Мин	Макс	М	Б	Мин	Макс	М	Б
Когнитивный компонент	1,00	6,83	4,30	1,40	1,00	6,67	3,22	1,30
Мотивационно-волевой компонент	1,33	7,00	5,18	1,35	1,00	7,00	5,06	1,41
Поведенческий компонент	2,00	7,00	4,60	1,18	1,00	7,00	4,36	1,31
Итоговый показатель экономической активности	3,08	6,58	4,70	,77	1,54	6,46	3,97	,959

Заключение

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о достаточной конструктивной и конвергентной валидности, а также о надежности разработанного опросника. Понимание экономической активности как свойства субъекта, характеризующегося уровнем интенсивности и инициативы во взаимодействии с объектами экономической действительности, включающего когнитивный мотивационно-волевой и поведенческий компоненты, подтвердилось эмпирически. Главное преимущество разработанного инструмента состоит в его компактности, простоте заполнения и обработки, что дает возможность применять его в масштабных исследованиях для экспресс-диагностики экономической активности молодежи.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-013-00447 «Концепция экономической социализации представителей молодого и старшего поколения в стареющем обществе»).

Список литературы

1. Залян Е. Г., Павленко И. Г. Молодежь как субъект экономической активности на рынке труда // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 3551–3555. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86748.htm> (дата обращения: 11.11.2019).
2. Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М. : Изд-во ИПРАН, 2003. 436 с.
3. Киселева В. А. Экономическая активность женщин (Региональный аспект) : дис. ... канд. экон. наук. Майкоп, 2005. 189 с.
4. Федорчукова С. Г. Экономическая активность российских женщин // Вестн. Ин-та экономики и антикризисного управления. 2015. № 9. URL: <http://www.ieau.ru/nauka-v-ieau/vestnik-ieau/publikacii-zhurnalavestnik-ieau/vestnik-ieau-n-9/7.-fedorchukova-s.g.-ekonomicheskaya-aktivnost-rossijskih-zhenshhin/> (дата обращения: 07.09.2019).
5. Бурлака Н. П. Факторы, влияющие на экономическую активность пенсионеров // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 11 (53). С. 59–61.
6. Корзина Е.А. Экономическая активность населения старших возрастных групп : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2004. 26 с.
7. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) / под ред. В. С. Безруковой. Екатеринбург : Деловая книга, 2000. 937 с.
8. Шашинов С. А. Экономическая активность работников и условия ее реализации // Социология власти. 2003. № 3. С. 59–68.
9. Словарь бизнес-терминов. Академик.ру. 2001. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/7406> (дата обращения: 20.09.2019).
10. Veldscholte C. M., Kroonenberg P. M., Antonides G. Three-mode analysis of perceptions of economic activities in Eastern and Western Europe // Journal of Economic Psychology. 1998. № 19 (3). P. 321–351.
11. Парамонова Ю. А. Особенности мотивации достижения успеха в юношеском возрасте // Наука через призму времени. 2017. № 8 (8). С. 130.
12. Васильева Е. Н. Формирование экономической активности молодежи в современной России : региональный аспект : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Волгоград, 2016. 50 с.
13. Вершинина С. Л., Викторова О. В., Воробьева И. Н. Социально-экономическая активность молодежи // Череповецкие научные чтения-2013 : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ч. 1 : Литературоведение, лингвистика, СМИ, история, философия, социология, политология. Череповец : Изд-во Череповецкого гос. ун-та, 2014. С. 26–28.
14. Коростелева Т. В., Курдюкова Н. А. Экономическая активность молодежи как социально-психологический феномен // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2015. № 2. С. 208–213.
15. Ротманова Н.В. Структура экономической активности // Международный журнал экспериментального образования. 2009. № 6. С. 30–31.
16. Петровский В. А. Психология неадаптивной активности. М. : ТОО «Горбунок», 1992. 224 с.
17. Вяткин Б. А. Избранные психологические исследования индивидуальности : теория, эксперимент, практика. Пермь : Книжный мир, 2005. 390 с.

ОПРОСНИК ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

Инструкция. Пожалуйста, укажите степень своего согласия или несогласия с приведенными ниже утверждениями о Вас (1 – совершенно не согласен, 7 – полностью согласен). Обведите соответствующую цифру в кружок.

1	Я стремлюсь повышать свои знания в области экономики	1 2 3 4 5 6 7
2	Мне нравится вносить что-то новое в свою деятельность	1 2 3 4 5 6 7
3	Я считаю, что успех в финансовых делах напрямую зависит от активности человека	1 2 3 4 5 6 7
4	Я стараюсь быть в курсе событий экономической и финансовой жизни в стране и в мире	1 2 3 4 5 6 7
5	Я уверен (а), что уровень дохода полностью зависит от активности самого человека	1 2 3 4 5 6 7
6	Когда что-то меняется в экономической жизни страны, я хотел (а) бы узнавать об этом одним (одной) из первых	1 2 3 4 5 6 7
7	Думаю, что финансовый успех приходит только к активным людям	1 2 3 4 5 6 7
8	Я считаю, что любой человек обязан следить за экономическими событиями в стране и в мире	1 2 3 4 5 6 7
9	Обо мне сложилось мнение как о человеке, который не сидит без дела	1 2 3 4 5 6 7
10	Я никогда не упущу возможность обсудить со знакомыми новости в экономике	1 2 3 4 5 6 7
11	Меня считают активным человеком, который может повлиять на ситуацию	1 2 3 4 5 6 7
12	Мне нравится анализировать ситуацию на рынке – изучать, что происходит в разных компаниях	1 2 3 4 5 6 7

Обработка. Для вычисления значений шкал необходимо вычислить среднее арифметическое значение по каждой шкале в соответствии с «ключом»

Ключ

Название шкалы	Номера утверждений
«Когнитивная экономическая активность»	1, 4, 6, 8, 10, 12
«Экономический локус контроля»	3, 5, 7
«Активность в поведении»	2, 9, 11

Образец для цитирования:

Забелина Е. В., Честюнина Ю. В. Результаты разработки методики для исследования экономической активности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 307–314. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-307-314>

Results of the Development of the Economic Activity Inventory

E. V. Zabelina, Yu. V. Chestyunina

Ekaterina V. Zabelina, <https://orcid.org/0000-0002-2365-6016>, Chelyabinsk State University; 129 Brat'yev Kashirinykh St., Chelyabinsk 454001, Russia, katya_k@mail.ru

Yulia V. Chestyunina, <https://orcid.org/0000-0002-8549-8826>, Chelyabinsk State University, 129 Brat'yev Kashirinykh St., Chelyabinsk 454001, Russia, chestyunina@list.ru

The article represents the results of the development and verifying the express method for studying economic activity. As a result of theoretical analysis, four approaches to the study of economic activity were identified, one of which is purely psychological. In the framework of this approach, the definition of economic activity is formulated as the characteristic of a person, manifested in the level of intensity and initiative of the interaction with objects of economic reality (in the role of a consumer, entrepreneur, employee, borrower, investor, etc.). We propose a theoretical structure of economic activity, consisting of three components: cognitive (activity in finding information for making decisions in the economic sphere), motivational-volitional (confidence in one's own ability to manage the economic situation, internal economic

locus of control), and behavioral (manifestation of activity in everyday economic behavior). The procedure for the development and statistical verification of the economic activity inventory is described in detail. The results of exploratory and confirmatory factor analysis ($N = 489$), as well as the results of the correlation analysis confirmed the factor and convergent validity of the three scales of the questionnaire. The scales showed an acceptable level of reliability according to internal consistency. In conclusion, the prospects of applying the questionnaire in psychological and economic research are discussed.

Keywords: economic activity, business activity, economic behavior, inventory, students, cognitive economic activity, economic locus of control, behavioral activity.

Received: 11.05.2020/Accepted: 20.05.2020/Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-013-00447 "The concept of economic socialization of representatives of younger and elder generation in the aging society").

References

1. Zalyan E. G., Pavlenko I. G. Youth as a subject of economic activity in the labor market. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept»* [Scientific and methodological electronic journal "Concept"], 2016, vol. 11, pp. 3551–3555. Available at: <http://e-kontsept.ru/2016/86748.htm> (accessed 11 November 2019) (in Russian).
2. Zhuravlev A. L., Kuprejchenko A. B. *Nravstvenno-psihologicheskaya regulyatsiya ekonomicheskoy aktivnosti* [Moral and psychological regulation of economic activity]. Moscow, IPNAN Publ., 2003. 436 p. (in Russian).
3. Kiseleva V. A. *Ekonomicheskaya aktivnost zhenshchin (Regionalnyy aspekt)* [Women's Economic Activity (Regional Aspect)]. Diss. Cand. Sci. (Econ.). Maykop, 2005. 189 p. (in Russian).
4. Fedorchukova S. G. The economic activity of Russian women. *Vestnik IEAU* [Bulletin of the Institute of Economics and Crisis Management], 2015, no. 9. Available at: URL: <http://www.ieay.ru/nauka-v-ieau/vestnik-ieau/publikacii-zhurnala-vestnik-ieau/vestnik-ieau-n-9/7.-fedorchukova-s.g.-ekonomicheskaya-aktivnost-rossijskih-zhenshchin/> (accessed 7 September 2019) (in Russian).
5. Burlaka N. P. Factors affecting the economic activity of pensioners. *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Problems of Modern Science and Education], 2016, no. 11 (53), pp. 59–61 (in Russian).
6. Korzina E. A. *Ekonomicheskaya aktivnost' naseleniya starshih vozrastnyhgrupp* [Economic activity of the population of older age groups]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Econ.). Moscow, 2004. 26 p. (in Russian).
7. *Osnovy dukhovnoy kultury (entsiklopedicheskiy slovar pedagog)* [Fundamentals of spiritual culture (encyclopedia dictionary of a teacher)]. Ed. by V. S. Bezrukova. Ekaterinburg, Delovaya kniga Publ., 2000. 937 p. (in Russian).
8. Shashnov S. A. Economic activity of workers and the conditions for its implementation. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power], 2003, no. 3, pp. 59–68 (in Russian).
9. *Slovar biznes-terminov*. Akademik.ru. 2001 (Dictionary of business terms. Academic.ru). Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/7406> (accessed 20 September 2019) (in Russian).
10. Veldscholte C. M., Kroonenberg P. M., Antonides G. Three-mode analysis of perceptions of economic activities in Eastern and Western Europe. *Journal of Economic Psychology*, 1998, no. 19 (3), pp. 321–351.
11. Paramonova Yu. A. Features of motivation to achieve success in adolescence. *Nauka cherez prizmu vremeni* [Science through the prism of time], 2017, no. 8 (8), pp. 130–131 (in Russian).
12. Vasilieva E. N. *Formirovanie ekonomicheskoy aktivnosti molodezhi v sovremennoy Rossii: regionalnyy aspekt* [The formation of youth economic activity in modern Russia: a regional aspect]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Sociol.). Volograd, 2016. 50 p. (in Russian).
13. Vershinina S. L., Viktorova O. V., Vorobieva I. N. Socio-economic activity of youth. *Cherepoveckie nauchnye chteniya-2013: materialy Vseros. nauchn.-prakt. konf. Ch. 1. Literaturovedenie, lingvistika, SMI, istoriya, filosofiyu, sotsiologiya, politologiya* [Cherepovets scientific readings-2013. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Part 1: Literary studies, linguistics, media, history, philosophy, sociology, political science]. Cherepovets, Izd-vo Cherepovets. gos. un-ta, 2014, pp. 26–28 (in Russian).
14. Korosteleva T. V., Kurdyukova N. A. The economic activity of youth as a socio-psychological phenomenon. *Novoe v psihologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh* [New in psychological and pedagogical research], 2015, no. 2, pp. 208–213 (in Russian).
15. Rotmanova N. V. The structure of economic activity. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimentalnogo obrazovaniya* [International Journal of Experimental Education]. 2009, no. 6, pp. 30–31 (in Russian).
16. Petrovsky V. A. *Psihologiya neadaptivnoy aktivnosti* [Psychology of non-adaptive activity]. Moscow, TOO Gorbunok Publ., 1992. 224 p. (in Russian).
17. Vyatkin B. A. *Izbrannye psihologicheskie issledovaniya individualnosti: teoriya, eksperiment, praktika* [Selected psychological studies of personality: theory, experiment, practice]. Perm, Knizhnyi mir Publ., 2005. 390 p. (in Russian).

Cite this article as:

Zabelina E. V., Chestyunina Yu. V. Results of the Development of the Economic Activity Inventory. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 307–314 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-307-314>

УДК 316.6:159.9

Ценностные профили современных студентов и преподавателей: согласованность или разрыв?

Е. В. Рягузова, Е. В. Чинчевич

Рягузова Елена Владимировна, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии личности, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, rjaguzova@yandex.ru

Чинчевич Елена Валерьевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского и арбитражного процесса, МГИМО МИД России (Одинцовский филиал), e.chinchevich@odin.mgimo.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования, целью которого выступает компаративный анализ ценностных профилей основных субъектов образовательного процесса – современных преподавателей и студентов. Для верификации предположения об отсутствии ценностного разрыва у представителей изучаемых групп было проведено исследование, в котором приняли участие 80 человек, из них 60 – студенты и 20 – преподаватели, в качестве диагностического инструментария использовался «Портретный опросник» Ш. Шварца, для установления значимости различий применялся критерий Манна – Уитни. Установлена сходная конфигурация ценностных профилей преподавателей и студентов, которая характеризуется не качественными, а количественными расхождениями. Выявлены значимые различия ($p < 0,01$) в приоритетности некоторых ценностей, которые детерминированы возрастными и статусно-ролевыми особенностями представителей исследуемых групп, а также спецификой социальной ситуации развития современных студентов, принадлежащих поколению Z. Утверждается, что наличие различий в некоторых типах ценностных приоритетов не может трактоваться как аксиологический разрыв. Констатируется, что консенсус мотивационных ориентаций «самостоятельность», «благожелательность», «универсализм», «традиция», «конформизм» и ценностей высшего порядка – «самоопределение» и «сохранение» свидетельствует о единой тенденции и преподавателей, и студентов к саморазвитию, личностному росту, опоре на разумные традиции, безопасность и является результатом их активной интеракции, детерминированного совместной мотивацией и направленного на реализацию общей согласованной цели в контексте образовательного процесса.

Ключевые слова: ценности, рефлексивные ценностные представления, ценностный профиль, ценностный разрыв, согласованность, субъекты образовательного процесса.

Поступила в редакцию: 18.04.2020 / Принята: 20.05.2020 / Опубликовано: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-315-321>

Введение

Стремительные изменения, происходящие в современном мире, касаются буквально всех сфер функционирования общества – экономики, политики, права, науки, искусства, образования и отдельно каждого социального актора. Трансформации детерминированы не только процессами глобализации и цифровизации, ростом наукоемкого производства, ускорением времени и фасилитацией мобильности людей, но и закономерностями развития самого общества, которое представляет собой не статичный квазиобъект, а движущуюся социальную реальность [1], репрезентированную как различного рода событиями, так и динамичной иерархией самых разнообразных взаимоотношений и взаимосвязей людей. Именно социальные субъекты выступают и объектами влияния разного рода изменений, и источниками всех основных преобразований, их активными агентами, проводниками, наделяя их теми или иными смыслами, оценивая их эффективность в ближайшей или отдаленной перспективе, определяя степень принятия или сопротивления им, осознавая уровень личностной ответственности и сопричастности.

Как известно, в основе социальных отношений находятся культурные нормы, конвенции и ценности, благодаря которым в обществе сохраняются и поддерживаются закон и порядок, а люди воспринимают и понимают друг друга. Ценности, выступая регуляторами социального поведения, с одной стороны, относятся к миру стабильного, «должного», имеющего универсальное значение и всеобщую значимость, а с другой стороны – к миру изменчивого, поскольку именно они отражают основное направление и актуальную динамику социального и индивидуального развития. В психологии ценности категоризируются и операционализируются в рамках гуманистического направления исследования личности (А. Маслоу, К. Роджерс), экзистенциальных теорий и концепций (В. Франкл, А. Лэнгле), ценностно-смыслового подхода (М. М. Бахтин, А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, Д. А. Леонтьев, В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев).

Нам импонирует точка зрения Д. А. Леонтьева, в соответствии с которой дифференцируются

собственно ценности и рефлексивные ценностные представления и выделяются следующие формы существования ценностей: ценность как знание об общественных идеалах – декларируемые ценности, обобщенные универсальные социальные представления о совершенстве (красота, истина, справедливость, равенство, успех); предметно-воплощенная ценность – объективированная реализация общественно значимых ценностей, зафиксированная в материальной или духовной культуре через процесс (деяние) или результат (произведение), тесно связанная с культурными нормами и общественными достижениями определенного исторического периода развития общества и транслируемая другим поколениям; ценность как личный идеал – компонент мотивационной структуры личности; универсальная ценность в индивидуальном контексте, регулирующая инстанция, побуждающая человека к той или иной активности, деятельности, поступкам, отражающая инвариантные аспекты социального опыта, освоенного и присвоенного личностью, ставшего личностным смыслом, значением – для меня, определяющая базовые ориентиры индивидуальной жизни и не вступающая в конфликт с общественной моралью [2].

Близкую к этой точке зрения позицию занимают Ш. Шварц и В. Билски [3], выделяя индивидуальные и социальные ценности, которые представляют собой жизненные цели, познанные потребности, детерминированные внеситуативным контекстом. Индивидуальные ценности позиционируются как ментальные репрезентации следующих универсальных блоков потребностей: витальные потребности человека как биологического организма; потребности в координации социальных интеракций личности как субъекта социальных отношений; потребности, связанные с выживанием и благосостоянием социальных групп, к которым принадлежит та или иная личность и с которыми она себя идентифицирует.

Несомненной заслугой Ш. Шварца является то, что он не просто операционализирует ценности, группируя их по мотивационным типам и описывая динамические отношения между ними, но и конструирует эвристическую модель – своеобразный непрерывный замкнутый континуум ценностей, репрезентированный ценностным кругом. Предложенная модель отражает топологию универсальных ценностей, их устойчивую пространственную конфигурацию, причем ценности, локализованные на круге рядом, являются совместимыми, тогда как расположенные напротив друг друга – конфликтующими. Кроме того, модель выступает специфической методологической рамкой, позволяющей добавлять или дробить исходные ценности [4], а также произ-

водить анализ и интерпретацию категориальной структуры ценностного профиля личности в разных направлениях: от поэлементного изучения ценностей – до анализа ценностей высшего порядка и метаценностей.

Общим во всех психологических концепциях, оперирующих понятием «ценность», является тезис о том, что индивидуальные ценности служат важными регуляторами социального поведения людей, основой взаимопонимания между ними и построения эффективных коммуникаций во всех сферах социального взаимодействия. Мы специально оговорились, что данный тезис принят как аксиома практически во всех психологических теориях, однако в рамках философского дискурса такого единодушия относительно ценностной парадигмы бытия общества нет – в некоторых концепциях ценности позиционируются не как онтологический, а как социокультурный феномен, связанный с осмыслением человеческого существования (М. Хайдеггер, Ж. Деррида, М. Мамардашвили).

Ценности, безусловно, представляют собой динамичные образования, которые могут трансформироваться как в течение жизни отдельной личности, так и поколенческих когортах. В последнее время в научной литературе все чаще стали употреблять термин «ценностный разрыв», трактуя его как нарушение трансмиссии ценностей от поколения к поколению [5] или цифровой разрыв, акцентирующий внимание на различиях между всеми другими когортами и поколением Z, представители которого родились и социализировались в условиях новых информационно-коммуникативных технологий и цифрового мира [6].

Вместе с тем понятие «поколение», являясь в большей степени описательным, чем объяснительным конструктом, представляет собой чрезвычайно широкий и гетерогенный по своему содержанию концепт, поскольку одним из основных дифференцирующих критериев принадлежности к той или иной поколенческой генерации выступают возраст и дата рождения, соотносимая с определенными культурно-историческими условиями. Внутри когорты люди различаются по полу, месту рождения, условиям социализации, социально-экономическому статусу, индивидуально-психологическим особенностям, уровню и типу образования, вероисповеданию, культурной принадлежности, социальной активности. В связи с этим современные исследователи предпринимают попытки развести возрастные и поколенческие детерминанты [7], учесть поло-возрастные особенности [8], вводят понятия цифровой компетентности и настаивают на необходимости изучения цифрового взаимодействия поколений [9].

В фокусе нашего исследовательского внимания находится сфера образования, что обусловлено не только профессиональной включенностью авторов в образовательный процесс высшей школы, но, главным образом, следующими посылами:

1) любые преобразования (пре-образования) должны начинаться с образования;

2) одной из основных функций социального института образования является трансляция ценностей;

3) в образовательном процессе ценности формируются в контексте коммуникативной данности;

4) субъектами образовательного процесса выступают представители разных поколений, система ценностей которых не идентична.

Цель эмпирического исследования – компаративный анализ ценностных профилей основных субъектов образовательного процесса – современных преподавателей и студентов.

Гипотеза исследования: мы предполагаем, что, в отличие от существования межпоколенческого ценностного разрыва, выявленного в ходе эмпирических исследований, у преподавателей и студентов высших учебных заведений имеют место как возрастная и статусная специфика приоритетных ценностей, так и консенсус ценностных профилей, обусловленный согласованностью целей деятельности и взаимностью рациональной мотивации субъектов образовательного процесса.

Организация исследования

В исследовании приняли участие студенты II курса ($N = 60$ чел., возраст – 19–20 лет) двух российских университетов – Одинцовского филиала МГИМО МИД России и СГУ имени Н. Г. Чернышевского, а также преподаватели ($N = 20$, возрастной диапазон от 30 до 60 лет) вузов Саратова и Москвы. Был разработан масштабный исследовательский проект, направленный на изучение отношений студенческой молодежи разных регионов России к жизни, Другим, себе, будущему на основе системы их субъективностей – приоритета ценностей, структурирования и организации своего времени, самооценки целей и уровня экономического благополучия, готовности к риску.

В рамках данной статьи мы остановимся только на сравнительном анализе приоритетных ценностей студентов и преподавателей, которые диагностировались с помощью «Портретного опросника» (*Portraits Questionnaire, PVQ*) Ш. Шварца [10]. Для обработки данных использовались компьютерная программа SPSS statistics 20.0 и пакет анализа Excel 2010.

Результаты исследования и их обсуждение

Обобщенные результаты после нормирования показателей представлены в таблице, а их сравнение – на рис. 1.

Усредненные результаты приоритетных ценностей преподавателей и студентов
Average results of priority values of university lecturers and students

Ценности	Студенты	Преподаватели
<i>Индивидуальные ценности</i>		
Конформизм	0,44	0,43
Традиция	0,34	0,36
Благожелательность	0,51	0,48
Универсализм	0,74	0,76
Самостоятельность	0,52	0,51
Стимуляция	0,37*	0,25*
Гедонизм	0,38*	0,26*
Достижения	0,52*	0,36*
Власть	0,33*	0,24*
Безопасность	0,59	0,63
<i>Ценности высшего порядка</i>		
Самоопределение	1,05	1,24
Открытость изменениям	1,27	1,02*
Самоутверждение	0,85	0,6*
Сохранение	1,03	1,06

Примечание. * – обозначены значимые различия по критерию Манна – Уитни.

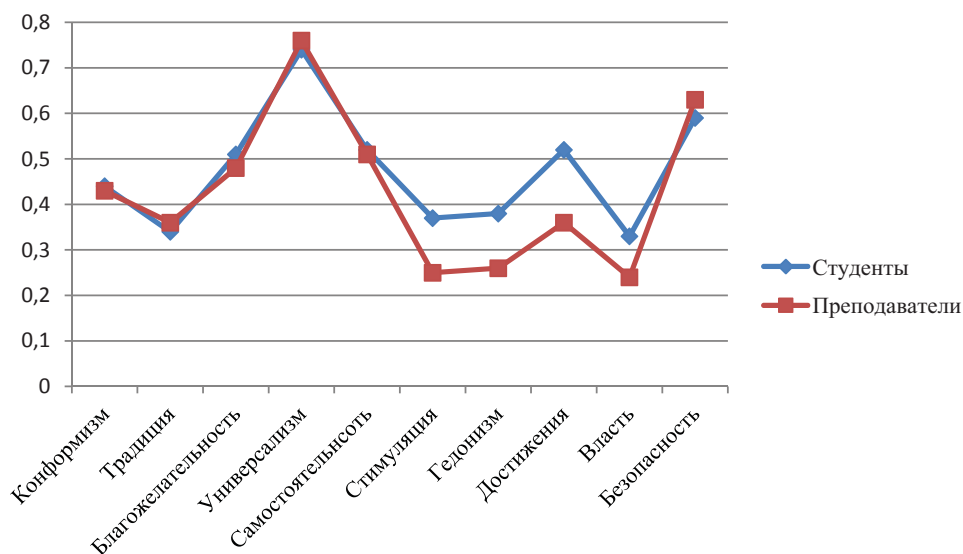

Рис. 1. Сравнение ценностных профилей преподавателей и студентов
Fig. 1. Comparison of value profiles of university lecturers and students

Приведенные данные свидетельствуют о том, что ценностные профили и студентов, и преподавателей имеют сходную конфигурацию и характеризуются не качественными, а, скорее, количественными различиями. Учитывая специфику опросника, заключающуюся в том, что участники исследования оценивают предложенные суждения о Другом в плоскости сходства или отличия с самим собой, можно утверждать, что при сравнении студенты чаще используют крайние показатели предложенных шкал, тогда как преподаватели опираются на весь предлагаемый диапазон оценок, а иногда даже добавляют нюансы в пояснениях.

Совпадения, подтвержденные отсутствием статистически значимых различий, имеют место среди таких мотивационных типов ценностей, как «конформизм», «традиция», «благожелательность», «универсализм», «самостоятельность», «безопасность». Полученный результат означает, что и преподаватели, и студенты предпочитают действовать в рамках принятых социальных норм, правил и конвенций, не нарушая социального порядка и избегая общественно неодобряемых поступков. В межличностных контактах они опираются на уважительное отношение к Другим, проявляют заботу о благополучии близких, оказывают поддержку и помощь тем, кто в ней нуждается. Представители и той, и другой группы ратуют за равенство, мир и справедливость, гармонию и стабильность общества, субъектное, а не прагматическое отношение к миру природы и ориентируются на стандарты красоты и мудрости – «правильно», «полезно», «хорошо», «красиво», т. е.

фактически представляют собой социальных акторов с активной жизненной и гражданской позицией.

Практически одинаковая приоритетность ценности «традиция» в сравниваемых группах может быть объяснена общим трендом развития современного общества, связанным с амбивалентным статусом традиций в нем. С одной стороны, они, безусловно, составляют ядро культуры, отвечают за сохранение социального капитала и трансляцию культурного кода. С другой стороны, традиции ограничивают, сдерживают, а иногда и тормозят культурную динамику и новые культурные универсалии. Полагаем, что указанная амбивалентность в равной степени рефлексирована как преподавателями, так и студентами.

Мотивационный смысл ценности «самостоятельность» также оказался сходным: и преподаватели, и студенты – субъекты образовательного процесса, для которых характерны независимость и креативность мышления, активный поиск нового и интересного, умение планировать жизненный сценарий, организовывать собственные действия, структурировать время и управлять им, высокий уровень самодетерминации и саморегуляции.

Выявляются значимые различия ($p < 0,01$) в приоритетности таких ценностей, как «стимуляция», «гедонизм», «достижения» и «власть». Соответственно, студенты в большей степени, чем преподаватели, стремятся к новизне, риску, приключениям, жизненным переменам, для них важно в действиях руководствоваться принципами чувственного самовознаграждения и получения удовольствия, они амбициозны, ориентированы на личный успех и самореализацию. На наш

взгляд, это может быть связано как с возрастными и статусно-ролевыми особенностями студентов и преподавателей, так и со спецификой социальной ситуации развития студентов поколения Z, обусловленной цифровым миром и множественностью психологических реальностей в нем. Результаты исследований последних лет, посвященные студенчеству, однозначно указывают на следующие особенности современных студентов: клиповость мышления и тотальная включенность

(присутствие) в интернет-пространство, многозадачность и медиамногозадачность, предпочтение визуального текста графическому, интерактивности обучения и его игрового формата, противоречивое отношение к европейским ценностям, значимость интериоризованного успеха и успеха как результата собственной деятельности [11–14].

На рис. 2 приведена графическая репрезентация приоритетности ценностей высшего порядка у преподавателей и студентов.

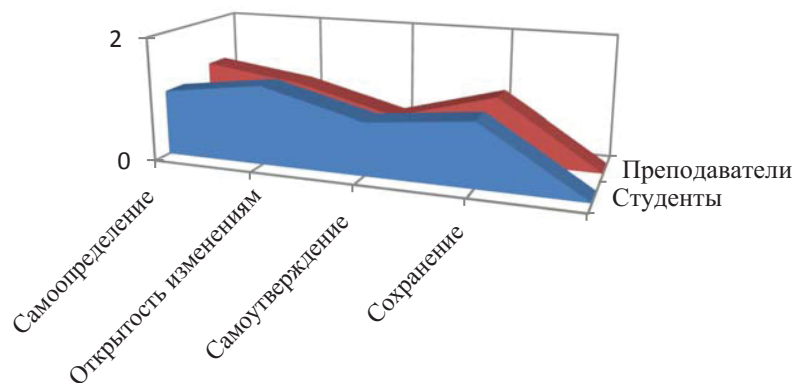

Рис. 2. Сравнение приоритетности ценностей высшего порядка у преподавателей и студентов

Fig. 2. Comparison of the priority of higher values among teachers and students

Как показывают результаты (см. таблицу, рис. 2), существуют значимые различия у студентов и преподавателей по таким ценностям высшего порядка, как «открытость изменениям» и «самоутверждение» ($p < 0,01$). С нашей точки зрения, это указывает на ориентацию студентов в большей степени на личные достижения, получение собственной выгоды, удовлетворение своих интересов, их готовность к изменениям, быстрому восприятию и усвоению новых идей, открытости новому опыту, контактам, переживаниям. В то же время отсутствие различий в ценностях, связанных с самоопределением и сохранением, позволяет говорить о единой тенденции преподавателей и студентов к саморазвитию, личностному росту, осознанию собственного ресурсного потенциала, опоре на разумные образовательные традиции и безопасность.

Полагаем, что этот консенсус возможен в связи с тем, что и те и другие – активные социальные акторы, включенные в социокультурный контекст и адаптирующиеся к реалиям современного мира. Преподаватели, априори обладающие высоким интеллектуальным уровнем, способны рефлексировать происходящие трансформации и осознавать необходимость фасилитации собственной цифровой компетентности и использования новых информационных технологий для

повышения не только качества своего профессионального мастерства и эффективности обучения, но и собственной научной деятельности. Что касается студентов, то можно присоединиться к мнениям авторитетных ученых, утверждающих, что современное студенчество неоднородно по своему составу, их исходный высокий уровень цифровых навыков несколько преувеличен, не подтвержден эмпирическими данными и требует формирования и развития [15].

Кроме того, и студенты, и преподаватели – активные участники общего образовательного процесса, который представляет собой субъект-субъектное взаимодействие, симметричный обмен и настройку друг на друга.

В связи с этим важен анализ особенностей восприятия и категоризации взаимодействующих студентов и преподавателей, их оценок и ожиданий относительно процесса и результата обучения, специфики стилей интеракций и коммуникаций в диаде «преподаватель – студент».

Выводы

Одним из вызовов современного общества является необходимость преобразования института высшего образования, призванного готовить компетентных специалистов в разных сферах функционирования общества, способных

в будущем обеспечивать инновационный рост и развитие экономики, модернизацию сферы производства, прорывные технологии в науке, медицине, культуре, способствовать благополучию, процветанию и безопасности всего общества и его представителей.

Вместе с тем осуществление преобразований невозможно без научной рефлексии актуального образовательного процесса, его основных субъектов, связей и взаимоотношений между ними, а также уровня развития образовательных технологий. Важным является акцентирование внимания именно на взаимодействиях и взаимоотношениях преподавателей и студентов, согласованности их целей, ценностей и ожиданий, общей мотивационной направленности, цифровой компетентности, доступности и контента информационно-коммуникативных технологий.

Результаты проведенного эмпирического исследования, направленного на сравнительный анализ ценностных профилей основных субъектов образовательного процесса, позволили выявить их сходную конфигурацию и отсутствие ценностного разрыва. Значимые различия в приоритетности таких ценностей, как «стимуляция», «гедонизм», «достижения» и «власть», а также ценностей высшего порядка «открытость изменениям» и «самоутверждение», детерминированы возрастными и статусно-ролевыми особенностями представителей исследуемых групп, спецификой социальной ситуации развития современных студентов, принадлежащих поколению Z. Консенсус мотивационных ориентаций, выражающийся в согласованности базовых ценностей «самостоятельность», «благожелательность», «универсализм», «традиция», «конформизм» и ценностей высшего порядка – «самоопределение» и «сохранение», является результатом включенности студентов и преподавателей в совместную деятельность, предполагающую активное взаимодействие и координацию целей субъектов образовательного процесса.

Список литературы

1. Штомпка П. Социология социальных изменений. М. : Аспект-Пресс, 1996. 416 с.
2. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие : опыт многомерной реконструкции // Вопр. философии. 1996. № 4. С. 15–26.
3. Schwartz Sh., Bilsky W. Toward a universal psychological structure of human values // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. Vol. 58, № 5. P. 550–562.
4. Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Лунатова А. С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей : применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, № 2. С. 43–70.
5. Федотова В. Л. Ценности россиян в контексте возрастных различий // Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 78–86. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-78-86
6. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Цифровой разрыв и межпоколенческие отношения родителей и детей // Психологический журнал, 2016. Т. 37, № 5. С. 44–54.
7. Рикель А. М., Доренская С. В. Социально-психологическая модель ценностей различных поколений современного российского общества // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14, № 4. С. 205–225. DOI: 10.21702/trj.2017.4.10
8. Вартанова И. И. Психологические особенности мотивации и ценностей у старшеклассников разного пола // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22, № 3. С. 63–70. DOI: 10.17759/pse.2017220307
9. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А. Цифровое поколение России : компетентность и безопасность. М. : Смысл, 2018. 375 с.
10. Schwartz Sh., Bardi A. Value hierarchies across cultures : Taking a similarities perspective // Journal of Cross Cultural Psychology. 2001. № 32. P. 268–290.
11. Солдатова Г. У., Трифонова А. В. Медианногозадача : стоит ли беспокоиться // Дети в информационном обществе. 2018. № 28. С. 26–37.
12. Хухлаев О. Е., Чибисова М. Ю., Усубян Ш. А. Восприятие европейских ценностей и отношение к ним российских студентов-бакалавров московского вуза // Психолого-педагогические исследования. 2019. Т. 11, № 2. С. 58–73. DOI: 10.17759/psyedu.2019110206
13. Лукьянченко Н. В., Довыденко Л. В., Аликин И. А. Ценности успеха в представлении студенческой молодежи поколения Z // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10, № 2. С. 82–94. DOI: 10.17759/sps.2019100207
14. Поляков С. Д., Белозерова Л. А., Вершинина В. В., Данилов С. В., Кривцова Н. С. «Клиповое мышление» у старшеклассников и студентов : опыт исследования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2019. № 4. С. 126–143. DOI: 10.11621/vsp.2019.04.126
15. Еришова Р. В. Цифровое поколение : между мифом и реальностью // Философские науки. 2019. Т. 62, № 2. С. 96–108. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-2-96-108

Образец для цитирования:

Рягузова Е. В., Чинчевич Е. В. Ценностные профили современных студентов и преподавателей: согласованность или разрыв? // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 315–321. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-315-321>

Value Profiles of Modern Students and Teachers at Universities: Consensus or Gap?

E. V. Ryaguzova, E. V. Chincevich

Elena V. Ryaguzova, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ryaguzova@yandex.ru

Elena V. Chincevich, <https://orcid.org/0000-0003-2111-6793>, MGIMO University (Odintsovo Branch), 3 Novo-Sportivnaya St., Odintsovo, Moscow region 143007, Russia, e.chincevich@odin.mgimo.ru

The article presents the results of the empirical study which serves the purpose to analyze and compare value profiles of modern university lecturers and students as the main subjects of educational process. To verify the assumption that there was no value gap between the representatives of the studied groups a research among 80 participants (60 students and 20 teachers) has been made. The "Portrait Questionnaire" by S. Schwartz was used as a diagnostic tool and the criterion Mann – Whitney was used to establish the significance of the differences. The similar configuration of the value profiles of lecturers and students' value profiles has been found, which is characterized not by qualitative but by quantitative differences. Significant differences ($p < 0.01$) in the priority of some values have been found, which are determined by the age and status-role characteristics of the representatives of the studied groups, as well as the specifics of the social situation of the development of modern students belonging to the Z generation. It is argued that the presence of differences in some types of value priorities cannot be interpreted as a value gap. It is stated that the consensus of motivational orientations – consistency of the basic values of "self-direction", "benevolence", "universalism", "tradition", "conformism" and higher-order values – "self-determination" and "conservation" indicates a common trend of lecturers and students to self-development, personal growth, reliance on reasonable traditions and security, it is the result of lecturers and students' active interaction determined by mutual motivation and aimed at implementing a common agreed goal in the context of the educational process.

Keywords: values, reflective value representations, value profile, value gap, consistency, subjects of the educational process.

Received: 18.04.2020 / Accepted: 20.05.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

- Shtompka P. *Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy* [Sociology of Social Change]. Moscow, Aspect-Press Publ., 1996. 416 p. (in Russian).
- Leont'ev D. A. Value as an interdisciplinary concept: the experience of multidimensional reconstruction. *Voprosy filosofii*, 1996, no. 4, pp. 15–26 (in Russian).
- Schwartz Sh., Bilsky W. Toward a universal psychological structure of human values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1987, vol. 58, no. 5, pp. 550–562.
- Shvarts Sh., Butenko T. P., Sedova D. S., Lipatova A. S. Theory of basic personal values: validation in Russia. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2012, vol. 9, no. 2, pp. 43–70 (in Russian).
- Fedotova V. L. Values of Russians in the context of intergenerational relations. *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*, 2017, no. 1, pp. 78–86 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-78-86
- Soldatova G. U., Rasskazova E. I. "Digital gap" and intergenerational relations of parents and children. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2016, vol. 37, no. 5, pp. 44–54 (in Russian).
- Rikel' A. M., Dorenskaya S. V. Socio-psychological model of values among different generations of modern Russian society. *Rossiyskiy psikhologicheskii zhurnal* [Russian Psychological Journal], 2017, vol. 14, no. 4, pp. 205–225 (in Russian). DOI: 10.21702/rpj.2017.4.10
- Vartanova I. I. Psychological features of motivation and values in high school students of different sexes. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye* [Psychological Science and Education], 2017, vol. 22, no. 3, pp. 63–70 (in Russian). DOI: 10.17759/pse.2017220307
- Soldatova G. U., Rasskazova E. I., Nestik T. A. *Tsifrovoye pokoleniye Rossii: kompetentnost' i bezopasnost'* [Digital generation of Russia: competence and security]. Moscow, Smysl Publ., 2018. 375 p. (in Russian).
- Schwartz Sh., Bardi A. Value hierarchies across cultures: Taking a similarities perspective. *Journal of Cross Cultural Psychology*, 2001, no. 32, pp. 268–290.
- Soldatova G. U., Trifonova A. V. Multitasking: is it worth worrying. *Deti v informatsionnom obshchestve* [Children in the Information Society], 2018, no. 28, pp. 26–37 (in Russian).
- Khukhlayev O. Ye., Chibisova M. Yu., Usubyan Sh. A. Perception and the attitudes towards European values among Russian bachelor students of a Moscow university. *Psikhologo-pedagogicheskiye issledovaniya* [Psychological Educational Studies], 2019, vol. 11, no. 2, pp. 58–73 (in Russian). DOI: 10.17759/psyedu.2019110206
- Luk'yanchenko N. V., Dovydenko L. V., Alikin I. A. Values of success in introducing the generation Z student youth. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019, vol. 10, no. 2, pp. 82–94 (in Russian, abstr. in Engl.). DOI: 10.17759/sps.2019100207
- Polyakov S. D., Belozerova L. A., Vershinina V. V., Danilov S. V., Krivtsova N. S. "Clip thinking" among high school and university students: A research experience. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 2019, no. 4, pp. 126–143 (in Russian). DOI: 10.11621/vsp.2019.04.126
- Ershova R. V. Digital generation: between myth and reality. *Filosofskiy nauki* [Philosophical Sciences], 2019, vol. 62, no. 2, pp. 96–108 (in Russian). DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-2-96-108

Cite this article as:

Ryaguzova E. V., Chincevich E. V. Value Profiles of Modern Students and Teachers at Universities: Consensus or Gap? *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 315–321 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-315-321>

УДК 159.9

Ценность семьи и родительства у молодежи с разными моделями репродуктивного поведения

В. Р. Ушакова

Ушакова Владислава Романовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Vladislava.psyhologist@gmail.com

В статье рассматривается система ценностей у лиц с разными моделями репродуктивного поведения. Исследования отечественных и зарубежных авторов по данной проблематике осуществляются в большей степени в рамках социологических исследований. Выявляются предпочтения и интересы, составляющие социальный портрет представителей «чайлдфри» и степень толерантности молодежи к этому движению. В психологических исследованиях определяются иерархия ценностей и личностные особенности представителей «чайлдфри». Акцентируется внимание на анализе психологических причин отказа от деторождения с позиции особенностей отношения с родителями и эмоциональном отклике на семейные события в детстве. Выявляется место семьи и родительства в системе жизненных ценностей молодежи с положительной установкой на родительство молодежи, добровольно отказавшейся от деторождения. В исследовании приняли участие 120 чел. в возрасте 28–33 лет. Методы исследования – беседа и анкетирование. На основе полученных данных нашло свое подтверждение положение о том, что у представителей «чайлдфри» в системе ценностей семья менее значима и преобладают негативные детские воспоминания в отличие от лиц с положительной установкой на родительство. Представители «чайлдфри» больше ориентированы на внесемейные отношения, нежели на внутрисемейные.

Ключевые слова: модели репродуктивного поведения, «чайлдфри», система ценностей, родительство, деторождение.

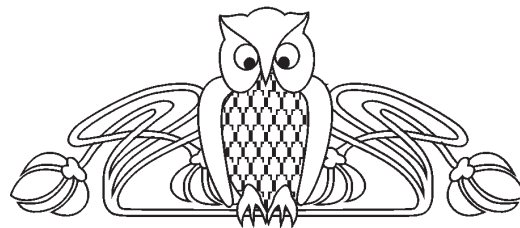
Поступила в редакцию: 03.04.2020 / Принята: 20.05.2020 / Опубликовано: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-322-328>

В современном обществе экономические и социальные факторы сформировали благоприятную основу для возникновения новой модели репродуктивного поведения – «чайлдфри». Главной отличительной особенностью данной модели репродуктивного поведения являются приоритетность в построении карьеры, профессиональная самореализация и высокий социальный статус, иными словами, происходит трансформация семейных ценностей.

Актуальность исследования феномена добровольной бездетности обусловлена тем, что

в настоящее время отсутствуют масштабные психологические исследования репродуктивного поведения, описывающие его развитие, механизмы и причины, влияющие на выбор определенной репродуктивной стратегии. Недостаточно разработан вопрос психологических причин, обуславливающих выбор образа жизни без детей, которые в дальнейшем могут быть скорректированы специалистами-психологами. Автор считает, что психопросветительская деятельность среди молодежи, а также квалифицированная психотерапевтическая помощь в разрешении психотравмирующих ситуаций в детстве может оказать благоприятное влияние на выбор репродуктивного поведения в пользу рождения детей.

«Childfree», или «свободные от детей» – это люди, которые в силу тех или иных обстоятельств приняли решение не становиться родителями. К этой категории не относятся люди, которые не могут продолжать свой род в силу биологических причин.

Изложение основного материала

Согласно исследованиям Н. А. Касимовской и других система ценностей и отношение молодежи к родительству и рождению ребенка выступают ведущим фактором, обуславливающим выбор модели репродуктивного поведения. Авторы отмечают, что в 1,5–2 раза увеличилось число студентов медицинских вузов, осведомленных о феномене «чайлдфри», нейтрально относящихся к этому и не готовых к рождению и самостоятельному воспитанию детей. В ценностной иерархии молодежи приоритетами являются карьера, профессиональная реализация и финансовое благополучие [1].

Данные результатов исследования подтверждаются социологическими и демографическими разработками, проведенными М. М. Бичаровой и О. В. Морозовой. По мнению авторов, среди российской молодежи прослеживается слабая тенденция к отказу от деторождения в пользу профессиональной самореализации, финансового благополучия и свободы [2]. М. М. Бичарова отмечает, что среди представителей «чайлдфри» мужчин больше, нежели женщин.

Автор связывает это с тем, что мужчины более прагматично подходят к деторождению, для них в отличие от женщин менее значима эмоциональная составляющая мотива продолжения рода. М. М. Бичарова акцентирует внимание на том, что женщинам свойствен более сознательный выбор модели репродуктивного поведения, нежели мужчинам [3].

Z. Zhang и M. D. Hayward отмечают, что у бездетных мужчин пожилого возраста степень выраженности одиночества и депрессии существенно выше, чем у бездетных пожилых женщин. Результаты исследования свидетельствуют о негативных последствиях бездетности, влияющей на психологическое благополучие людей пожилого возраста. Приемные дети или биологически неродные выступают значимым источником социальной и эмоциональной поддержки для пожилых людей, что увеличивает показатель их психологического благополучия. По мнению некоторых ученых, биологические связи в детско-родительских отношениях менее важны, нежели семейные связи [4].

H. Peterson и K. Engwell к основным мотивам отказа от деторождения среди женщин относят отсутствие материнского инстинкта, интереса и любви к детям, боязнь родов и ориентацию на карьеру. Они считают, что у представителей «чайлдфри» отсутствует или утрачена материнская идентичность, однако проявляется женская идентичность [5]. Ю. В. Шляпникова и другие отмечают, что у девушек – представительниц «чайлдфри» – преобладают потребности в лидерстве, социальной активности и развитии, а потребность в деторождении и семье существенно снижена [6].

A. Blackstone и M. D. Stewart, исследуя феномен «чайлдфри», выявили гендерные различия в мотивах отказа от деторождения. Так, женщины в принятии решения основывались на том, что ребенку сложно будет выжить в жестоком и несправедливом современном мире. В свою очередь, мужчины рационально и прагматично подходили к принятию решения и считали, что рождение ребенка изменит их привычный уклад жизни. Испытуемые отмечали, что отказ от рождения ребенка является осознанным и добровольным «рабочим решением» («a working decision») [7].

Представители «чайлдфри» традиционные ценности семьи заменяют свободой, реализацией в профессии, ориентацией на себя, свои потребности и интересы. Негативное отношение к детям у представителей данной группы выражается в виде агрессивных и раздражительных тенденций [8, 9].

Важную роль в формировании психологической установки на материнство у девушек играет образ матери и особенности диадных отношений «мать–дочь». Согласно исследованиям О. А. Камзиной и Н. Ю. Самыкиной большинство представительниц «чайлдфри» отмечают эмоциональную холодность и игнорирование со стороны матери, наличие жестокого обращения и морального давления [10].

Анализ литературных источников отечественных и зарубежных авторов показал, что изучение феномена «чайлдфри» проводится в большей степени в рамках социологии. Социологические исследования посвящены поиску причин добровольного отказа от детей, и к ним можно отнести слабую выраженность традиционных ценностей, преобладание мотивов профессиональных достижений, потребность в свободе и нежелание менять привычки. Однако количество научных психологических исследований, направленных на определение специфики детско-родительских отношений и отношения к детству, выявление личностных особенностей представителей «чайлдфри», незначительно. Автор статьи считает, что реальный список причин гораздо глубже, но имеющихся знаний о данном феномене недостаточно для формирования целостной и информативной теории.

Цель статьи – выявить место семьи и родительства в системе жизненных ценностей лиц с разными моделями репродуктивного поведения.

Выборка и методики исследования

В исследовании приняли участие 120 чел. в возрасте 28–33 лет, из которых 70 женщин и 50 мужчин. В группу 1 вошли 60 чел. (40 женщин и 20 мужчин), добровольно отказавшихся от рождения ребенка и причисляющих себя к группе «чайлдфри», средний возраст – 30,4 лет. В группу 2 вошли 60 чел. (30 женщин и 30 мужчин), которые уже имеют и (или) планируют завести детей в будущем, средний возраст 31,2 года. В данном возрасте сочетание внешних и внутренних факторов обуславливает осознанный выбор в решении реализации той или иной модели репродуктивного поведения.

Для достижения поставленной цели использовали такие методы исследования, как беседа и анкетирование. Беседа осуществлялась по заранее разработанным вопросам, направленным на выявление социально-психологических данных об испытуемых, и состояла из четырех блоков: семейное положение, число детей, уровень образования и планы на рождение ребенка.

С помощью анкеты, разработанной С. М. Вильдановой, выявляли выраженность ценностей семьи

и родительства в системе ценностно-мотивационной сферы испытуемых с разными моделями репродуктивного поведения. Анкета состояла из 12 вопросов с предложенными вариантами ответов.

Проводился сравнительный анализ показателей, полученных при исследовании личностей с разными моделями репродуктивного поведения. Достоверность различий статистических показателей определялась с помощью критерия χ^2 – угловое преобразование Фишера. Матема-

тическая обработка данных осуществлялась с помощью компьютерного пакета статистических программ Statistica 20.

Результаты исследования

На первом этапе исследования проводился первичный сбор социально-психологических данных о выборке испытуемых с помощью психологической беседы (интервью). Данные представлены в таблице.

Первичные данные о выборке испытуемых, %
Primary data on the sample of subjects, %

Показатели	Группа 1, n = 60	Группа 2, n = 60
Семейное положение		
Замужем, женат	20	55
Есть партнер	35	30
Разведен, разведена	5	5
Не состоит в отношениях	40	10
Количество детей		
Нет детей	100	33,3
1 ребенок	–	33,3
2–3 ребенка	–	33,4
Уровень образования		
Среднее профессиональное	13,3	40
Высшее	80	60
Неоконченное высшее	6,7	–
Планы на рождение ребенка		
Когда найду подходящего партнера	–	10
Когда добьюсь профессиональных успехов	–	10
Когда смогу взять на себя ответственность за новую жизнь	–	10
Не планирую	100	58,3*
Когда буду психологически готов	–	10
В ожидании ребенка	–	1,7

*Данный вариант выбран людьми, уже имеющими 1 или 2 детей.

Таким образом, среди представителей «чайлдфри» 40% испытуемых не состоят в браке или романтических отношениях в отличие от представителей, положительно относящихся к деторождению, процент одиноких людей в 4 раза меньше. В первичной беседе с представителями группы «чайлдфри» большинство указали на имеющийся травматический опыт близких отношений, частые конфликты и недопонимание со стороны партнера, в связи с чем испытуемые данной группы ограничивали свой круг общения, сохраняя отношения лишь с теми, кто разделял их взгляды или хотя бы

поддерживал. Это подтверждалось и публичными, опубликованными в закрытых тематических сообществах добровольно бездетных людей. Большинство представителей «чайлдфри» (80%) имели высшее образование. Среди испытуемых с положительными установками на деторождение 60% респондентов имели высшее образование и 40% – среднее профессиональное. Данный факт соответствует социально-демографическим исследованиям, согласно которым уровень образования значительно влияет на рождаемость. Процент рождаемости снижается у лиц, имеющих высшее образование [11].

Важно отметить, что отличие выбора моделей репродуктивного поведения отображается, главным образом, в установках на рождение ребенка или предотвращение появления ребенка, планирование беременности и родов или использование средств контрацепции, степень желанности беременности или абортное поведение. Согласно результатам интервью 100% представителей «чайлдфри» не планируют рождение ребенка вне зависимости от таких внешних и внутренних факторов, как психологическая готовность, материальное положение, доверительные отношения с партнером и т.д. Важно

отметить, что 58,3% респондентов с положительной установкой на деторождение не планируют рождение ребенка в связи с тем, что уже имеют 1 или 2 детей.

На втором этапе исследования с помощью анкеты, разработанной С. М. Вильдановой, определялась выраженность традиционных семейных ценностей в системе ценностно-мотивационной сферы испытуемых с разными моделями репродуктивного поведения. На рис. 1 представлено процентное распределение показателей относительно значимости семьи в системе ценностных ориентаций испытуемых.

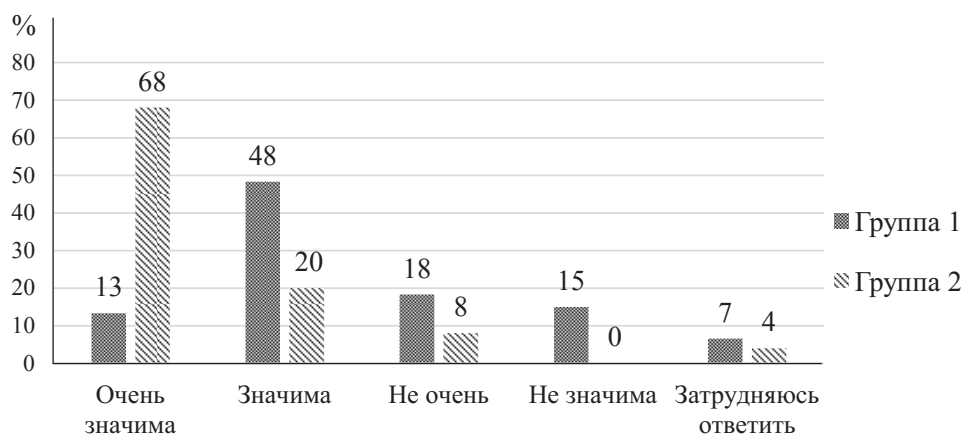

Рис. 1. Место семьи у респондентов с разными моделями репродуктивного поведения

Fig. 1. Family place among respondents with different reproductive behaviors

Согласно результатам анкетирования для 13% представителей «чайлдфри» и для 68% респондентов с положительными установками на деторождение семья является очень значимой ($\phi^* = 6,3$ при $p = 0,01$). 48% представителей «чайлдфри» и 20% респондентов с положительными установками на деторождение воспринимали семью как значимую ценность в их жизни ($\phi^* = 3,17$ при $p = 0,01$). Большинство испытуемых группы 1 отмечали, что для них важны отношения с партнером (мужем, женой), а менее значимы с родственниками, которые оценивались ими как достаточно прохладные и вынужденные. Важно отметить, что 15% представителей группы «чайлдфри», которые не состоят в брачных и добрачных отношениях, считают, что семья для них вообще не значима ($\phi^* = 3,85$ при $p = 0,01$).

Рассмотрим распределение показателей относительно воспоминаний ярких моментов из детства у лиц с разными моделями репродуктивного поведения (рис. 2).

Доминирующими детскими воспоминаниями у 43% представителей «чайлдфри» являлись трудности. В ходе беседы респонденты отмечали, что трудности связаны с недопониманием,

конфликтами с родителями, в большей степени с матерью. Также особенности отношения к семье в целом и к детству в частности этими респондентами определяются наличием в их опыте жестокого поведения родителей по отношению к ним. В свою очередь для 50% лиц с положительной установкой на деторождение значимым воспоминанием из детства выступает совместный семейный досуг, а для 25% испытуемых – праздники в кругу семьи.

Выявлены достоверные различия между лицами с разными моделями репродуктивного поведения по таким категориям, как «семейный досуг» ($\phi^* = 5,3$ при $p = 0,01$) и «трудности» ($\phi^* = 4,9$ при $p = 0,01$).

Представители группы «чайлдфри» и испытуемые с положительной установкой на деторождение считали важными составляющими семьи взаимоуважение (55 и 40% соответственно) ($\phi^* = 1,64$ при $p = 0,05$), взаимопонимание (28 и 40% соответственно) и хобби (7 и 5% соответственно).

В образе идеальной семьи у представителей обеих групп важным выступает эмоциональная связь между членами семьи (43 и 43% соответ-

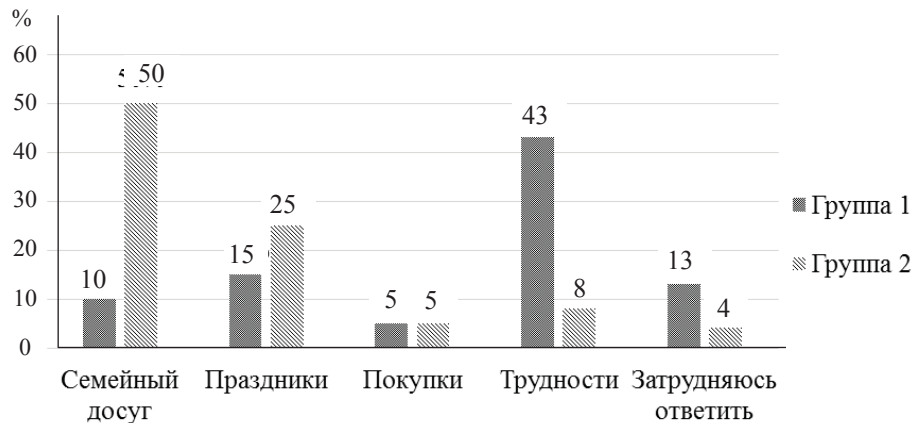

Рис. 2. Яркие моменты детских воспоминаний у респондентов с разными моделями репродуктивного поведения

Fig. 2. Highlights of childhood memories of respondents with different models of reproductive behavior

ственно). Лишь 5% представителей «чайлдфри» в отличие от 28% лиц с положительной установкой на деторождение считают свою семью идеальной ($\phi^* = 3,63$ при $p = 0,01$). Для 7% испытуемых с положительной установкой составляющей идеальной семьи является наличие большого количества членов семьи ($\phi^* = 2,9$ при $p = 0,01$). В свою очередь, 25% представителей группы «чайлдфри» и 7% респондентов с положительной установкой на деторождение считали, что идеальной семьи не существует ($\phi^* = 2,8$ при $p = 0,01$).

Преимуществами родительства 8% представителей «чайлдфри» и 30% лиц с положительной установкой на деторождение считали наличие нового жизненного опыта ($\phi^* = 3,2$ при $p = 0,01$). Для 44% респондентов с положительной установкой родительство является смыслом жизни ($\phi^* = 7,9$ при $p = 0,01$). По мнению 13% представителей «чайлдфри», стать родителем это некая личностная и финансовая выгода ($\phi^* = 4$ при $p = 0,01$).

Как отмечают 78% представителей «чайлдфри» и 33% испытуемых с положительной установкой на деторождение, родительство забирает много сил и энергии ($\phi^* = 5,1$ при $p = 0,01$). 10% представителей «чайлдфри» и 25% испытуемых с положительной установкой на деторождение боятся стать плохими родителями ($\phi^* = 2,2$ при $p = 0,05$). В ходе дополнительной беседы представители «чайлдфри» отметили, что боятся стать такими же плохими родителями, как и их отец с матерью.

Похожие результаты эмпирического исследования были получены К. М. Коржовой при изучении психологического аспекта формирования феномена «чайлдфри». По ее мнению, ведущим фактором в выборе отказа от деторождения является наличие психотравмирующих ситуаций в детском возрасте – жестокое обращение, эмоци-

ональное игнорирование, физическое и моральное насилие. Следовательно, неблагоприятные условия воспитания, дисфункциональная семья становятся триггером в выборе моделей репродуктивного поведения. Вследствие неудовлетворительных детско-родительских отношений, обид и гнева на родителей, сильных эмоциональных переживаний, связанных с детством, происходит искаженное восприятие социальных ожиданий. Представители «чайлдфри» сопротивляются пропагандируемым ценностям семьи, родительства и детей, негативно реагируют на старшее поколение, склоняющее их позитивно оценить родительство и рождение детей [12].

Трудности и перспективы работы

В ходе эмпирического исследования ценности семьи и родительства людей, добровольно отказавшихся от рождения ребенка («чайлдфри»), и лиц с положительной установкой на родительство появляется ряд трудностей. Во-первых, сообщества «чайлдфри» являются закрытыми и возникает сложность попасть в эти сообщества. Во-вторых, имеет место мотивирование испытуемых на участие в экспериментальном исследовании, в большей степени – мужчин, они часто сталкивались с категоричным отказом на предложение поучаствовать в исследовании. Ответной реакцией на вопросы анкеты, связанные с детством, был открытый вербальный гнев. Возникающее сопротивление и агрессия со стороны респондента являются следствием высокого уровня болезненности затрагиваемой темы.

Перспективным считаем проведение экспериментального научного исследования, направленного на выявление личностных характеристик представителей «чайлдфри», а также разработку психодиагностического инструментария

для определения психологических факторов, обуславливающих выбор моделей репродуктивного поведения.

Дальнейшие исследования феномена «чайлдфри» способствуют расширению и углублению имеющихся в современном научном знании представлений о природе и динамике данного феномена, а также личностных особенностях, мотивационно-потребностной, эмоциональной и когнитивной сферах представителей движения «чайлдфри».

Выводы

В результате проведенного эмпирического исследования выявлено место семьи и родительства в системе жизненных ценностей лиц с разными моделями репродуктивного поведения. Для лиц с положительной установкой на родительство семья является очень значимой ценностью в системе ценностно-смысловой сферы, дети и родительство рассматриваются ими как смысл жизни. Следовательно, традиционные ценности семьи важны для представителей данной группы. В отличие от лиц с положительной установкой на родительство у представителей «чайлдфри» семья является менее значимой. Для них характерно нейтральное или отрицательное отношение к детям и деторождению, преобладают негативные воспоминания, связанные с детством. Трудности, пережитые в этом периоде, и негативный опыт могут стать регулятором в выборе модели репродуктивного поведения. В свою очередь представители «чайлдфри» в большей степени переориентированы с внутрисемейных отношений на внесемейные – профессиональные достижения и карьеру, что подтверждается высоким уровнем образованности.

Полученные результаты эмпирического исследования способствуют расширению теоретической базы об особенностях лиц с разными моделями репродуктивного поведения, их можно успешно применять в индивидуальной и семейной психотерапии и психологическом консультировании, в мероприятиях, направленных на профилактику снижения уровня рождаемости.

Список литературы

1. Касимовская Н. А., Тихомирова Л. Л., Микерова М. С., Алиева А. М., Гараева А. С., Коркмазова Л. Х. Отношение к феномену childfree студентов медицинского вуза // Российский медицинский журнал. 2019. Т. 25, № 6. С. 264–267.
2. Бичарова М. М., Морозова О. В. Идеология чайлдфри и ее влияние на современную систему семейных ценностей // Глобальный научный потенциал. 2016. № 12 (69). С. 7–10.
3. Бичарова М. М. Чайлдфри : гендерные различия и перспективы изменения жизненной позиции // Инновационное развитие : потенциал науки и современного образования : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза : МЦНС «Наука и просвещение», 2017. Ч. 3. С. 240–242.
4. Zhang Z., Hayward M. D. Childlessness and the Psychological Well-Being of Older Persons // The Journal of Gerontology. 2001. Vol. 56 (5). P. 311–320.
5. Peterson H., Engwell K. Silent bodies : Childfree women's gendered and embodied experiences // European Journal of Women's Studies. 2013. Vol. 20 (4). P. 376–389.
6. Шляпникова Ю. В., Устин П. Н., Попов Л. М. Психологические факторы репродуктивного поведения представительниц сообщества чайлдфри // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7, № 5А. С. 107–113.
7. Blackstone A., Stewart M. D. «There's More Thinking to Decide» : How the Childfree Decide Not to Parent // The Family Journal. 2016. Vol. 24 (3). P. 296–303.
8. Вильданова С. М., Граничная А. А., Мингалиева А. Р., Салыхиева Л. М. Тенденции распространения ценностей чайлдфри в России и их влияние на кризис института семьи // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 192–205.
9. Полутова М. А., Жанбаз О. О. Ценностные и мотивационные установки сообщества «Чайлдфри» с позиций постмодернизма // Вестн. Забайк. гос. ун-та. 2015. № 1 (116). С. 89–100.
10. Камзина О. А., Самыкина Н. Ю. Исследование жизненных сценариев у представителей сообщества «Childfree» // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2014. № 1 (112). С. 213–223.
11. Архангельский В. Н., Зинькина Ю. В., Шульгин С. Г. Рождаемость у женщин с разным уровнем образования : текущее состояние и прогнозные сценарии // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 1. С. 21–39.
12. Коржова К. М. Психологические аспекты формирования феномена чайлдфри у женщин // Актуальные проблемы психолого-педагогического и медико-социального сопровождения высшего профессионального образования : интеграция науки и практики : материалы IV межрегион., с междунар. участием науч.-практ. конф. Хабаровск : Дальневост. гос. мед. ун-т, 2017. С. 158–161.

Образец для цитирования:

Ушакова В. Р. Ценность семьи и родительства у молодежи с разными моделями репродуктивного поведения // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 322–328. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-322-328>

Family Value in Young People with Different Reproductive Behaviors

V. R. Ushakova

Vladislava R. Ushakova, <https://orcid.org/0000-0001-8317-2518>, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, 8 Uchebny lane, Simferopol 295015, Russia, Vladislava.psyhologist@gmail.com

The article is devoted to the consideration of the system of values in individuals with different models of reproductive behavior. Studies of domestic and foreign authors on this issue are carried out to a greater extent in the framework of sociological research. Preferences and interests making up a social portrait of the representatives of the “childfree” and the degree of tolerance of youth to this movement are identified. In psychological research, a hierarchy of values and personal characteristics of childfree representatives are determined. The author focuses on the consideration of the psychological causes of abandonment of childbearing from the standpoint of the characteristics of the relationship with parents and the emotional response to family events in childhood. The author reveals the place of family and parenthood in the system of life values of youth with a positive attitude towards parenthood and youth voluntarily abandoning childbearing. The study involved 120 people aged 28–33 years. Research methods included conversation and questionnaire. On the basis of the data obtained, it was confirmed that the family is less important in the value system for representatives of the childfree and negative childhood memories prevail, unlike people with a positive attitude to parenthood. Childfree representatives are more focused on extra-family relationships than on intra-family ones.

Keywords: reproductive behavior models, childfree, value system, parenthood, childbearing.

Received: 03.04.2020/Accepted: 20.05.2020/Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Kasimovskaya N. A., Tikhomirova L. L., Mikerova M. S., Aliyeva A. M., Garayeva A. S., Korkmazova L. Kh. Attitude to the phenomenon of childfree students of a medical university. *Russian Medical Journal*, 2019, vol. 25, no. 6, pp. 264–267 (in Russian).
2. Bicharova M. M., Morozova O. V. The ideology of child-free and its influence on the modern system of family values. *Globalnyy nauchnyy potentsial* [Global Scientific Potential], 2016, no. 12 (69), pp. 7–10 (in Russian).
3. Bicharova M. M. Childfree: gender differences and prospects for changing life position. In: *Innovatsionnoye razvitiye : potentsial nauki i sovremennogo obrazovaniya: sbornik statey Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 3 ch.* [Innovative development: the potential of science and modern education: a collection of articles of the International scientific and practical conference: in 3 pt.]. Ans. ed. G. Yu. Gulyayev. Penza, MTSNS “Nauka i prosveshcheniye” Publ., 2017, pt. 3. pp. 240–243 (in Russian).
4. Zhang Z., Hayward M. D. Childlessness and the Psychological Well-Being of Older Persons. *The Journal of Gerontology*, 2001, vol. 56 (5), pp. 311–320.
5. Peterson H., Yengwell K. Silent bodies: Childfree women’s gendered and embodied experiences. *European Journal of Women’s Studies*, 2013, vol. 20 (4), pp. 376–389.
6. Shlyapnikova Yu. V., Ustin P. N., Popov L. M. Psychological factors of reproductive behavior of the representatives of the childfree community. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskiye obzory i sovremennyye issledovaniya* [Psychology. Historical and Critical Reviews and Modern Research], 2018, vol. 7, no. 5A, pp. 107–113 (in Russian).
7. Blackstone A., Stewart M. D. «There’s More Thinking to Decide»: How the Childfree Decide Not to Parent. *The Family Journal*, 2016, vol. 24 (3), pp. 296–303.
8. Vildanova S. M., Granichnaya A. A., Mingaliyeva A. R., Salyakhiyeva L. M. Trends in the spread of childfree values in Russia and their impact on the crisis of the institution of the family. *Monitoring obshchestvenno mneniya: Yekonomicheskkiye i sotsialnyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2017, no. 3, pp. 192–205 (in Russian).
9. Polutova M. A., Zhanbaz O. O. Value and motivational attitudes of the Childfree community from the perspective of postmodernism. *Bulletin of the Transbaikalian State University*, 2015, no. 1 (116), pp. 89–100 (in Russian).
10. Kamzina O. A., Samykina N. Yu. Study of life scenarios among representatives of the «Childfree» community. *Bulletin of Samara State University*, 2014, no. 1 (112), pp. 213–223 (in Russian).
11. Arkhangelskiy V. N., Zinkina Yu. V., Shulgin S. G. Fertility in women with different levels of education: current status and forecast scenarios. *Narodonaseleniye* [Population], 2019, vol. 22, no. 1, pp. 21–39 (in Russian).
12. Korzhova K. M. Psychological aspects of the formation of the childfree phenomenon in women. *Aktualnyye problemy psikhologo-pedagogicheskogo i mediko-sotsialnogo soprovozhdeniya vysshego professionalnogo obrazovaniya: integratsiya nauki i praktiki: materialy IV mezhdunarodnoy, s mezhdunarodnym uchastiyem nauch.-prakt. konf.* [Actual problems of psychological, pedagogical and medical-social support of higher professional education: the integration of science and practice: materials of the IV interregional, with international participation, scientific and practical conference]. Khabarovsk, Dalnevostochnyy gos. meditsinskiy universitet, 2017, pp. 158–161 (in Russian).

Cite this article as:

Ushakova V. R. Family Value in Young People with Different Reproductive Behaviors. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 322–328 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-322-328>

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.018.4

Классификация стратегий электронного взаимодействия в web-обучении

Е. А. Александрова, М. Р. Агтия, С. И. Ахметов

Александрова Екатерина Александровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, alexkatika@mail.ru

Агтия Мохамед Рамадан, аспирант факультета психолого-педагогического и специального образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, mra03@fayoum.edu.eg

Ахметов Степан Идрисович, аспирант факультета психолого-педагогического и специального образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, akhmetov.stepan@mail.ru

Появление в научной литературе описания большого количества стратегий электронного взаимодействия связано с активным развитием в настоящее время электронного обучения. Все они так или иначе имеют преимущества. Чтобы можно было максимально использовать эти преимущества, необходимо их изучить, обобщить и классифицировать. Именно в этом состоит цель данной статьи. Авторами осуществлен анализ множества вариантов стратегий взаимодействия в обучении. В результате ими создана классификация стратегий электронного взаимодействия в web-обучении. В статье приводится не только авторское определение понятия «стратегия», но и новая классификация стратегий электронного взаимодействия в web-обучении, отличающаяся от других с точки зрения видов и их отношения к среде электронного обучения через Интернет. Это следующие стратегии: совместного (партисипативного) электронного обучения; опосредованной лекции; самостоятельного электронного обучения; проблемного обучения; проектного обучения; активного электронного обучения; визуального мышления; обучения на основе открытий; членства; электронного взаимодействия с экспертами; взаимодействия с коллегами; наставника; электронного обсуждения; электронного опроса; стратегия ролевой игры.

Ключевые слова: стратегия, учебная стратегия, электронное взаимодействие, web-обучение, проектное обучение, проблемное обучение.

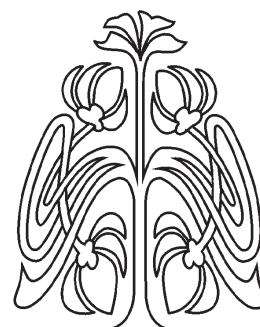
Поступила в редакцию: 23.03.2020 / Принята: 20.05.2020 / Опубликовано: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

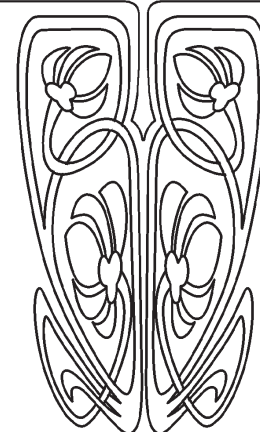
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-329-333>

Слово стратегия изначально означает «искусство ведения войны». В переносном значении «стратегия» – искусство руководства общественной борьбой. Так, стратегия в целом есть некий структурированный метод или общий план ведения чего-либо, руководства чем-либо.

Что касается педагогического тезауруса, то здесь этот термин используется в целях уточнения направленности взаимодействия, которое состоит из определенного набора педагогически оправданных действий, организованных для достижения некоторых конкретных

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

целей обучения в определенный период времени [1]. Данный термин был принят педагогическим сообществом наряду с термином «тактика педагогической деятельности». И сегодня понятие «учебная стратегия» широко распространено. Оно означает доминирующую концепцию и общие процедуры учения и обучения, принятые и одобренные субъектами преподавательской и учебной деятельности как направления достижения основных целей. Учебная стратегия включает в себя и то, как именно осуществляется обучение: прямое объяснение, лекция, переписка, телевидение, или она также включает в себя средства, с помощью которых педагог общается с группой учащихся, будь то прямые, косвенные вопросы или каким-либо иным образом [2].

Следует заметить, что построение веб-обучения также основано на наборе стратегий, которые определяют и отображают его пути в системе [3].

В литературе к настоящему времени описано множество образовательных стратегий, которые могут быть использованы в web-обучении [2–12]. Их подробный анализ позволил нам *сгруппировать образовательные стратегии электронного взаимодействия в web-обучении* и тем самым предложить их *классификацию*.

1. *Стратегия совместного (партисипативного) электронного обучения*

Это стратегия обучения, которая требует, чтобы учащиеся работали в небольших группах для решения проблемы или достижения цели. Знания в этом случае формируются на основе вклада каждого учащегося в каждой учебной группе. Позитивная самостоятельность и позитивная социальная коммуникация между учащимися и реализация стратегии совместного обучения в онлайн-среде электронного обучения побуждают учащихся участвовать в образовательной деятельности, обмениваться идеями, взаимодействовать со сверстниками. Совместная деятельность обучающихся в этом случае выступает педагогическим условием формирования положительных взаимоотношений между ними.

Данная стратегия позволяет также формировать у учащихся ориентацию на деятельность их партнеров по обучению. Так, она приучает их не только к самостоятельности, но и ответственности; они учатся работать вместе.

2. *Стратегия опосредованной лекции*

Многие учащиеся в ситуации web-обучения получают традиционные лекции по сети Интернет. Преподаватель может опубликовать лекцию через веб-страницу или отправить ее учащимся по электронной почте, в дополнение к возможности записи и трансляции через сеть в так называемом

поточном режиме мультимедиа или с помощью метода видеоконференцсвязи транслировать лекцию по сети.

Несмотря на то, что данная стратегия электронного взаимодействия осуществляется опосредованно, его можно назвать «учитель–ученик». На электронном занятии происходит все то же, что и на обычном.

3. *Стратегия самостоятельного электронного обучения*

Электронное взаимодействие в случае ориентации на данную стратегию осуществляется посредством индивидуального диалога между педагогом и учащимся (только без участия других учащихся). Педагог имеет дело с учащимся через различные диалоговые системы в Интернете. Например, это может быть электронная почта, прямой диалог или беседа в чате или другие диалоговые системы, которые позволяют педагогу общаться с учеником. В них ученик делится своими проблемами, а педагог пытается найти решения и (или) же мотивировать ученика к самостоятельному их поиску.

4. *Стратегия проблемного обучения*

Данная стратегия электронного взаимодействия основана на проблемном обучении в его классическом виде, так как фокусируется на анализе и изучении учебных проблем. Давно доказано и нет смысла останавливаться на том, что проблемное обучение положительно влияет на активное отношение учащихся к учению, формирует их творческий потенциал в решении учебных задач. Познавательный интерес понимается в данном случае как мотив учения, стимулирует общее интеллектуальное развитие.

К недостаткам можно отнести то, что проблемное обучение отнимает много времени, значительно больше, чем информирующее.

5. *Стратегия проектного обучения*

Рабочие группы для электронного взаимодействия формируются в соответствии с уровнем подготовки студентов. Каждой группе предлагается конкретный проект, который должен быть реализован. Кроме того, должен быть избран руководитель, ответственный за принятие коллективных решений, организацию обсуждений, взаимодействия и коммуникации участников в электронном виде.

Проектное обучение способствует формированию как критического, так и творческого мышления, потому что использует множество методов и видов педагогической деятельности: обучение в деле («продуктивное обучение»), проблемное обучение, независимые занятия, совместное обучение, «мозговой штурм», ролевая игра, дискуссия, групповое обучение и пр.

7. Стратегия активного электронного обучения

Активное обучение – это не новая, а давно известная идея. Важная особенность данной стратегии заключается в том, чтобы педагог смог делегировать большую часть своей ответственности за успех учебной деятельности самим студентам. Посредством этой стратегии педагог должен предоставить студенту материалы для изучения, например, читать текстовый материал, аудио- или видеоматериалы. Это также может быть деятельность по чтению журналов и газет в электронных библиотеках и Интернете. Все эти виды деятельности отражаются на его обучении и характере.

8. Стратегия визуального мышления

Основана на постановке вопросов, связанных с образами, которые побуждают думать, отмечать и отвечать. Каждый вопрос должен быть настолько глубоким, чтобы при его обдумывании складывалась четкая картина. Подспорьем могут стать чек-лист, ментальная карта и прочие способы визуализации мыслительной деятельности.

9. Стратегия обучения на основе открытий

Данная стратегия электронного взаимодействия является одним из лучших способов обучения. Она позволяет учащемуся ускоренно развиваться, поскольку он в позиции «открывающего» становится активным; способствует эффективному и продуктивному обучению, а также приобретению исследовательских навыков и навыков наблюдения, классификации, прогнозирования, измерения, интерпретации.

10. Стратегия членства

Это одна из стратегий электронного взаимодействия, связанных с появлением Интернета и некоторых его сервисов. Она зависит от членства учащегося в студенческих группах новостей, списках рассылки, энциклопедиях, электронных журналах и других электронных организациях, через которые учащийся видит различную информацию своевременной, обновленной и актуальной.

11. Стратегия электронного взаимодействия с экспертами

Стратегия электронного взаимодействия с экспертами направлена на то, чтобы поставить учащегося в интерактивные ситуации посредством диалога и обсуждения с экспертами электронного контента.

12. Стратегия взаимодействия с коллегами

Стратегия, возникшая в результате появления большого количества инструментов интерактивной коммуникации, которые помогли создать образовательные установки, основанные на использовании этих инструментов в одновременном

или асинхронном взаимодействии сверстников индивидуально или в группе, позволяет обсуждать и обмениваться учебным контентом в интерактивных рамках.

13. Стратегия наставника

Развивается в результате возможности прямого электронного взаимодействия между учеником и педагогом или администратором электронной системы через Интернет, т. е. существует двусторонняя связь между каждым учителем и учеником. Для этого используется технология интеллектуального или виртуального педагога, которая может обеспечить эффект наличия частного репетитора для каждого онлайн-ученика.

14. Стратегия электронного обсуждения

Электронное взаимодействие осуществляется посредством онлайн-обсуждения между учениками и педагогами, а также между самими учениками. Эти групповые обсуждения проводятся одновременно через чат и, возможно, асинхронно через дискуссионные группы, списки рассылки, информационные бюллетени или электронные доски обсуждений. Стратегия обсуждения поощряет учащихся к ведению диалогов и исследованиям. Педагог должен мотивировать учащихся во время этой дискуссии, задавая темы и вопросы и поощряя каждого из них к обсуждению.

15. Стратегия электронного опроса

Метод постановки вопросов в ситуации электронного взаимодействия касается как педагога, так и ученика. Вопросы могут быть сосредоточены на поиске ответов, выражающих факты или решения естественных, поведенческих, философских или исторических проблем. Определение того, что изучают участники, – это способ обнаружения и интерпретации информации. Эффективные вопросы побуждают участников к критическому мышлению и обеспечивают обратную связь с педагогом по поводу понимания участников или учащихся.

16. Стратегия ролевой игры

Ролевая игра в ситуации электронного взаимодействия позволяет распределить ключевые роли между ее участниками. Эти роли могут быть связаны с чувствами или ситуацией, или событием, которые рассматриваются в обучении. Ближе всего к пониманию данной стратегии находится деловая игра во всех ее вариантах и проявлениях (кейсы, ситуационная активность и пр.).

Пожалуй, ряд стратегий электронного взаимодействия можно продолжать. Их действительно существует немало количество. При этом каждая существующая может порождать некую новую стратегию. Однако необходимо помнить, что на определение и выбор стратегии оказывают влияние многие факторы. Взаимодействие этих

факторов носит специфический характер и всегда изменяется во времени. Поэтому необходимо оценивать совокупность внешних и внутренних факторов, прежде чем начать выбор стратегии.

Список литературы

1. *Simonson M., Schlosser L. A.* Distance Education. 3rd ed. // *Definition and Glossary of Terms.* Fayam : Abdelgany, 2009. 48 p.
2. *Al-Sharqawi D. M., al-Abdul Razek A. A.* Efficiency of using some strategies of electronic interaction in the development of skills of interaction with second-generation web applications for postgraduates at the faculty of education // *E-learning technologies between the challenges of the current and future perspectives: 12th scientific conference of the Egyptian Association of educational technologies.* Cairo : House of Arab thought, 2009. P. 275–317.
3. *Al-Halafawi V. S.* E-learning: new applications. Cairo : House of Arab thought, 2011. 39 p.
4. *Giguere P. J., Formica S. W., Harding W. M.* Large-scale interaction strategies for web-based professional development // *The American Journal of Distance Education.* 2004. Vol. 18, № 4. P. 207–223.
5. *Ibrahim M. A.* Learning Strategies and teaching methods. Cairo : Anglo-Egyptian library, 2004. 56 p.
6. *Ismail A. Z.* E-learning from application to professionalism and quality. Cairo : World of books, 2009. 25 p.
7. *Azmi N. G.* E-learning Technology. Cairo : House of Arab thought, 2008. 96 p.
8. *Ahmed M. A.* Network Education System. Cairo : World of books, 2009. 77 p.
9. Tolba M. A. E-learning Strategies // *Journal of e-learning.* Mansur University, 2010, № 6. P. 11–16. Available at: <http://emag.mans.edu.eg/index.php?page=news&task=show&id=102> (дата обращения: 24.12.2019).
10. *Bayumi I. O.* Influence of the synthesis strategy for managing asynchronous discussions in e-learning via the Internet on the achievement and development of certain thinking skills of teachers. Fayum : Ain Shams University, Women's College, 2011. 611 p.
11. *Said M. Sh.* Influence of interaction of methods for managing electronic discussion via the Internet and cognitive methods on the development of problem-solving skills and learning rates among students of educational technologies at the faculty of special education. Fayum : Fayum University, 2012. 31 p.
12. *Suleyman A. N.* The proposed concept of using social networks in project training and its impact on increasing the motivation of achievements and the tendency to learn via the Internet: Third international conference on e-learning and distance education. Fayum ; Riyadh, Kingdom of Saudi Arabia, 2013. 334 p.

Образец для цитирования:

Александрова Е. А., Аттиа М. Р., Ахметов С. И. Классификация стратегий электронного взаимодействия в web-обучении // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 329–333. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-329-333>

Classification of Electronic Interaction Strategies in Web-learning

E. A. Alexandrova, M. R. Attia, S. I. Akhmetov

Ekaterina A. Alexandrova, <https://orcid.org/0000-0002-2101-7050>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, alexkatika@mail.ru

Mohamed R. Attia, <https://orcid.org/0000-0002-5557-0540>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, mra03@fayoum.edu.eg

Stepan I. Akhmetov, <https://orcid.org/0000-0003-3338-7582>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, akhmetov.stepan@mail.ru

The emergence of scientific literature describing a large number of e-interaction strategies has been linked to the effective development of e-learning today. All of them, in one way or another, have advantages. In order to make the most of these advantages, it is necessary to study, generalize and classify them. This is exactly the purpose of the article. The authors analyzed multiple options for e-interaction strategies. As a result, they created a classification of strategies for e-interaction in web-training. In this regard,

this article does not provide only the author's definition of the concept of "strategy", but also a new classification of strategies for e-interaction in web-training, which differs from others in terms of types and their relationship to the environment of e-learning: Collaborative Learning; E-Lecture; Self-directed learning strategy; Learning strategy by publishing and distributing problems electronically; Project-Based e-learning; Active Strategy; Visual Thinking Strategy; Discovery-based learning strategy; Membership Strategy; Ask An Expert Strategy; Peer Interaction Strategy; Tutor Strategy; Electronic-Discussion Strategy; Electronic scanning strategy; Role-Playing Strategy.

Keywords: strategy, teaching strategy, electronic communication, web-based learning, project-based learning, problem-based learning.

Received: 23.03.2020 / Accepted: 20.05.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Simonson M., Schlosser L. A. Distance Education. 3rd ed. *Definition and Glossary of Terms.* Fayam, Abdelgany, 2009. 48 p.
2. Al-Sharqawi D. M., al-Abdul Razek A. A. Efficiency of using some strategies of electronic interaction in the de-

- velopment of skills of interaction with second-generation web applications for postgraduates at the faculty of education. *E-learning technologies between the challenges of the current and future perspectives: 12th scientific conference of the Egyptian Association of educational technologies*. Cairo, House of Arab thought, 2009, pp. 275–317.
3. Al-Halafawi V. S. *E-learning: new applications*. Cairo, House of Arab thought, 2011. 39 p.
 4. Giguere P. J., Formica S. W., Harding W. M. Large-scale interaction strategies for web-based professional development. *The American Journal of Distance Education*, 2004, vol. 18, no. 4, pp. 207–223.
 5. Ibrahim M. A. *Learning Strategies and teaching methods*. Cairo, Anglo-Egyptian library, 2004. 56 p.
 6. Ismail A. Z. *E-learning from application to professionalism and quality*. Cairo, World of books, 2009. 25 p.
 7. Azmi N. G. *E-learning Technology*. Cairo, House of Arab thought, 2008. 96 p.
 8. Ahmed M. A. *Network Education System*. Cairo, World of books, 2009. 77 p.
 9. Tolba M. A. E-learning Strategies. *Journal of e-learning, Mansur University*, 2010, no. 6, pp. 11–16. Available at: <http://emag.mans.edu.eg/index.php?page=news&task=show&id=102> (accessed 24 December 2019).
 10. Bayumi I. O. *Influence of the synthesis strategy for managing asynchronous discussions in e-learning via the Internet on the achievement and development of certain thinking skills of teachers*. Fayum, Ain Shams University, Women's College, 2011. 611 p.
 11. Said M. Sh. *Influence of interaction of methods for managing electronic discussion via the Internet and cognitive methods on the development of problem-solving skills and learning rates among students of educational technologies at the faculty of special education*. Fayum, Fayum University, 2012. 31 p.
 12. Suleyman A. N. *The proposed concept of using social networks in project training and its impact on increasing the motivation of achievements and the tendency to learn via the Internet. Third international conference on e-learning and distance education*. Fayum, Riyadh, Kingdom of Saudi Arabia, 2013. 334 p.

Cite this article as:

Alexandrova E. A., Attia M. R., Akhmetov S. I. Classification of Electronic Interaction Strategies in Web-learning. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 329–333 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-329-333>

УДК 372.851

Экспериментальная проверка методики формирования готовности учителя к проектированию и реализации элективных курсов экономико-математической направленности

В. Ю. Белаш

Белаш Виктория Юрьевна, старший преподаватель кафедры информатики и ИТ, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского, Victoria-minina@mail.ru

Подготовка учителя к реализации обучающих курсов в условиях профильного обучения – одно из ключевых направлений в рамках формирования профессиональных компетенций. Программное требование к обучению математике – развитие у учащихся правильных представлений о природе математики и отражении математической наукой явлений и процессов реального мира, которое может быть достигнуто за счет изучения элективных курсов экономико-математического содержания. В статье содержится описание педагогического эксперимента в рамках исследования, посвященного подготовке бакалавров направления «Педагогическое образование» к проектированию и реализации элективных курсов экономико-математической направленности. Анализ литературы о подготовке будущего учителя математики к созданию и проведению элективных курсов, результаты бесед и тестов, проведенных со студентами и учителями, показали, что ощущаются трудности в выявлении особенностей, структуры и содержания элективных курсов экономико-математической направленности, а также затруднения в использовании активных методов обучения и реализации метода математического моделирования. Для преодоления указанных затруднений был создан и внедрен в практику спецкурс для педагогов. Полученные экспериментальные данные на уровне значимости менее 5% подтвердили гипотезу исследования об эффективности формирования готовности будущих учителей математики к проектированию и реализации элективных курсов экономико-математической направленности по разработанной методике.

Ключевые слова: профильное обучение, экономико-математическое содержание, элективный курс.

Поступила в редакцию: 20.04.2020 / Принята: 20.05.2020 / Опубликовано: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-334-339>

Вопрос внедрения и развития профильного обучения имеет давнюю историю и богатый опыт, отраженный в исследованиях Г. И. Алексеевой, Н. В. Вахрушевой, Ю. В. Ворониной, С. С. Кравцова, А. С. Симонова и др.

Методикой построения и проведения курсов в условиях профильного обучения занимались Е. А. Ермолаев, Е. Ю. Никонова, М. Г. Победоносцева и др.

Элективные курсы способствуют индивидуализации обучения, удовлетворению образовательных потребностей школьников, оказывают помощь старшекласснику, совершившему первоначальный выбор образовательной области для более тщательного изучения, в осознании многообразия видов деятельности, связанных с ней. Вопросы разработки элективных курсов, отбора содержания и внедрения в образовательную практику отражены в работах В. В. Бесценной, В. В. Жолудевой, С. С. Кравцова, А. С. Симонова и др.

Выпускник школы должен обладать культурой мышления, достаточной для продолжения обучения в высшем учебном заведении выбранного направления. Профильное обучение призвано давать определенные знания, умения и навыки для решения задач, возникающих в будущей профессиональной деятельности обучающегося, и обеспечивать адаптацию к социально-экономическим условиям, а также предоставлять возможность развивать способности в том направлении, к которому обучающиеся имеют большую склонность.

Предметная подготовка будущих педагогов для работы в условиях профильного обучения нашла свое отражение в исследованиях А. В. Дорофеева, П. В. Кийко, И. Г. Обойщиковой и др. Методический аспект подготовки педагога к профильному обучению рассмотрен в работах М. А. Артамонова, Н. А. Артеменко, Е. А. Ермолаева и др. Вопросами разработки элективных курсов и возникающих при этом проблем занимались А. А. Зубрилин, Н. С. Казакова, Г. А. Рогова, М. С. Столба и др. Исследователями выявлены основные затруднения учителей, среди которых: неумение определить принципиальное отличие профильных курсов от элективных; затруднения в конструировании содержания элективных курсов в профильном обучении; трудности, связанные с контролем за деятельностью обучающихся на элективных курсах, формами проведения занятий и итоговой аттестации в рамках элективных курсов.

Разработке модели формирования готовности педагогов к проектированию и реализации элективных курсов посвящены работы А. Н. Комаровой, Г. Б. Кунжигитовой, В. А. Сластинина

и др. В исследованиях, посвященных подготовке будущего учителя, изложены компоненты и уровни сформированности готовности педагога к проектированию и проведению элективных курсов, предложены модели формирования готовности, которые требуют уточнений для элективных курсов экономико-математического содержания в соответствии с обновленным ФГОС ВО.

Анализ степени разработанности проблемы настоящего исследования показал обновление целей математического образования, углубление индивидуализации, расширение инновационных методов образования и самообразования, новые требования общества к личности педагога, обладающего высокой творческой активностью, а также выявил противоречия между:

современными потребностями школы в специалистах по проектированию элективных курсов и отсутствием соответствующей подготовки в рамках традиционного обучения будущих учителей математики;

необходимостью реализации элективных курсов в условиях профильного обучения и недостаточной методической подготовкой будущего учителя математики;

необходимостью уточнения компонентов модели формирования готовности к проектированию и реализации элективных курсов в рамках обновленного ФГОС ВО и недостаточной проработкой теоретического материала, посвященного структуре готовности учителя к разработке и проведению элективных курсов;

актуальностью экономико-математического профиля обучения и необходимостью проведения соответствующих элективных курсов и недостаточной методической подготовкой педагогов к проектированию и проведению элективных курсов экономико-математического содержания.

Необходимость разрешения данных противоречий определила выбор темы исследования – «Подготовка бакалавров направления «Педагогическое образование» к проектированию и реализации элективных курсов экономико-математической направленности», проблема которого формулируется следующим образом: каковы содержание и методика подготовки будущих учителей к проектированию и реализации элективных курсов экономико-математической направленности. Решение данной проблемы составляет цель исследования.

Педагогический эксперимент проводился в 3 этапа: поисковый, формирующий и констатирующий.

На поисковом этапе эксперимента изучена литература по теме исследования, степень разработанности проблемы, сформулированы гипотеза,

цель и задачи исследования. Затем подбирались средства изучения статистического материала и составлялась система заданий.

Для педагогов и студентов были разработаны тестовые задания по оценке готовности к проектированию и проведению элективных курсов. Данные тесты были предложены для заполнения практикующим учителям и студентам, обучающимся по направлению подготовки «Педагогическое образование».

На формирующем этапе были проведены занятия со студентами по разработанному спецкурсу для подготовки будущих педагогов к проектированию и проведению элективных курсов [1]. Данная работа выполнялась со студентами Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского.

В эксперименте приняли участие студенты ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского» специальности «Педагогическое образование», а также практикующие учителя математики школ Калуги и Калужской области. В экспериментальную группу входили студенты III и IV курсов, в контрольную – студенты V курса и практикующие учителя. Для оценки результатов был составлен тест.

Среди респондентов, испытывавших трудности в вопросах, касавшихся определения элективных курсов, одну ошибку допустили 43,5% опрошенных, две – 16,5%, верно выполнили все задания 40,0%.

Вопросы, связанные со спецификой элективных курсов экономико-математического содержания, вызвали меньше затруднений. Здесь одну ошибку допустили 50,6% респондентов, две – 16,5%, а справились без ошибок 32,9% опрошенных.

Классификацию элективных курсов представляют верно 31,8% респондентов. При этом допустили одну ошибку 47,1%, две – 21,2%.

О входящих в состав элективного курса экономико-математического содержания задачах имеют верное представление 12,9% опрошенных. Одну неточность допустили 51,8%, две – 27,1%, три – 8,2%.

В вопросах, посвященных методическим аспектам элективных курсов, одну ошибку допустили 28,2% респондентов, две ошибки – 34,1%, 3 ошибки – 30,6%, и верно справились с заданиями 7,1% опрошенных.

Для представления результатов измерений в контрольной и экспериментальной группах была выбрана шкала отношений при проверке совпадения показателей. Ввиду того, что объем выборки велик и число различающихся значений близко 10 (в качестве различающихся значений

было принято количество верных ответов на тест, всего таковых 12), целесообразно использовать критерий χ^2 для проверки гипотезы [2].

Основная гипотеза H_0 формулируется следующим образом: «Результаты тестирования, посвященного оценке формирования готовности будущих учителей математики к проектированию и реализации элективных курсов экономико-математической направленности по разработанной методике, в экспериментальной и контрольной группах после проведения эксперимента различаются», а альтернативная гипотеза H_1 : «Результаты тестирования, посвященного оценке формирования готовности будущих учителей математики к проектированию и реализации элективных курсов экономико-математической направленности по разработанной методике, не различаются».

После проведения эксперимента среди респондентов, испытывавших трудности в вопросах, касающихся определения элективных курсов, одну ошибку допустили 41,2% опрошенных, две – 14,1%, верно выполнили все задания 44,7%.

В вопросах, связанных со спецификой элективных курсов экономико-математического содер-

жания, одну ошибку допустили 48,2% респондентов, две – 17,6%, а справились без ошибок 34,1% опрошенных.

Классификацию элективных курсов представляют верно 51,8% респондентов, допустивших одну ошибку – 34,1%, две – 14,1%.

О входящих в состав элективного курса экономико-математического содержания задач имеют верное представление 27,1% опрошенных, одну неточность допустили 47,1%, две – 24,7%, три – 1,2%.

В вопросах, посвященных методическим аспектам элективных курсов, одну ошибку допустили 29,4% респондентов, две ошибки – 52,9%, 3 ошибки – 14,1%, и верно справились с заданиями 3,5% опрошенных.

Полученные экспериментальные данные были внесены в рабочую книгу MS Excel для проведения расчетов (табл. 1).

В ходе эксперимента был проведен спецкурс для подготовки будущего учителя к проектированию и реализации элективных курсов экономико-математического содержания, в завершение получены следующие результаты (табл. 2).

Таблица 1 / Table 1

Результаты тестирования до проведения эксперимента
Test results before the experiment

Контрольная группа									
Блок вопросов	Распределение ответов респондентов								Число респондентов
	Верно на все вопросы		1 ошибка		2 ошибки		3 ошибки		
Определение элективных курсов (ЭК)	12	34,3%	19	54,3%	4	11,4%	–	–	35
Специфика ЭК	12	34,3%	19	54,3%	4	11,4%	–	–	35
Методические затруднения	16	45,7%	12	34,3%	6	17,1%	1	2,9%	35
Работа над задачами для разделов ЭК	7	20,0%	16	45,7%	10	28,6%	2	5,7%	35
Классификация ЭК	16	45,7%	12	34,3%	7	20,0%	–	–	35
Экспериментальная группа									
Блок вопросов	Распределение ответов респондентов								Число респондентов
	Верно на все вопросы		1 ошибка		2 ошибки		3 ошибки		
Определение элективных курсов (ЭК)	22	44,0%	18	36,0%	10	20,0%	–	–	50
Специфика ЭК	16	32,0%	24	48,0%	10	20,0%	–	–	50
Методические затруднения	8	16,0%	17	34,0%	20	40,0%	5	10,0%	50
Работа над задачами для разделов ЭК	4	8,0%	28	56,0%	13	26,0%	5	10,0%	50
Классификация ЭК	1	22,0%	28	56,0%	11	22,0%	–	–	50

Результаты тестирования после проведения эксперимента
Test results after the experiment

Контрольная группа									
Блок вопросов	Распределение ответов респондентов								Число респондентов
	Верно на все вопросы		1 ошибка		2 ошибки		3 ошибки		
Определение элективных курсов (ЭК)	13	37,1%	16	45,7%	6	17,1%	–	–	35
Специфика ЭК	9	25,7%	21	60,0%	5	14,3%	–	–	35
Методические затруднения	11	31,4%	15	42,9%	8	22,9%	1	2,9%	35
Работа над задачами для разделов ЭК	7	20,0%	17	48,6%	11	31,4%	–	–	35
Классификация ЭК	17	48,6%	14	40,0%	4	11,4%	–	–	35
Экспериментальная группа									
Блок вопросов	Распределение ответов респондентов								Число респондентов
	Верно на все вопросы		1 ошибка		2 ошибки		3 ошибки		
Определение элективных курсов (ЭК)	25	50,0%	19	38,0%	6	12,0%	–	–	50
Специфика ЭК	20	40,0%	20	40,0%	10	20,0%	–	–	50
Методические затруднения	14	28,0%	30	60,0%	4	8,0%	2	4,0%	50
Работа над задачами для разделов ЭК	16	32,0%	23	46,0%	10	20,0%	1	2,0%	50
Классификация ЭК	27	54,0%	15	30,0%	8	16,0%	–	–	50

Для проверки гипотезы использовался критерий χ^2 с оценкой результатов на уровне значимости $\alpha = 0,05$. В качестве характеристики группы принято количество ее членов, набравших тот или иной балл по результатам тестирования. Для экспериментальной группы вектор баллов есть $n = (n_1, n_2, \dots, n_L)$, где n_k – число членов экспериментальной группы, получивших k -й балл, $k = 1, 2, \dots, L$. Для контрольной группы вектор баллов есть $m = (m_1, m_2, \dots, m_L)$, где m_k – число членов контрольной группы, получивших k -й балл, $k = 1, 2, \dots, L$.

Эмпирическое значение χ^2 вычисляется по формуле [2]:

$$\chi_{\text{эмп}}^2 = N \cdot M \sum_{i=1}^L \frac{(n_i - m_i)^2}{n_i + m_i},$$

где $M = 35$, $N = 50$.

Экспериментальные данные расположены на рабочем листе книги MS Excel и выполнены расчеты (табл. 3).

Таким образом, для экспериментальной группы до начала эксперимента и после его проведения $\chi_{\text{критич}}^2 = 18,30704$, а $\chi_{\text{эмпирич}}^2 = 23,3174$, следовательно, с вероятностью 95% можно говорить, что результаты данной группы различаются.

Для контрольной и экспериментальной групп после проведения эксперимента $\chi_{\text{критич}}^2 = 16,91898$, а $\chi_{\text{эмпирич}}^2 = 17,3230$, следовательно, с вероятностью 95% можно говорить, что результаты данных групп различаются.

Полученные экспериментальные данные на уровне значимости менее 5% подтвердили гипотезу исследования о том, что формирование готовности будущих учителей математики к проектированию и реализации элективных курсов экономико-математической направленности по разработанной методике будет эффективным, если: 1) в основу профессиональной подготовки будущих учителей математики будет положена интеграция математических, экономических, методологических, психолого-педагогических и методических знаний; 2) формирование

Таблица 3 / Table 3

Расчет коэффициентов
Calculation of coefficients

Количество верных ответов	Количество человек, набравших заданный балл до начала эксперимента		Количество человек, набравших заданный балл после окончания эксперимента		Расчет коэффициентов					
	Экспериментальная группа (Э)	Контрольная группа (К)	Экспериментальная группа (Э)	Контрольная группа (К)	(К-Э после)	(К-Э до)	(К до Э после)	(К после Э до)	(К до К после)	(Э до Э после)
1	0	0	0	0	–	–	–	–	–	–
2	1	0	0	0	–	0,0004	–	0,0004	–	0,0004
3	3	0	1	0	0,0004	0,0012	0,0008	0,0012	–	0,0004
4	2	0	1	0	0,0004	0,0008	0,0008	0,0008	–	0,0001
5	8	3	3	0	0,0012	0,0005	0,0001	0,0032	0,0024	0,0009
6	12	6	5	8	0,0013	0,0003	0,0000	0,0000	0,0002	0,0012
7	11	9	5	12	0,0035	0,0001	0,0001	0,0007	0,0003	0,0009
8	6	8	13	7	0,0002	0,0008	0,0021	0,0005	0,0001	0,0010
9	0	3	8	5	0,0000	0,0024	0,0026	0,0041	0,0004	0,0032
10	6	3	10	1	0,0027	0,0001	0,0039	0,0012	0,0008	0,0004
11	1	0	3	1	0,0002	0,0004	0,0024	0,0000	0,0008	0,0004
12	0	3	1	1	0,0000	0,0024	0,0002	0,0008	0,0008	0,0004
	50	35	50	35	0,0099	0,0091	0,0132	0,0129	0,0059	0,0093
Коэффициенты					17,323	15,929	23,128	22,547	7,281	23,317
L					10	11	10	11	8	11
$\chi^2_{критич}$					16,919	18,307	16,919	18,307	14,067	18,307

профессиональной готовности педагогов к проектированию и реализации элективных курсов происходит с опорой на структуру профессиональной готовности и модель формирования готовности будущих учителей к проектированию и проведению элективных курсов экономико-математической направленности; 3) в образовательный процесс внедрен спецкурс по формированию готовности к проектированию и реализации элективных курсов, который базируется на интеграции математических и психолого-педагогических дисциплин (педагогика, психология, теория и методика обучения

математике), а также на межпредметных связях математики и экономики.

Список литературы

1. *Минина В. Ю.* Спецкурс для будущих учителей математики по формированию готовности к созданию и проведению элективных курсов экономико-математической направленности // *Актуальные проблемы обучения математике : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 12.* Калуга : Эйдос, 2014. С. 116–124.
2. *Новиков Д. А.* Статистические методы в педагогических исследованиях (типовые случаи). М. : МЗ-Пресс, 2004. 67 с.

Образец для цитирования:

Белаш В. Ю. Экспериментальная проверка методики формирования готовности учителя к проектированию и реализации элективных курсов экономико-математической направленности // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика.* 2020. Т. 20, вып. 3. С. 334–339. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-334-339>

Experimental Verification of the Formation Method of Teacher's Readiness for Design and Implementing Elective Courses of Economic and Mathematical Content

V. Yu. Belash

Victoria Yu. Belash, <https://orcid.org/0000-0002-2992-7809>, Kaluga K. E. Tsiolkovsky State University, 26 Razina St., Kaluga 248023, Russia, Victoria-minina@mail.ru

Teacher training for the implementation of specialized training courses is one of the key areas in the formation of professional competencies. In addition, the program requirement for teaching mathematics is to develop in students correct ideas about the nature of mathematics and the reflection of phenomena and processes of the real world by it. This can be achieved through the study of elective courses of economic and mathematical content. The article describes a pedagogical experiment within the framework of training students pursuing bachelor's degree in "Teacher Education" to design and implement elective courses focused on economic and mathematical content. Analysis of the literature on training future math teachers to create and run elective courses and interviews and tests made by students and teachers show that there are difficulties in identifying specifics, structure and content of such courses. There are also problems with using active teaching methods and the method of mathematical modeling. To overcome these difficulties, a special course for teachers has

been created and put into practice. The experimental data obtained at significance level less than 5% confirm the hypothesis of the study about the efficiency of forming future math teachers' readiness to design and implement elective courses focused on economic and mathematical content by the developed technique.

Keywords: profile training, economic and mathematical content, elective course.

Received: 20.04.2020 / Accepted: 20.05.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Minina V. Yu. Special course for future teachers of mathematics on the formation of readiness to create and conduct elective courses of economic and mathematical orientation. *Aktualnye problemy obucheniya matematike: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov* [Actual problems of teaching mathematics: Intercollegiate collection of scientific articles]. Kaluga, E'jdos Publ., 2014, iss. 12, pp. 116–124 (in Russian).
2. Novikov D. A. *Statisticheskie metody v pedagogicheskikh issledovaniyakh (tipovye sluchai)* [Statistical methods in pedagogical research (typical cases)]. Moscow, MZ-Press Publ., 2004. 67 p. (in Russian).

Cite this article as:

Belash V. Yu. Experimental Verification of the Formation Method of Teacher's Readiness for Design and Implementing Elective Courses of Economic and Mathematical Content. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 334–339 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-334-339>

УДК 37.013

Формирование духовно-нравственных основ личности младшего школьника на уроках русского языка и литературного чтения

Л. А. Качанова

Качанова Лариса Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры психологии, образования и педагогических наук, Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт, larisakachanova@gmail.com

В статье приводятся некоторые результаты исследования особенностей формирования духовно-нравственных основ личности младшего школьника на уроках русского языка и литературного чтения. Духовно-нравственное воспитание – одно из приоритетных направлений в деятельности образовательных организаций, причем особенно важен этот процесс на ступени начального общего образования, поскольку ребенок младшего школьного возраста осваивает элементы поведения в обществе, развиваются социальные чувства (ответственность, справедливость, взаимопомощь, долг), значительно расширяется круг общения, происходит резкий скачок в речевом развитии. Показано особое значение уроков русского языка и литературного чтения для решения задач формирования духовно-нравственных основ личности учащегося младшего школьного возраста. Учителю отводится главенствующая роль в приобщении ребенка к духовным ценностям: отобранные для изучения произведения должны вызывать необходимый отклик, который дает возможность, не нарушая художественной условности, обратиться к реальностям жизни, влияющим на духовный рост и развитие ребенка. Противоречие между наличием большого количества исследований в области духовно-нравственного воспитания обучающихся и недостаточно разработанной методикой организации этого процесса позволило определить проблему исследования: совершенствование педагогической работы по формированию духовно-нравственных основ личности учащегося на уроках русского языка и литературного чтения.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, учебная деятельность, младший школьный возраст, начальное общее образование, педагогическое воздействие.

Поступила в редакцию: 06.05.2020 / Принята: 20.05.2020 / Опубликовано: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-340-345>

Введение

Среди множества задач, поставленных перед образованием, особенно выделяется актуальная задача воспитания сознательной, самостоятельной и активной личности. В Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России отмечается, что «именно в школе должна быть сосредоточена не только

интеллектуальная, но и гражданская, духовная и культурная жизнь обучающегося» [1, с. 85]. Можно утверждать, что сегодня культурное, политическое и даже экономическое развитие страны зависит от того, насколько успешно будет решаться задача духовно-нравственного воспитания обучающихся. Базовым условием реализации воспитательных задач в современной российской школе является создание единого пространства духовно-нравственного развития личности.

Выделение в качестве самостоятельного и интеграция в другие предметные образовательные области такого компонента, как духовно-нравственное развитие и воспитание, обусловлено требованиями ФГОС и в целом необходимостью воспитания гармонично развитой личности в интересах общества и государства. Начало данному процессу должно быть положено уже в начальной школе. Постоянный, длительный, непрерывный характер этого процесса зависит от систематических, грамотных действий педагога, через которые осуществляется воспитательное воздействие.

Результаты и их обсуждение

В последние годы активно разрабатываются вопросы духовно-нравственного воспитания обучающихся, что обусловлено потребностями общества в духовном возрождении, с одной стороны, и недостаточно высокой организацией воспитательного процесса в школах, не удовлетворяющей потребностям развивающейся личности ребенка, – с другой.

Традиционные духовные и нравственные ценности должны стать для ребенка повседневными направляющими ориентирами, ядро которых составляют понятия добра и совести. Они складываются на основе тех реальностей и поступков, с помощью которых человек оценивает, одобряет, т. е. воспринимает их как добрые, благие, справедливые [2, с. 12].

Если нравственное развитие – это специфический процесс педагогического воздействия на обучающихся, в результате которого у них формируются те или иные качества, то необходимо, чтобы это воздействие было направлено на развитие у младших школьников норм поведения,

выработку практических умений и навыков. Знание особенностей нравственного развития детей данной возрастной категории будет способствовать повышению эффективности такого воздействия. Учителю необходимо организовать учебно-воспитательный процесс таким образом, чтобы его результаты способствовали формированию целостной личности ребенка. Для того чтобы процесс обучения и воспитания был более эффективным и направленным на всестороннее развитие личности ребенка, педагогу следует использовать в своей работе принцип обучающего воспитания.

Уроки русского языка и литературного чтения имеют особое значение для решения задач развития духовно-нравственных качеств обучающихся, а важнейшей задачей начальной школы признается воспитание таких основ личности, как высокая нравственность, глубокая духовность, что невозможно без полноценной сформированности словесно-логического мышления и развитой речи. Понимание образования как посредника между личностью и культурой предполагает формирование личности во всей полноте культурного, психологического, духовно-нравственного и социального развития человека [3, с. 91]. Используя данный принцип на уроках русского языка и литературного чтения, учитель реализует метапредметный подход, который способствует осознанию ребенком многих нравственных понятий и формированию его мировоззрения. В процессе чтения художественных произведений обучающийся может понять, что такое любовь, совесть, ответственность, отвага, любовь к Родине, смысл жизни, сострадание и т.п., и через язык осуществлять ценностно-ориентированную связь с миром.

Для формирования духовно-нравственных качеств на уроках русского языка и литературного чтения педагогу могут прийти на помощь высказывания писателей и поэтов, например, при проведении словарной работы. При этом большое значение имеют содержательная сторона отобранного материала и особенности его представления в классе. Ввиду того, что русский язык как учебный предмет играет важную роль в начальной школе, включение духовного компонента в его структуру является необходимой задачей: обучающиеся должны иметь представление о русском языке как форме национальной культуры, выражения народного характера; почувствовать связь языка с историей народа. Кроме того, воспитание языковой личности, способной к самоопределению в культурном пространстве, является одной из задач обучения культуре речи в начальной школе [4, с. 13].

Уроки русского языка и литературного чтения имеют единую цель – выработать у младших школьников чуткое, трепетное отношение к родному слову. «...Скучные правила пусть придут после, а сначала, от первого дня пусть будет сказано о красоте русской речи, о богатстве, выразительности, о вместительности своего родного языка» [5, с. 78]. Утверждение Н. К. Рериха в целом совпадает с позицией начального образования: невозможно сформировать личность с ценностным взглядом на язык без познания его эстетической стороны, без осознанного уважения к языку, без развития чувства прекрасного, ведь процесс обучения языку основывается в том числе и на таких его функциях, как эмотивная, эстетическая, когнитивная и творческая... Как считает Г. В. Бобровская, целесообразно обогащать словарный запас обучающихся «лексикой человеческих отношений», что выражается в изучении слов особой тематической группы, играющей важную роль в воспитании детей [6, с. 9]. Лексика, включающая этикетные формулы, расширит знания учащихся о языке, окажет благотворное влияние на формирование навыков правописания, повысит интерес к занятиям русским языком, позволит сформировать у детей нравственные представления.

Одним из требований ФГОС начального общего образования является воспитание на уроках русского языка и литературного чтения бережного отношения к родному слову, чувства сопричастности к сохранению его уникальности и чистоты; пробуждение познавательного интереса к языку. Реализация этой задачи возможна при выполнении исследовательской работы на тему «Слово в нашей жизни», в которой учащиеся проследят этимологию слова, его лексическое значение, употребление в устном народном творчестве, произведениях писателей и его бытовании в современном русском языке. Учащимся предлагается рассмотреть особенности слов (добрых и злых), влияющих на жизнь человека, слов-приветствий, слов-разрушителей, молитвенных слов, слов-прощаний. Подобная работа, имея целью знакомство с самобытностью, национальными традициями, устойчивыми речевыми формулами, будет способствовать духовному развитию учащихся. К уроку, посвященному богатству и выразительности языка, рекомендуется приготовить карточки с мыслями русских и зарубежных писателей о языке для собственного выступления с анализом и комментированием цитат.

Обучение литературному чтению должно включать метод воспитательного чтения, разработанный еще Ц. Л. Балталоном и заключающийся в специальном отборе художественных произведений, демонстрирующих примеры высокого

нравственного поведения, формирующих представления об эстетическом идеале. Это должно способствовать духовному росту и развитию младшего школьника, соотносящего реалии жизни с художественными идеалами. Не стоит забывать и о том, что для эффективности выполнения заданий необходимо, чтобы они были внутренне приняты ребенком, при отсутствии мотивированности можно не получить желаемый результат [7]. Учитель в этом процессе является важнейшим звеном, обеспечивающим правильное понимание картины мира читающим учеником, помогающим в принятии и освоении нравственных норм общества. Кроме того, при чтении художественных произведений или работе с упражнениями педагогу необходимо постоянно возвращаться к этимологии непонятных слов: данный вид деятельности способствует глубокому пониманию прочитанного младшими школьниками.

По мнению ученых-психологов, семилетний школьник способен к осознанному восприятию художественного текста. Читая произведение, ребенок соотносит действующие события со своим личным (пусть небольшим) жизненным опытом, принимая при этом нравственные качества положительных героев за образец. Поступки таких героев могут вызывать глубокий отклик у ребенка, образуя ассоциативные связи, на основе чего происходит формирование прочных духовно-нравственных основ личности. Урок литературного чтения в таком случае является местом духовного становления детей, развития нравственных взаимоотношений в ученическом коллективе.

Необходимо учитывать возрастные особенности детей – у школьников могут отсутствовать четкие представления о содержании тех или иных понятий нравственности, поэтому педагог в данной ситуации должен оказать помощь обучающимся в их определении. В результате правильной организации такого урока ученики должны научиться размышлять над серьезными нравственными проблемами, сопереживать героям, верно оценивать их поступки (согласно нормам морали, чести и совести), а показателем усвоения нравственных норм должно стать личное стремление совершать поступки и жить по этим нравственным правилам, т. е. проявлять милосердие, уважение к окружающим, стремиться совершать добрые дела бескорыстно. В ходе урока важно предоставить право каждому ребенку высказаться, возможна ситуация не только диалога, но и продуктивной дискуссии; школьники могут испытывать затруднения при формулировании развернутого ответа (в такой ситуации педагогом используются опорные слова, художественные средства), что не должно быть следствием неверно

поставленной проблемы. В заключение урока для закрепления полученных знаний целесообразно рекомендовать к написанию мини-сочинение, например, на темы «Совість – глаз народа», «Где честь, там и правда» или «Чего в другом не любишь, того и сам не делай».

Как известно, учитель – организатор любой деятельности детей. Перед ним стоит сложная задача формирования духовно-нравственных ценностей на уроках русского языка и литературного чтения через восприятие художественного текста. Младшие школьники должны научиться извлекать моральные ценности из произведений, переводить их на «свой язык». Для этого обучающимся необходимо глубоко осмысливать произведения, прочитанные ими в школе и дома.

Большое воспитательное значение в начальной школе отводится изучению произведений устного народного творчества (пословиц и поговорок, сказок и былин), тесно связанных с жизнью народа, представляющих весь окружающий ребенка мир в особенном, волшебном преображении и позволяющих в лаконичной форме донести некие общие человеческие принципы, так как фольклор в общем смысле представляет собой самостоятельную целостную систему со своими закономерностями развития и средствами выразительности [8, с. 92].

Работая со сказкой, необходимо указать обучающимся на ее особенности. Можно широко использовать данный жанр как источник эстетического воспитания младших школьников, сказки могут быть успешно использованы с педагогической целью [9, с. 13]. В сказке обучающиеся самостоятельно находят для себя ценную и необходимую информацию для роста своего сознания; благодаря тому, что ребенок сравнивает сказочные события с реальностью, сомневается, утверждается во мнении или отвергает, развиваются его воображение и мышление. Идеиные тенденции сказок не делают обучающихся сторонними наблюдателями, дети – активные участники происходящего – переживают вместе с персонажами произведений, веря в победу добра над злом.

Не менее действенным средством для формирования духовно-нравственных основ личности обучающихся являются пословицы и поговорки. Используя их в речи, обучающиеся учатся излагать свои мысли и чувства, устанавливая связь между жизненным опытом и образным словом, приобщаются к общечеловеческим ценностям, развивают навык умелого и точного применения слова. Целесообразно использование малых жанров русского фольклора на следующих этапах урока русского языка: изучение нового материала, закрепление пройденного, например: знакомство

с однородными членами предложения – «Щеголял смолоду, а под старость умирает с голоду»; определение падежей – «Ласковое слово лучше мягкого пирога», «Работа с зубами, а леность с языком»; изучение антонимов – «Сытый голодного не разумеет»; образных средств – «Ноги носят, а руки кормят», многозначных слов – «Не красна книга письмом, красна умом» и др.

Чтобы обеспечить правильное понимание пословицы, ее обобщенный характер, целесообразно использовать на уроке различные иллюстрации либо предложить обучающимся самостоятельно отобразить ее содержание в рисунках. Педагог может рекомендовать детям завести тематические словарики, куда по мере освоения учебного материала обучающиеся будут записывать пословицы; тематику ученики могут выбрать самостоятельно либо по предложению учителя, например: «Честь и совесть», «Добро и зло», «Труд», «Семья», «Справедливость и наказание», «Мужество и героизм» и т. д. При условии грамотной и систематической работы активный словарь обучающихся значительно пополнится ценным материалом, что, безусловно, благотворно отразится на воспитательной стороне учебного процесса.

Задача знакомства обучающихся с историей, культурой русского народа лучшим образом решается при изучении былин. Напевное чтение былин как произведений героико-патриотической направленности с некоторыми элементами древнерусского языка, обладающего мощным эстетическим началом, помогает детям получить знания о культурно-нравственных ценностях своего народа. В современной детской литературе в целом ощущается недостаток в произведениях героико-патриотической тематики, а былинный богатырь – воплощение образа защитника русской земли, отличающийся невероятной силой, мужеством, смелостью, это могучий воин-защитник (гиперболизация – постоянный прием в изображении богатыря: «бьется палицей в девяносто пуд», «махнет направо – улица, махнет налево – переулочек»), его действия драматичны, но он всегда достигает поставленной цели. Двуплановая поэтика былин позволяет объединить читателей в едином порыве осуждения врагов или тех, кто не придерживается морально-этических правил народа. Традиционны выразительные средства жанра, позволяющие почувствовать красоту русского слова: меды медвяные, гусли звончаты, калена стрела, остро копьё, дружинишка хоробряя, столы белодубовые. Восприятие былинных образов чрезвычайно ярко, идейная глубина, художественная ценность былин влияют на представления учащихся, дают знания об отношении русского человека к земле, уважении к труду,

традициям и обычаям народа, почетности ратного подвига, благодаря чему происходят эстетическое обогащение личности ребенка, формирование активного отношения к нравственным ценностям.

Многие педагоги, такие как О. А. Шарапова, Е. Н. Землянская, считают, что при знакомстве обучающихся с нравственными понятиями и ценностями лучше всего использовать инсценировку. Можно выделить следующие этапы такого урока: 1) при работе с произведением учитель выявляет проблемы нравственного характера и сопоставляет какие-либо ситуации из сюжета текста с конкретными историями из жизни детей, после чего младшим школьникам необходимо, опираясь на прочитанное, провести оценку своим поступкам; 2) прослушивание аудио- или видеозаписи литературного произведения, которое читают артисты театра и кино, – такой вид деятельности помогает детям упростить понимание содержания произведения; 3) коллективная работа над характерами героев (при проигрывании произведения необходимо подтверждать характер героев как словами, так и действиями – этот вид работы способствует духовному саморазвитию школьника); 4) использование рисования для развития воображения обучающихся (портретные либо сюжетные зарисовки).

В учебниках русского языка и литературного чтения много произведений известных русских писателей и поэтов о нашей стране, о красоте ее природы, об известных соотечественниках, внесших вклад в историю и культуру государства. Произведения для младших школьников, включенные в курсы «Литературное чтение» и «Русский язык», традиционно имеют огромный нравственный потенциал. Учителю необходимо создать условия для того, чтобы обучающиеся научились анализировать поступки главных героев, сопереживали им, оценивали их, осмысливали проблемы и соотносили жизненные ситуации персонажей со своими. В ходе такой деятельности школьники научатся понимать, принимать и распознавать нравственные установки, следствием чего будет являться становление ценностных ориентаций личности, которое представляет собой превращение социальных ценностей в стимулы и мотивы практического поведения людей [10].

Выводы

Формирование духовно-нравственных основ обучающихся на ступени начального общего образования ставит перед собой задачу воспитания высоконравственных, ответственных, компетентных, с активной жизненной позицией граждан России, принимающих судьбу Отечества как свою личную, впитавших в себя духовные и культурные

традиции многонационального народа Российской Федерации. Ребенок младшего школьного возраста в силу определенных причин особенно восприимчив к духовно-нравственному развитию. Социализация, расширение круга его общения требуют проявления личностной позиции, в основе которой лежат принятые нравственные ценности. Все это говорит о важной роли начальной школы в формировании духовно-нравственных качеств ребенка.

Использование произведений устного народного творчества на уроках русского языка и литературного чтения может способствовать пониманию и принятию обучающимися духовных традиций народа, ориентированию их на нравственные ценности, воспитанию развитой личности. Правильный подбор методов работы даст положительный результат в обучении русской речи и постижении учениками единства слова и нравственного идеала народа.

Материалы исследования представляют определенную теоретическую и практическую ценность, позволяют более осознанно и целенаправленно проектировать и выстраивать работу педагога по духовно-нравственному развитию обучающихся младшего школьного возраста.

Список литературы

1. *Осипова С. Д.* Педагогические условия формирования духовно-нравственных качеств школьников в системе гуманизации учебно-воспитательного процесса в современной российской школе : дис. ... канд. пед. наук. М., 1999. 160 с.
2. *Фролова С. В.* Формирование духовно-нравственных ценностей бакалавров образования на основе индивидуального образовательного маршрута внеучебной деятельности : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Калининград, 2015. 25 с.
3. *Реутова Л. П., Соловьева Е. В.* Культура как фактор развития образования // Изв. Юго-Западного гос. ун-та. Сер. Лингвистика и педагогика. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 87–92.
4. *Киселева Н. С.* Развитие духовно-нравственных ценностей у младших школьников в процессе игровой деятельности : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2009. 21 с.
5. *Шульгина Н. П., Комарова И. А.* Совершенствование системы и инновационные подходы к преподаванию лексики при обучении русскому языку как иностранному // Изв. Юго-Зап. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и педагогика. 2016. № 1 (18). С. 78–89.
6. *Бобровская Г. В.* Индивидуальный словарь современного младшего школьника (4 класс) : На материале лексики человеческих отношений : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2004. 14 с.
7. *Дильдибекова Г. А., Бекмаганбетова Г. К., Климбей Л. В.* Развитие духовно-нравственного потенциала обучающихся как приоритетная задача современного образования // Научное обозрение. Педагогические науки. 2017. № 1. С. 88–92.
8. *Самосенкова Т. В., Малейченко Е. В.* Нравственное воспитание средствами фольклора как один из аспектов реализации ценностей в системе образования и воспитания школьников // Изв. Юго-Зап. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и педагогика. 2014. № 4. С. 89–93.
9. *Короткова Л. Д.* Авторская дидактическая сказка как средство духовно-нравственного воспитания детей дошкольного и младшего школьного возраста : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2008. 25 с.
10. *Кононова С. В., Сукманова Е. В.* Причины рассогласования ценностных ориентаций педагогов и обучающихся // Управление в социальных и экономических системах : материалы XXVII междунар. науч.-практ. конф. Минск : Минский инновационный университет, 2018. С. 107–108.

Образец для цитирования:

Качанова Л. А. Формирование духовно-нравственных основ личности младшего школьника на уроках русского языка и литературного чтения // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 340–345. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-340-345>

Formation of Spiritual and Moral Foundations of the Junior Pupil Personality at Lessons of the Russian Language and Literary Reading

L. A. Kachanova

Larisa A. Kachanova, <https://orcid.org/0000-0002-2042-4455>, Nevinnomyssk State Humanitarian Technical Institute, 17 Boulevard Mira, Nevinnomyssk, Stavropol Krai 357030, Russia

The article presents some results of studying the features of spiritual and moral formation of the junior pupil personality at the lessons of the Russian language and literary reading. Spiritual and moral

education is one of the priorities in the activities of educational organizations. This process is especially important at the stage of primary education, since at this age the child starts developing socialization patterns and feelings (responsibility, justice, mutual aid and duty); the circle of his/her communication is expanding; his/her speech is quickly progressing. The author shows the importance of Russian language and literary reading lessons in forming spiritual and moral basis of the junior pupil's personality. At this stage the teacher plays the leading role in introducing spiritual values to primary school children. Selected literary works for studying should resonate with the readers. This gives the opportunity to address the realities of life that affect spiritual growth and development of the child without breaking artistic conventions. The contradiction

between the large number of studies in the field of spiritual and moral education of students and insufficiently developed methods of organizing this process allowed us to determine the problem of the research: improving pedagogical work on the formation of spiritual and moral foundations of the student's personality at the lessons of the Russian language and literary reading.

Keywords: spiritual and moral education, educational activity; primary school age; primary education; pedagogical influence.

Received: 06.05.2020 / Accepted: 20.05.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Osipova S. D. *Pedagogicheskie usloviya formirovaniya dukhovno-nravstvennykh kachestv shkolnikov v sisteme gumanizatsii uchebno-vospitatelnogo protsessa v sovremennoy rossiyskoy shkole* [Pedagogical conditions for the formation of spiritual and moral qualities of schoolchildren in the system of humanization of the educational process in modern Russian schools]. Diss. Cand. Sci. (Ped.). Moscow, 1999. 160 p. (in Russian).
2. Frolova S. V. *Formirovaniye dukhovno-nravstvennykh tsennostey bakalavrov obrazovaniya na osnove individualnogo obrazovatel'nogo marshruta vneuchebnoy deyatel'nosti* [Formation of spiritual and moral values of bachelors of education on the basis of an individual educational route of extracurricular activities]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Ped.). Kaliningrad, 2015. 25 p. (in Russian).
3. Reutova L. P., Soloveva E. V. Culture as a factor in the development of education. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo un-ta. Ser.: Lingvistika i pedagogika* [Proceedings of Southwestern State University. Series: Linguistics and Pedagogy], 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 87–92 (in Russian).
4. Kiseleva N. S. *Razvitiye dukhovno-nravstvennykh tsennostey u mladshikh shkolnikov v protsesse igrovoy deyatel'nosti* [Development of spiritual and moral values in primary school children in the process of playing activities]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Ped.). Moscow, 2009. 21 p. (in Russian).
5. Shulgina N. P., Komarova I. A. Improving the system and innovative approaches to teaching vocabulary in teaching Russian as a foreign language. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo un-ta. Ser.: Lingvistika i pedagogika* [Proceedings of Southwestern State University. Series: Linguistics and Pedagogy], 2016, no. 1 (18), pp. 78–89 (in Russian).
6. Bobrovskaya G. V. *Individualnyy slovar sovremennoy mladshego shkolnika (4 klass): Na materiale leksiki chelovecheskikh otnosheniy* [Individual dictionary of a modern Junior school student (4th grade): based on the vocabulary of human relations]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Ped.). Moscow, 2004. 14 p. (in Russian).
7. Dildibekova G. A., Bekmaganbetova G. K., Klimbey L. V. Development of spiritual and moral potential of students as a priority task of modern education. *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki* [Scientific Review. Pedagogical Science], 2017, no. 1, pp. 88–92 (in Russian).
8. Samosenkova T. V., Maleychenko E. V. Moral education by means of folklore as one of the aspects of realization of values in the system of education and upbringing of schoolchildren. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo un-ta. Ser.: Lingvistika i pedagogika* [Proceedings of Southwestern State University. Series: Linguistics and Pedagogy], 2014, no. 4, pp. 89–93 (in Russian).
9. Korotkova L. D. *Avtorskaya didakticheskaya skazka kak sredstvo dukhovno-nravstvennogo vospitaniya detey doshkol'nogo i mladshego shkol'nogo vozrasta* [Author's didactic fairy tale as a means of spiritual and moral education of children of preschool and primary school age]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Ped.). Moscow, 2008. 25 p. (in Russian).
10. Kononova S. V., Sukmanova E. V. Author's didactic fairy tale as a means of spiritual and moral education of children of preschool and primary school age. *Upravlenie v sotsialnykh i ekonomicheskikh sistemakh: materialy XXVII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Management in social and economic systems. Proceedings of the XXVII international scientific and practical conference]. Minsk, Minskiy innovatsionnyi universitet, 2018, pp. 107–108 (in Russian).

Cite this article as:

Kachanova L. A. Formation of Spiritual and Moral Foundations of the Junior Pupil Personality at Lessons of the Russian Language and Literary Reading. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 340–345 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-340-345>

УДК 378.147.34

Пропедевтический курс деонтологии в преподавании русского языка как иностранного в медицинском вузе: перспективы разработки

Н. И. Павлова, Л. П. Прокофьева

Павлова Наталья Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и латинского языков, Саратовский медицинский университет имени В. И. Разумовского, pit60@mail.ru

Прокофьева Лариса Петровна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского и латинского языков, Саратовский медицинский университет имени В. И. Разумовского, prokofievalp@mail.ru

В статье предлагается идея, методические и дидактические материалы для разработки и введения двухсеместрового курса пропедевтической дисциплины «Введение в деонтологию (лингвистический аспект)», включающей в себя разделы, связанные с культурой речи, риторикой и реализующейся в следующих основных темах: «Деловой этикет врача», «Культура научно-профессиональной речи», «Качества хорошей речи», «Стилистические синонимы в речи медика», «Медицинская риторика в практической и научной деятельности врача», «Коммуникативная компетентность врача», «Речевые стратегии и тактики в профессиональном общении врача». Целевая аудитория курса – иностранные студенты, обучающиеся в медицинском вузе России на русском языке как иностранном (РКИ). Обучение основным моделям ведения беседы с пациентом в рамках учебной дисциплины «Диалог врача с больным» осуществляется в течение всего периода обучения иностранцев на кафедре русского и латинского языков Саратовского ГМУ им. В. И. Разумовского по учебно-методическим пособиям, разработанным и апробированным в ходе деятельности. Предлагается дополнить его материалами произведений писателей, героями которых являются врачи, что будет способствовать формированию данного аспекта деонтологической грамотности студентов-медиков в процессе изучения РКИ. Выделение на I курсе новой дисциплины «Введение в деонтологию (лингвистический аспект)» позволит обучающимся познакомиться с речевыми стратегиями и тактиками в профессиональном общении врача, отработать их в письменной и устной формах, подготовиться к изучению деонтологии на старших курсах на теоретических и клинических кафедрах.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, деонтология, культура речи, этика.

Поступила в редакцию: 14.02.2020 / Принята: 20.05.2020 / Опубликовано: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-346-350>

Термин «деонтология», введенный философом Дж. Бенетом для обозначения теории нравственности в целом («Деонтология, или

Наука о морали», «Deontology or The science of morality», vol. 1–2, 1834) [1, с. 148], впоследствии стал толковаться как раздел этики, в котором рассматриваются проблемы долга и должного, изучающий различные «формы выражения долженствования» [2], как «учение о юридических, профессиональных и моральных обязанностях и правилах поведения медицинского работника» [3, с. 230].

Деонтология как наука о взаимодействии врача и пациента является мультидисциплинарной, так как медицинское образование предусматривает всестороннее формирование нравственных качеств врача. Традиционно ее вопросы поднимаются в процессе преподавания почти всех кафедр медицинского вуза, при этом выделяется и самостоятельная дисциплина «Деонтология и медицинская этика», которая в разных вузах преподается на различных теоретических или клинических кафедрах. Когда же речь идет об обучении иностранного контингента, становится очевидным, что в медицинском вузе в курсе «Иностранный язык (Русский язык как иностранный)» проблемам деонтологии должно отводиться особое место: самостоятельная пропедевтическая (вводная) учебная дисциплина, направленная на формирование у студентов-медиков коммуникативных и деонтологических компетенций, может стать основой, ядром, поскольку она направлена на формирование языковой личности специалиста, отличающегося выразительной, культурной профессиональной, научной и разговорной речью.

Медицинская деонтология охватывает вопросы, связанные прежде всего с речевой деятельностью врача, который должен уметь организовать и вести устный диалог с больным и его родственниками, коллегами, медицинскими работниками различного уровня, предупреждать и решать конфликтные ситуации, вести профилактические беседы, выступать на различных совещаниях – от пятиминутки до конференций и симпозиумов. Медицинская деонтология включает и вопросы ятрогении, возникающие вследствие нарушений различных аспектов деятельности врача, в том числе его ошибок. Курс русского языка для иностранцев также включает те же проблемы, но в чуть более «облегченном» виде из-за недостаточ-

ного уровня владения русским языком. Тем не менее обучение основным моделям ведения беседы с пациентом в Саратовском ГМУ начинается уже на I курсе после подготовительного отделения и на II курсе при обучении на языке-посреднике в рамках учебной дисциплины «Диалог врача с больным» и продолжается в течение всего периода обучения (I–IV курсы билингвального отделения, I–III курсы отделения обучающихся на русском языке).

Отсутствие единого утвержденного календарно-тематического плана работы по РКИ для вузов Российской Федерации делает необходимыми сбор и обобщение конкретных результатов поиска кафедральными коллективами меdvузов способов достижения результатов успешного освоения компетенций, предусмотренных ФГОС для подготовки специалистов-медиков. Каждый вуз имеет право по-своему наполнять учебный план вариативными дисциплинами и факультативами, поэтому решение проблемы интеграции потребностей в обучении русскому языку как иностранному (РКИ) не могут и не должны замыкаться в стандартном курсе иностранного языка, предусмотренном ФГОС. Необходимо искать возможности полноценного выполнения Требований по РКИ и обеспечить студентам необходимый уровень лингвистической компетентности B2 с профессиональным модулем, соответствующим профилю обучения (в нашем случае модуль «Медицина. Биология»).

Опыт работы кафедры русского и латинского языков Саратовского ГМУ им. В.И. Разумовского позволяет предложить идею и методические материалы для разработки двухсеместрового курса «Введение в деонтологию (лингвистический аспект)», который мог бы включать в себя такие разделы лингвистики, как «Культура речи», «Стилистика», «Риторика», «Речевой этикет». Конкретизация потребностей профессиональных компетенций реализуется в темах: «Деловой этикет врача», «Культура научно-профессиональной речи», «Качества хорошей речи», «Стилистические синонимы в речи медика», «Медицинская риторика в практической и научной деятельности врача», «Коммуникативная компетентность врача», «Речевые стратегии и тактики в профессиональном общении врача». Эти и другие темы могут стать основой для дальнейшего обучения деонтологии на клинических кафедрах, а также помогут в освоении дисциплин теоретических кафедр, трудности с которыми традиционно отмечаются у иностранных студентов I–III курсов. Так, большую часть понятий, а также обслуживающую их лексику они смогут изучить на лингвистической кафедре и, соответственно, придут к специалистам-медикам подготовленными. Наблюдается некая аналогия с вводными

предметами на подготовительном отделении вуза, когда преподаватель-русист обучает лексику и конструкциям математики, физики, химии, биологии, готовя будущих студентов к освоению основного курса, который будет вести специалист-нефилолог.

Предлагаем методические материалы для первого занятия, которое начинается с беседы, направленной на выяснение мотивации студентов, решивших стать врачами, и заканчивается вопросом: согласны ли они с тем, что профессия врача формирует в человеке особые качества, особенное отношение к людям, а опыт общения с пациентами, их проблемами формирует определенное мировоззрение, особую жизненную позицию.

Прекрасной дидактической основой могут послужить фрагменты из художественных фильмов, героями которых являются врачи. Так, участковый врач Елизавета Максимовна («Неоконченная повесть») показана в общении с нердивым пациентом, с весьма уверенным в себе и перспективным коллегой, с пациентом, у которого парализованы обе ноги, его мамой, с ребенком и его родственниками, в разговоре с представителями работодателя и пр. Обсуждение фрагментов помогает увидеть, насколько разносторонней является деятельность врача, какими качествами он должен обладать, чтобы уметь объективно оценить ситуацию и обосновать свою гражданскую и жизненную позицию, непосредственно связанную с профессиональными качествами. Визуально-аудиальная поддержка слов преподавателя позволяет перейти к теоретическому материалу о видах (формальное и неформальное) и моделях коммуникации «Врач – Пациент»:

1) *информационная*, когда врач сообщает пациенту о его болезни, различных способах ее лечения, а само решение о выборе лечения принимает пациент;

2) *интерпретационная*, когда врач убеждает пациента в необходимости лечения, акцентируя внимание на положительных и возможных отрицательных моментах;

3) *совещательная*, когда врач предлагает план, а пациент принимает, участвуя в совместном согласовании плана лечения;

5) *патерналистская*, когда врач в экстренных случаях абсолютно самостоятельно принимает решение о лечении.

После введения теории логичным является обращение к видеоматериалу, который поможет иностранным студентам осмыслить сложный теоретический материал, увидев, как работает врач.

Преподаватель помогает первокурсникам прийти к выводу о том, что профессия врача прежде всего лингвоактивная [4]: его речь должна соответствовать эмоциональному состоянию

пациента, иметь деловую направленность, соответствовать социальным ролям. Чтобы овладеть культурой профессиональной и научной речи в процессе изучения РКИ, нужно научиться в различных ситуациях общения подбирать необходимую разностилевую лексику, выступать публично на профессионально значимую тему, организовывать, участвовать и уметь моделировать профессиональный диалог, общаться с неспециалистами в пределах специальных вопросов, соблюдая этические и деонтологические нормы. Предлагаем подумать над понятием «коммуникативное поведение», которое трактуется как организация речи и поведения, помогающая создавать и поддерживать эмоционально-психологическую атмосферу общения с коллегами, пациентами и их родственниками. Обращая внимание студентов на то, что жестких правил общения с пациентом нет, хотя все врачи пользуются общими принципами деонтологии, которыми необходимо овладеть, чтобы подготовиться к клинической практике, отмечаем языковые приметы постепенного отхода от авторитарной модели общения и переход к коллегиальной [5, с. 70–76]. На примерах из фильма предлагаем студентам определить данные понятия, маркируя коммуникативное поведение участников процесса общения.

Преподаватель сообщает новую для обучающихся информацию о том, что уже с 1987 г. в Германии «диалог врача с пациентом переведен в категорию интенсивных врачебных процедур и включен в каталог целей обучения студента медицинского вуза» [6]. Задаются вопросы: Как вы считаете, чем вызвана эта мера? Надо ли учиться ведению диалога с пациентами, его родителями, коллегами? Почему? Следующая важная новость: с 2019 г. в рамках первичной аккредитации выпускников медвузов России по специальностям «Лечебное дело», «Педиатрия», «Стоматология» в некоторых вузах, в том числе в СГМУ проходит апробация пилотного проекта по включению дополнительной станции проверки практических навыков в симулированных условиях «Сбор жалоб и анамнеза на первичном приеме врача». Таким образом, обучение ведению профессионального диалога ведется и у российских студентов, результаты сформированности коммуникативно-профессиональных компетенций оцениваются при принятии решения о получении аккредитации специалиста.

Уместным является разговор о качествах хорошей речи. Преподаватель вместе со студентами составляет их актуальный перечень, затем предлагает выбрать те, которым должна отвечать речь врача: выразительная, правильная, хорошо поставленная, доверительная, властная, спокойная,

безразличная, уверенная, неуверенная, плавная, прерывистая, энергичная, логичная, громкая, отчетливая, быстрая.

Безусловно, форма обращения врача с больными и коллегами зависит от нравственных позиций медика, его культуры, в том числе речевой. Специалисту любой области необходимо владеть литературным языком (культурой речи), уметь грамотно формулировать и излагать свои мысли. Для этого должно быть хорошо развито логическое и клиническое мышление, поскольку образование врача предполагает в том числе и умение донести до пациента ту или иную мысль.

Преподаватель предлагает начать имитационную игру: представьте себя в роли врача. Вы общаетесь с пациентом. Как вы считаете, может ли (должен ли) врач заранее продумывать беседу с больным? Почему? Подумайте, как бы вы оградили пациента от лишних и порой напрасных волнений? Уместно ли к взрослому человеку обращаться «бабуля», «дедуля», «мамаша», «папаша», разговаривать «на ты» с пациентом-ровесником? Фрагмент занятия должен быть посвящен этикетным нормам, которые теперь осложняются понятиями «уместность» и «ситуативность». Простая и знакомая каждому ситуация первичного приема, например, уточняется: к стандартным этикетным формулам приветствия добавляется модельная фраза врача: *Проходите, садитесь, пожалуйста*. Модель предупреждает типичные ошибки, когда студенты из дальнего зарубежья говорят *приходите*, а студенты из ближнего зарубежья – *присаживайтесь* (не учитывается дополнительное значения префикса «ненадолго»).

Обращение к фрагментам произведений «Записки врача» В. Вересаева и «Доктор Живаго» Б. Пастернака позволяет первокурсникам сравнить себя с героями и обратить внимание на поднятые авторами этические проблемы: «*Что касается анатомии, то часто приходится слышать, какую тяжелую и неприятную сторону ее изучения является необходимость препарировать трупы. <...>*» [7, с. 256].

После чтения и разбора лексики задаются вопросы: к каким выводам приходит автор? Согласны ли вы с ними? Упростился ли ваш взгляд на человека, как это произошло с героем В. Вересаева? Как связано научное знание и этические нормы? В теории? На практике? Ответы на эти вопросы будут даваться в течение всего курса.

Фрагмент из романа «Доктор Живаго» позволяет задуматься о выборе профессии: «*Юра не затруднялся выбором поприща. Он интересовался физикой, естествознанием и находил, что в практической жизни надо заниматься чем-нибудь общепольным. Вот он и пошел по медицине*»

[8, с. 66]. Согласны ли вы с Юрием, что в практической жизни надо заниматься чем-нибудь «общепользным», поэтому «он и пошел по медицине»? Что стало стимулом в вашем выборе?

Одним из важнейших аспектов деонтологии является проблема врачебного долга, гражданских обязанностей врача, причем не только перед больными, но и перед обществом. Известно, что многочисленные выступления Н. И. Пирогова, В. А. Манассеина, С. П. Боткина и многих других крупных клиницистов пронизаны мыслью, что врач – не только профессия. О том, что медицина – это призвание, свидетельствуют примеры подвига врачей и в периоды свирепствования эпидемий (Н. Я. Чистович, Н. С. Хейфец, З. В. Ермольева и многие другие), и в годы войн (Н. Н. Бурденко, С. Боткин, С. Р. Миротворцев и др.). Многие проводили опыты на себе, подвергая свое здоровье и жизнь опасности (В. Хавкин, А. Попов, В. Знаменский и др.). Это и проявление гражданской позиции Н. П. Бехтеревой, выразившееся в отстаивании своих мыслей в обществе, преследующем всякое инакомыслие.

Обращение к текстам художественной литературы, авторами которых являются врачи, ставшие писателями, и писатели, героями произведений которых являются врачи, способствует формированию данного аспекта деонтологической грамотности студентов-медиков в процессе изучения РКИ [9]. Так, среди персонажей А. П. Чехова особое место занимает доктор Осип Дымов, о самопожертвовании которого говорят его жена и доктор Коростелев: «Когда бедняжка-отец заболел, то Дымов по целым дням и ночам дежурил около его постели. Столько самопожертвования! Сколько искреннего участия!» [10, с. 53]. «Знаете, отчего он заразился? Во вторник у мальчика высасывал через трубочку дифтеритные пленки. А к чему? Глупо... Так, сдуру...» [10, с. 73]. Предлагаем подумать, что такое самопожертвование и можно ли оправдать его, если цена подвига – жизнь врача? Можно ли сказать, что поступок доктора Дымова стоит в ряду подвигов врачей, пожертвовавших собой ради науки? Какие качества Дымова подчеркивает его коллега? В чем жизненная трагедия доктора?

Чрезвычайно полезен и такой вид работы, как обращение к словарным статьям, на материале которых можно развивать языковую догадку, выясняя лексическое значение слова, и разбирать ее стилистические особенности. Особым станет разговор и о нарушениях принципов деонтологии – врачебных ошибках, которые приводят к развитию ятрогении. В разделе «Риторика» мы обращаемся к темам: «Конфликт. Типы конфликтов», «Способы предупреждения и разрешения конфликта», «Управление конфликтом», «Конфликтогенные

факторы», «Конфликтоустойчивость». Такие активные формы занятий, как имитационные игры, позволяют студентам вникнуть в суть возникшего конфликта между врачом и пациентом, постараться различными способами разрешить его, задуматься над тем, как развить в себе конфликтоустойчивость – способность сохранять конструктивные приемы взаимодействия с окружающими вопреки воздействию конфликтогенных факторов. Моделирование профессиональной деятельности – эффективный метод обучения языку специальности, формирования навыков общения, в том числе с пациентом, развития коммуникативной толерантности. Важно отметить, что в СГМУ им. В. И. Разумовского регулярно проводятся мастер-классы (психологические тренинги), которые подразделены на несколько тематических блоков: тренинг личностного роста; тренинг по развитию коммуникативных навыков; тренинг по преодолению тревожности и страхов; тренинг по развитию лидерских качеств.

Таким образом, выделение на I курсе самостоятельной пропедевтической дисциплины «Введение в деонтологию (лингвистический аспект)» в рамках преподавания русского языка иностранным студентам медицинского вуза дает им возможность познакомиться с речевыми стратегиями и тактиками в профессиональном общении врача, отработать их в письменной и устной (имитационный диалог) формах, подготовиться к изучению деонтологии на старших курсах на теоретических и клинических кафедрах.

Список литературы

1. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М. : Сов. энцикл., 1983. 840 с.
2. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / науч.-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов ; гл. ред. Б. В. Петровский. М. : Мысль, 2010. Т. 1. 741 с.
3. Энциклопедический словарь медицинских терминов : в 3 т. / под общ. ред. Б. В. Петровского. М. : Сов. энцикл., 1983. Т. 2. 448 с.
4. Орлова Е. В. Формирование риторической компетенции у студентов медицинского вуза с учетом новых образовательных стандартов // Лингвориторическая парадигма : теоретические и прикладные аспекты. 2017. № 22-1. С. 121–123.
5. Майборода С. В. Лингвистические индикаторы авторитарной и коллегиальной модели профессиональной коммуникации (На материале записей диалогов врача и пациента) // Русский язык в поликультурном мире. Симферополь : ООО «Типография «Ариал», 2017. Т. 2. С. 70–76.
6. Социальная психология личности : учеб. пособие / сост. В. А. Урываев. Ярославль : ЯГМА (Ярославль : АверсПлюс), 2006. 115 с.

7. Вересаев В. В. Собр. соч. : в 5 т. М. : Правда, 1961. Т. I. С. 255–261.
8. Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. : в 11 т. Т. IV : Доктор Живаго. М. : СЛОВО/SLOVO, 2004. 760 с.
9. Павлова Н. И. Речевые жанры в коммуникации «врач – пациент» в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Жанры речи. 2019. № 2 (22). С. 134–142.
10. Чехов А. П. Собр. соч. : в 12 т. М. : ГИХЛ, 1962. Т. 7. 551 с.

Образец для цитирования:

Павлова Н. И., Прокофьева Л. П. Пропедевтический курс деонтологии в преподавании русского языка как иностранного в медицинском вузе: перспективы разработки // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 346–350. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-346-350>

Propaedeutic Course of Deontology in Teaching Russian as a Foreign Language in Medical University: Perspective of Study Manual

N. I. Pavlova, L. P. Prokofyeva

Nataliya I. Pavlova, <https://orcid.org/0000-0001-6284-5330>, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky, 12 Bolshaya Kazachya St., Saratov 410012, Russia, pim60@mail.ru

Larisa P. Prokofyeva, <https://orcid.org/0000-0002-0700-4886>, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky, 12 Bolshaya Kazachya St., Saratov 410012, Russia, prokofieval@mail.ru

The article proposes the idea of methodical and didactic materials for the development and introduction of a two semester course of propaedeutic discipline “Introduction to deontology (the linguistic aspect)”, which includes topics related to speech culture and rhetoric and realized in the following main topics: “Business ethics in the doctor”, “Culture of scientific and professional speech”, “Good speech”, “Stylistic synonyms in the speech of the physician”, “Medical rhetoric in practical and scientific activity of the doctor”, “Communicative competence of the doctor”, “Speech strategies and tactics in professional communication of the doctor”. The target audience of the course is foreign students of medical universities who are taught in Russian as a foreign language (RAF). Teaching basic models of conducting a conversation with a patient in the framework of the discipline “Doctor-Patient dialogue” is carried out during the entire period of training foreigners at the Russian and Latin languages Department of Saratov V. I. Razumovsky State Medical University using the course content developed and tested during the educational process. The course is to be completed with texts about doctors from fiction, which will contribute to the formation of this aspect of deontological literacy in medical students while studying RAF. Including the new discipline in the 1st year will allow students to get acquainted with speech strategies and tactics in professional communication of the doctor, and to develop this aspect in written and oral communication, which will prepare senior students for studying deontology at theoretical and clinical departments.

Keywords: Russian as a Foreign Language, deontology, ethics.

Received: 14.02.2020 / Accepted: 20.05.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophic Encyclopedical Dictionary]. Ch. ed. L. F. Il'ichev, P. N. Fedoseyev, S. M. Kovalev, V. G. Panov. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1983. 840 p. (in Russian).
2. *Novaya filosofskaya entsiklopediya*: v 4 t. [New Philosophic Encyclopedia]. nauch.-red. sovet: V. S. Stepin, A. A. Guseynov, G. Yu. Semigin, A. P. Ogurtsov ; Ch. ed. B. V. Petrovskiy. Moscow, Mysl' Publ., 2010, vol. 1. 744 p. (in Russian).
3. *Entsiklopedicheskiy slovar' meditsinskikh terminov*: v 2 t. [Encyclopedical dictionary of medical terms: in 2 vols.]. By total ed. B. V. Petrovskiy. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1983, vol. 2. 448 p. (in Russian).
4. Orlova E.V. Forming medical students' rhetorical competence in the context of new educational standards. *Lingvitoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Linguorethorical paradigm: theoretic and applicative aspects], 2017, no. 22-1, pp. 121–123 (in Russian).
5. Mayboroda S.V. Linguistic indicators of authoritarian and collegial models of communication (based on recording of Doctor – Patient dialogues). *Russkiy yazyk v polikul'turnom mire* [Russian Language in Multicultural World]. Simferopol', Tipografiya Arial, 2017, vol. 2, pp. 70–76 (in Russian).
6. *Sotsial'naya psihologiya lichnosti* [Social psychology of personality]. Compiler V.A. Uryvaev. Yaroslavl', YAGMA (Yaroslavl', AversPlyus), 2006. 115 p. (in Russian).
7. Veresaev V. V. *Sobr. soch.*: v 5 t. [Works: in 5 vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1961, vol. 1. 479 p. (in Russian).
8. Pasternak B. L. *Poln. sobr. soch.*: v 11 t. [Complete works: in 11 vols.]. Moscow, Slovo Publ., 2004, vol. IV: Doktor Zhivago. 760 p. (in Russian).
9. Pavlova N. I. Speech Genres in the Communication “Doctor – Patient” in the Novel by B. L. Pasternak “Doctor Zhivago”. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2019, no. 2 (22), pp. 134–142 (in Russian).
10. Chekhov A. P. *Sobranie sochineniy*: v 12 t. [Works: in 12 vols.]. Moscow, GIKHL Publ., 1962, vol. 7. 551 p. (in Russian).

Cite this article as:

Pavlova N. I., Prokofyeva L. P. Propaedeutic Course of Deontology in Teaching Russian as a Foreign Language in Medical University: Perspective of Study Manual. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 346–350 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-346-350>